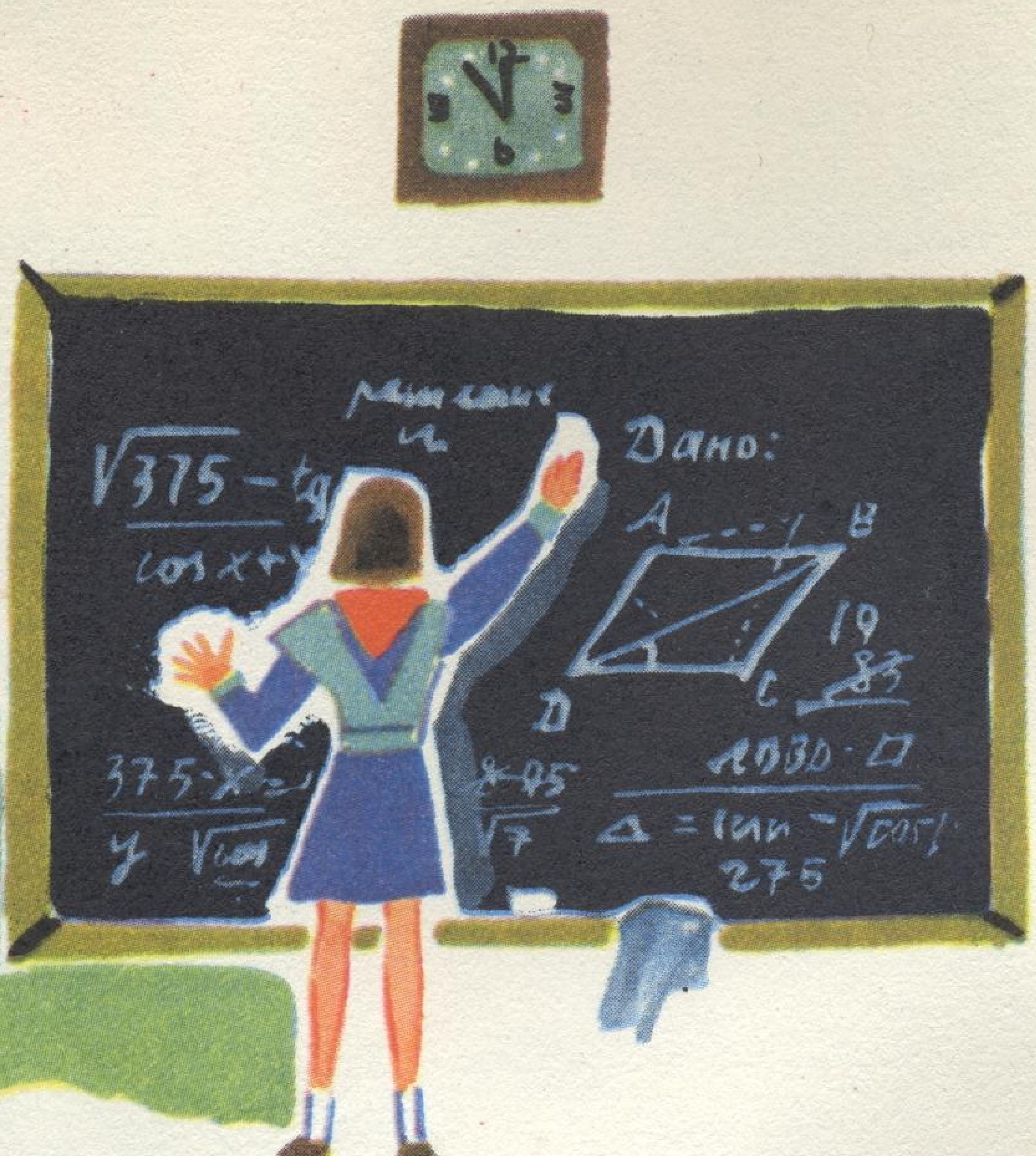
ПИОНЕР 9

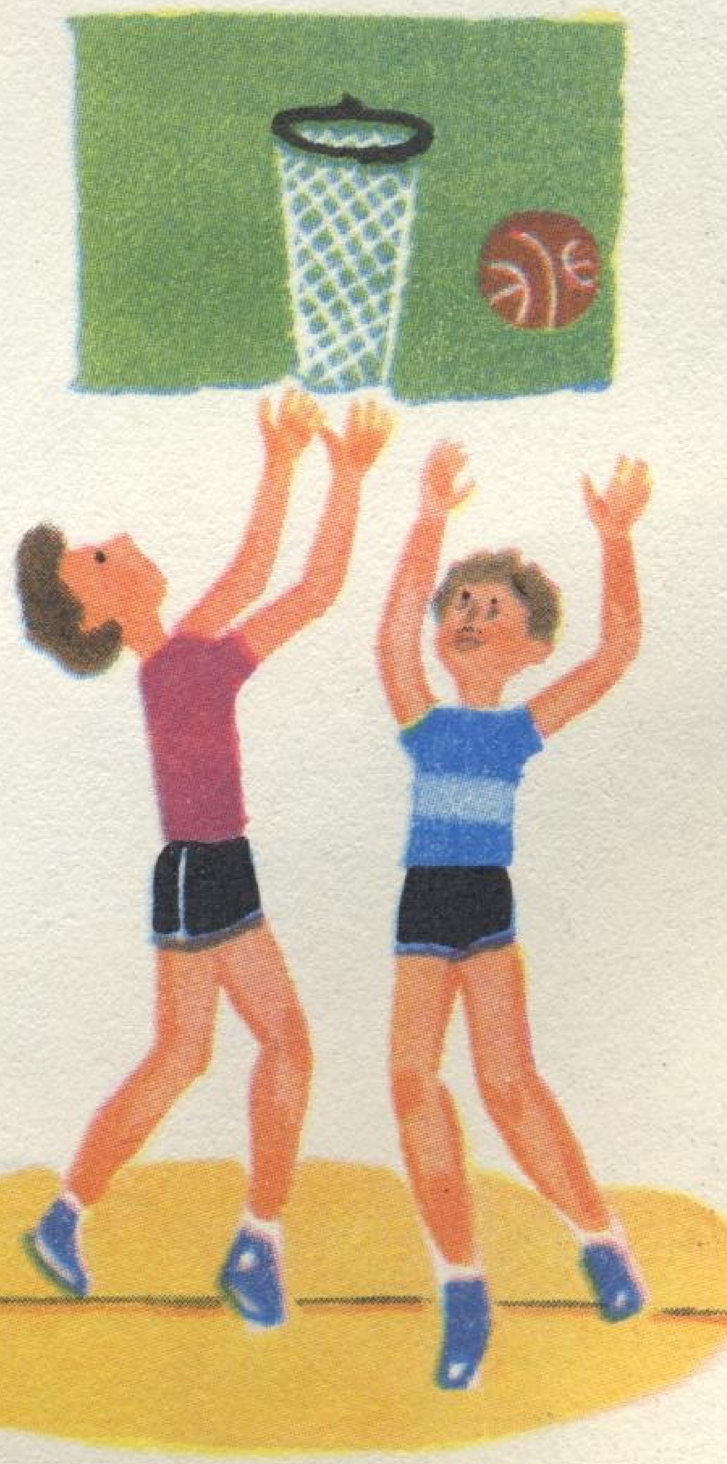
СЕНТЯБРЬ ● 1973
● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Михаил Иванович
КОНДАКОВ,
академик,
заместитель
министра
просвещения СССР

Мне нравятся

Когда я был школьником, мы только в мечтах могли представить себе полет в космос, передачи по телевидению, современные реактивные самолеты, машины, которые умеют ходить по земле и по воде. Вы живете в иное время. Люди побывали на Луне, вышли в открытый космос. Теперь мы не представляем себе жизни без машин, которые стали нашими первыми помощниками.

Изменилась жизнь, изменились и требования к человеку. Дело, которое приходится выполнять

Рисунки А. БОРИСОВА.

такие ребята, которые...

каждому из нас, требует теперь более широкого образования, чем прежде, прочных навыков самостоятельной, я бы даже сказал, исследовательской работы. Токарь на заводе должен сейчас не только выточить деталь, но и уметь читать чертеж, хорошо знать весь технологический процесс. Тому, кто трудится в сельском хозяйстве, не обойтись без основ агробиологии и механизации, без умения применять химикаты. Нашей промышленности и сельскому хозяйству нужны люди, знающие физику и математику, химию и биологию, умеющие читать чертежи и топографические карты, мыслящие широко и смело. Словом, чтобы стать хорошим работником, надо много знать и уметь, надо еще за школьной партой научиться учиться, почувствовать интерес к творчеству.

В этом году вы будете заниматься по новым учебникам. Они сложнее прежних. Читайте их внимательно, глубоко вдумывайтесь в вопросы и задания, тщательно выполняйте практические и лабораторные работы: учебник не только несет вам знания, он учит вас учиться.

Я знаю, есть такие ученики, которые решат задачу и со вздохом облегчения откладывают в сторону тетрадь и ручку. Мне больше нравятся те ребята, которые тут же принимаются решать еще одну задачу, более трудную, ищут другие способы решения. Они учатся самостоятельно думать, воспитывают в себе вкус к поиску, волю и характер.

Когда мы, взрослые, говорим вам: «Учитесь! Учитесь хорошо!» — мы думаем о будущем нашей страны. Пройдет совсем немного времени, и судьба нашей науки, техники, всего хозяйства окажется в ваших руках. Мы все хотим, чтобы наша страна была сильной, счастливой, богатой. С детства учитесь по-хозяйски относиться к народному добру, к школьному имуществу, старайтесь свои знания применять на практике.

Многие из вас работают в ученических производственных бригадах, участвуют в рейдах «зеленых патрулей», сажают цветы и деревья на улицах городов и сел, ремонтируют школьную мебель, долгие годы сохраняют школу без ремонта.

Детским техническим и художественным творчеством, изобретательностью, мастерством ребят теперь серьезно интересуются ученые, инженеры, рабочие, художники. Нередко работы ваших сверстников используются на производстве, в народном хозяйстве. Не отставайте от этих ребят, смелее пробуйте свои силы в том деле, которое вам нравится, за которое вы беретесь.

Ваши пионерские отряды идут сейчас Маршем «Всегда готов!». Учитесь не стоять в стороне от хорошего дела, от чужой беды и радости, и тогда вы придете в большую жизнь настоящими коллективистами — общественниками, чуткими и заботливыми людьми.

Нашему обществу нужны сильные, здоровые люди. Пусть в отряде не будет ни одного пионера, который бы не сдал норм ГТО.

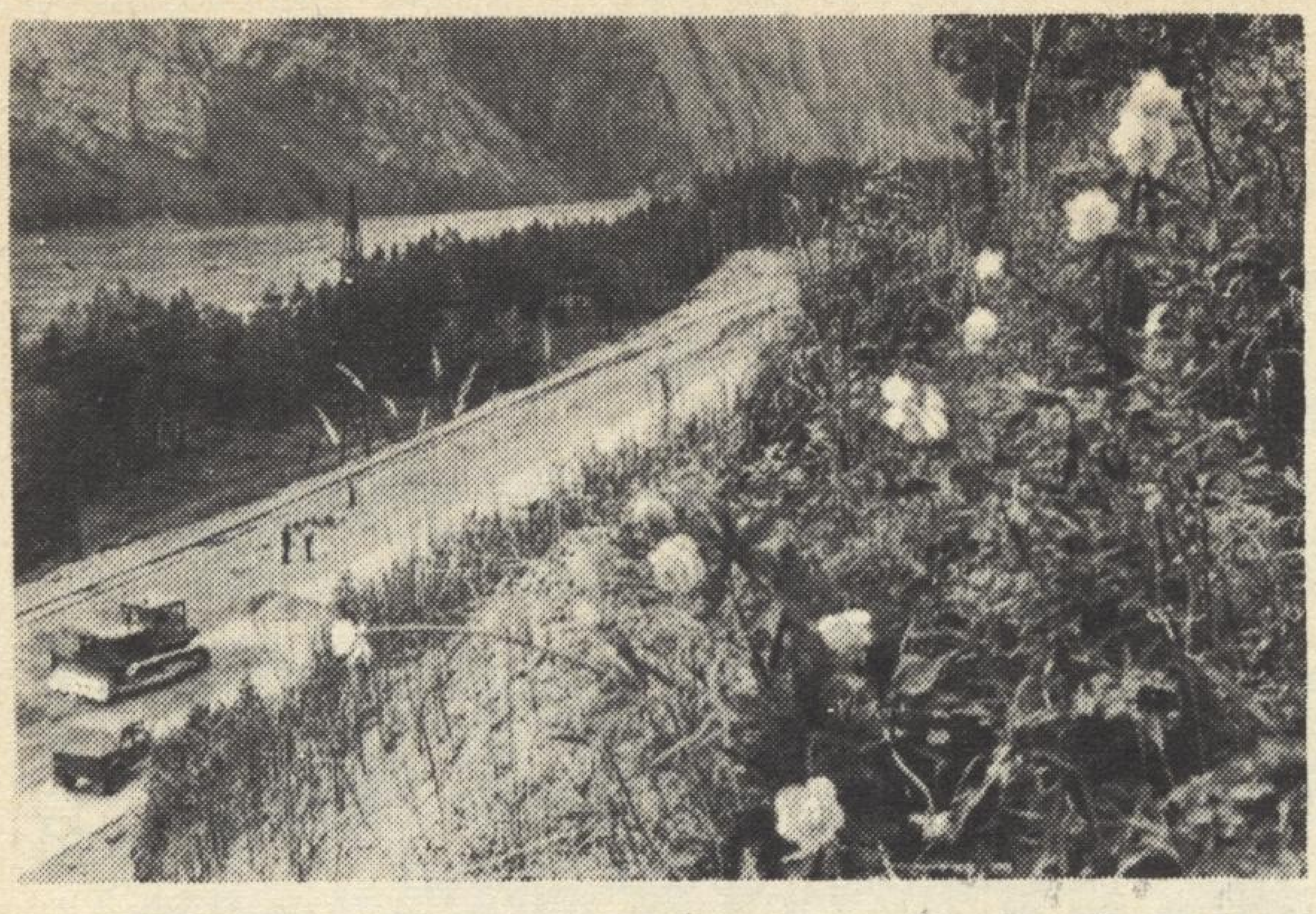
Сорок лет назад в нашей стране был введен закон о всеобщем начальном образовании. В то время для нашей страны это было огромным достижением. Теперь у нас все ребята оканчивают восемь классов, и две трети всех школьников получают полное среднее образование. К 1975 году мы завершим переход ко всеобщему среднему образованию.

Доказано, что с повышением образования рабочих на один класс рационализаторов на производстве становится на 6 процентов больше. Рабочий, окончивший десять классов, вносит рационализаторских предложений в пять раз больше, чем рабочий без среднего образования.

С каждым годом жизнь будет требовать от вас все больше знаний. Поэтому в самом начале нового учебного года я хочу пожелать вам успеха в учении и труде!

ПИОНЕР
Выходит с 15 марта 1924 г.
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
СЕНТЯБРЬ 9
Издательство «Правда»
Москва 1973 г.
© «Пионер». 1973

Здесь, на берегах Енисея, скоро вырастет Саяно-Шушенская ГЭС, самая мощная в Советском Союзе.



На месте этой дороги громоздились утесы и зияли глубокие расселины. А сейчас по зеркальной ленте асфальта уже бегут машины, и под колесами поездов позванивают рельсы.

Скалолазы-взрывники, как правило, отличные альпинисты. Да и сможет ли человек, физически слабый, взобраться на утес с грузом в шестьдесят килограммов! Спорт и труд здесь побратимы.

Пройдет несколько часов, и по окрестным сопкам раскатится эхо взрыва. Взрыв выбросит сотни кубометров скального грунта и послушно уложит его туда, куда повелел Человек.

Старожилы говорят, что если подняться на вершину этой горы ясной ночью, то можно увидеть вдали огни Шушенского.

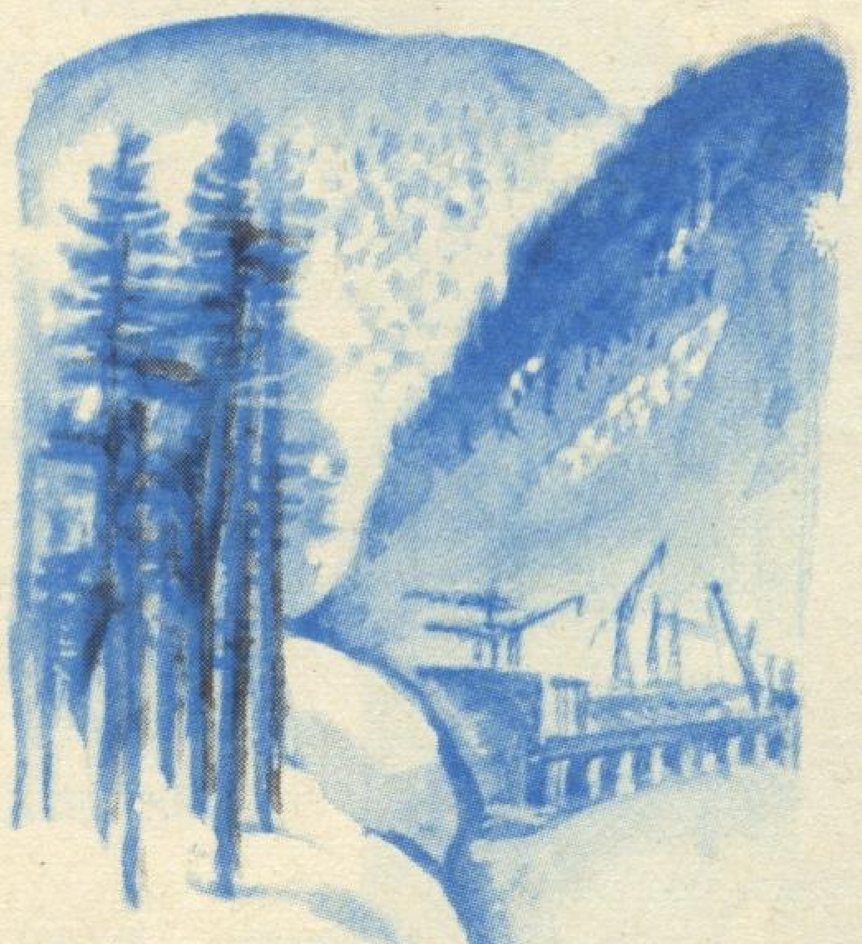
Фотографии М. СКУРИХИНОЙ.

Первая получка

Юрий КАЧАЕВ

РАССКАЗ

Рисунки А. ЖУЧКОВОЙ.



Еще полгода назад Серега считал себя человеком довольно везучим. В школе он учился не хуже других, с ребятами отношения были нормальные, и о завтрашнем дне думать ему, в общем-то, не приходилось.

Но потом, как сказала мать, все пошло наперекосяк. Шесть месяцев назад у Сергея тяжело захворал отец. Врачи сделали ему операцию, и теперь было неизвестно, когда отец встанет на ноги.

До болезни Андрей Малышев работал шофером в лесхозе. Оклад был невелик, однако к нему часто прибавлялись премиальные и сверхурочные, потому что отец от дела никогда не отлынивал. По больничному же листу ему платили намного меньше, а на руках у

— Вот она, брат, наша стройка!..

матери, кроме Сереги, осталось еще трое младших, и каждого надо было накормить, одеть и обуть.

Когда в семье стали сказываться нехватки, Серега про себя решил: «Хватит сидеть на шее. Мужик я или нет?»

Поразмыслив, он хотел сперва поступить в ремесленное в Красноярске, но его сосед и приятель Лешка Званцев хмуро сказал:

— Кто тебя примет среди зимы?

Тогда Серега заявил матери, что пойдет работать в лесхоз, ну, хоть обрубщиком сучьев. Мать посмотрела на него и, отмахнувшись, заплакала.

«Не пустит,— понял Серега,— да и кому я там нужен, когда в тайге сейчас снега выше моей головы?..»

Посоветовался Серега с Лешкой Званцевым и решил бежать на Саяно-Шушенскую ГЭС. По радио постоянно передавали, что там нужны люди любых специальностей, в том числе и разнорабочие.

Но, увы, из этой заманчивой затеи ничего не вышло. Сереге удалось доехать только до Красноярска, а там его сняла с поезда железнодорожная милиция, поскольку у Сереги не было ни билета, ни документов.

Дома беглецу досталось от матери. Было не столько больно, сколько обидно!..

А вечером к Малышевым зашел сосед, дядя Саша Званцев.

— Попало?— спросил он Серегу.— А ты не бегай без спросу и не заставляй мать волноваться.

— Я же записку оставил,— уныло сказал Серега.— Да и что страшного? За сто километров уехать нельзя.

— Я тебе дам!—снова рассердилась мать.— Ишь, путешественник выискался на мою голову!

— Погоди, Мария, не кипятись,— сказал дядя Саша. —Может, парень и прав. Я в его годы уже в лесхозе бревна ворочал. Мужиков-то после войны негусто вернулось, сама помнишь.— Званцев помолчал и добавил: — В Майне у меня братан экскаваторщиком работает. Думаю, он сумеет пристроить Серегу к делу, раз уж такая незадача вышла. Скажем, учеником слесаря или моториста. Прикинь, Мария, как лучше...

Через неделю мать со слезами собрала сына в дорогу. На сей раз Серега добрался до Майны — поселка гидростроителей — без лишних приключений. Он ожидал увидеть палаточный городок, но никаких палаток в Майне не оказалось. Кругом стояли настоящие дома — в четыре и пять этажей. Они были розовые, голубые, желтые. На их крышах маячили заиндевелые перекрестия телевизионных антенн. Справа, уходя вдаль, сверкали вершины снеговых хребтов. Внизу

стиснутый обрывистыми скалами торосился зимний Енисей. Ближе к левому берегу дымилась широкая и длинная промоина. Позднее Серега узнал, что Енисей не замерзает полностью в этих местах даже в самые лютые морозы. Всегда остается полынья — по-местному майна. Отсюда и пошло название поселка.

За Енисеем, насколько хватало глаз, тянулись синие таежные увалы, похожие на пилу зубьями вверх.

Кое-где на домах алели полотнища: «Здесь будет гигант гидроэнергетики», «Идем на вы, Енисей!».

Серега поглазел на поселок и нерешительно вошел в ближайший дом. В коридоре пожилая женщина мыла полы.

— Тебе, мальчик, чего? — спросила она, убирая со лба волосы.

— Званцева, дядю Кешу.

— Экскаваторщика?

Серега обрадовался:

— А вы его знаете?

— Его тут все знают. Только Иннокентий Захарыч сейчас на Карловом створе.

Серега не знал, что такое Карлов створ, и женщина пояснила:

— Там плотина строится. Да ты проходи, посидишь пока у меня. Самому тебе его все равно не найти, заблудишься...

Делать было нечего, и Серега согласился. Тетя Дуся (так звали женщину) напоила его чаем с домашним печеньем. После чая его потянуло в сон.

— Сморило тебя с дороги-то,— сказала тетя Дуся.— Ложись-ка, милый, только валенки сыми.

Серега послушно улегся на кушетку и...

*

Иннокентий Захарыч пришел за Серегой под вечер. Это был широкоплечий человек с круглым рябоватым лицом и зелеными глазами.

— Ну, здорово, земляк,— сказал он и протянул Сереге твердую, как доска, руку.— Писал мне братка про твои подвиги. Да ты не красней, ведь не на курорт бежать собирался. Давай-ка обувайся да пойдем ко мне, там и обсудим наши дела...

Званцев жил по соседству, в четырехместной комнате, окна которой глядели на Енисей. В комнате сидел за столом парень лет двадцати пяти и решал кроссворд. Серега поздоровался, но парень посмотрел будто сквозь него и пробормотал:

— Отверстие в улье для входа и выхода пчел. Пять букв, вторая «е».

— Леток,— подсказал Серега.

Парень заглянул в кроссворд и хлопнул себя по колену.

— Верно! Ну ты даешь...

— Знакомься, Серега,— сказал Званцев.— Это Володя Смородич, механик из авторемонтных.

Смородич поднялся, и тут Серега увидел, что у парня нет левой руки до самого плеча. Серега отвел глаза.

«Надо же,— подумал он с горечью,— такой молодой, а уже калека...»

— Просьба у меня к тебе,— продолжал Званцев, обращаясь к Смородичу.— Возьми вот этого мужичка-сибирячка на выучку. На экскаватор ему рановато, сам понимаешь, а ты уж как-нибудь начальство уговоришь. У парня в семье беда, выручи, будь другом...

— Сколько классов за плечами? — спросил Смородич Серегу.

— В восьмом учился.— Серега покраснел и подумал: «Как пить дать, не возьмет».

Но Смородич сказал:

— Лады. Только если он будет бить баклуши, вытурю.— И пристально посмотрел на Серегу.

На этом разговор закончился. Потом Званцев принес откуда-то раскладушку:

— Поживешь пока с нами, а оформишься, устроим в общежитие молодежи. Там такие же ребята живут, может, чуть постарше.

Ночью Серега долго не мог заснуть: наверное, днем выспался. На улице все время гудели тяжелые машины, и свет их фар блуждал по комнате, высвечивая на стенах косые оконные переплеты...

Наутро Званцев разбудил Серегу ни свет ни заря и стал поторапливать:

— Давай умывайся — и в столовую. А после со мной поедешь.

В столовой было самообслуживание, и поели они быстро, а потом на автобусе поехали к Карлову створу.

Карлов створ оказался узкой расселиной между высоченными береговыми скалами. Енисей был здесь совсем не широк. А может, это только казалось, потому что русло реки лежало глубоко внизу — метров на сто ниже дороги, как объяснил Сереге Званцев. Вот в эти береговые утесы и будет врезана будущая километровая арка плотины. А пока ведутся работы по подготовке правобережного котлована.

Дорога шла по террасе, которую строители отвоевали взрывами у мраморных и гранитных скал. На востоке, за темными увалами, вставало румяное от мороза

солнце, и скалы вспыхивали разноцветными огнями, как исполинские призмы.

Котлован был огромный. Он весь кишел техникой — самосвалами, кранами и бульдозерами.

Званцев, здороваясь на ходу с товарищами, подвел Серегу к сооружению высотой с двухэтажный дом. Что это экскаватор, Серега догадался, лишь увидев ковш. Ковшичек был подходящий: в нем свободно могла бы уместиться телега с лошадью.

— Вот это и есть мой Эшка,— сказал Званцев.— Экскаватор шагающий пятнадцать-девяносто. Хочешь, слазим наверх?

— А можно? — робея, спросил Сергей.

— Можно, пока нет пересменки.

По металлическим ступенькам они поднялись внутрь машины. Здесь тоже все было громадное, в рост взрослого человека: моторы, генераторы, насосы...

Стальная лестница вела все выше и выше. Когда Серега вслед за Званцевым поднялся в стеклянную кабину, у него захватило дух. Отсюда — с высоты птичьего полета — все казалось игрушечным: и БелАЗы, и бульдозеры, и даже поезда на железнодорожных путях.

— Нравится? — спросил Званцев.

Серега только помычал в ответ, настолько он был ошеломлен.

— Когда-то в Красноярске был землекоп-стахановец Павел Ямкин,— продолжал Званцев.— Так вот он вошел в историю потому, что вынул за смену пятнадцать кубометров грунта. А знаешь, сколько кубиков выдает Эшка?

— Сколько?

— Пять тысяч! — В голосе Званцева прозвучала гордость.

«Пятнадцать и пять тысяч, ну и ну!» — подумал Серега.

Он удивился еще больше, услышав, что Эшку приводят в движение полсотни двигателей и что машина потребляет столько энергии, сколько хватило бы для нужд целого поселка.

— Однако нам пора,— сказал Званцев.— Скоро смена придет, не будем путаться под ногами.

— А вы разве сегодня не работаете? — спросил Серега.

— Нет, у меня выходной.

Только тут до Сереги дошло, что дядя Кеша поднялся спозаранку и приехал сюда единственно ради...

— Неужели вы ради меня...— начал было Серега, но Званцев махнул рукой:

— Да что ты, земляк! Просто я хотел взглянуть, не утащил ли кто моего Эшку. Всякое случается...

Зеленые глаза его смеялись.

*

Уже вторую неделю Серега работал в ремонтных мастерских, где старшим механиком был Смородич. А приставили Серегу в ученики и помощники к человеку, у которого даже усы еще не росли как следует. Косте Князеву недавно исполнилось восемнадцать, и его весной должны были призвать в армию. Костя приехал на стройку из вятской деревни, поэтому его постоянно донимали одной и той же шуточкой:

— Ну что, Котя, мы вячкие — мужики хвачкие, семеро одного не боимси?

Костя в ответ только ухмылялся, и Сереге нравилось его добродушие. Нравилось и другое: Костя никогда не задавался, хотя за плечами у него был солидный опыт. К Сереге он с самого начала стал относиться, как к равному. Особенно после одного случая. Както их бригада чинила мотор бульдозера. Когда дело было сделано и двигатель запустили для проверки, Серега вдруг сказал Косте:

— Пальцы.

Костя посмотрел на свои пальцы.

— Пальцы, говорю, стучат.

Проверили. Оказалось, что Серега прав, и надо менять детали. Костя тогда только головой покрутил:

— Ну и слух у тебя. Ты откуда мотор-то знаешь?

— В школе у нас тракторный кружок был,— ответил Серега.

В мастерских приходилось выполнять всякую работу: менять ножи бульдозеров, выправлять погнутые кузова самосвалов, чинить рессоры и тормоза, производить техосмотр.

Володя Смородич по этому поводу говорил полушутя-полусерьезно:

— Вы у меня, братцы, проходите университет: от слесаря до кузнеца.

Смородича в мастерских любили за рабочую хватку и веселый нрав. Он никогда не повышал голоса на провинившегося и, если что-то не ладилось, сам брался за дело.

— Одна рука у человека, да десяти стоит,— сказал однажды Костя.— О голове и говорить нечего.

Серега уже знал, где Смородич потерял другую руку. Четыре года назад он работал здесь же электромонтером. И однажды потребовалось сделать перетяжку на высоковольтной линии. Под линией высоковольт-

— Я первую получку получил, понятно?!

ной — в шесть тысяч вольт — проходила обычная. Володя надел когти, поднялся на столб и стал послаблять нижние провода, чтобы они в ветреную погоду не соприкоснулись с верхними, иначе произойдет замыкание. Уже готовясь слезать и отцепив страхующий крюк, он решил поправить провод на изоляторе. Что произошло дальше, никто не видел. Смородича нашли на земле без памяти и доставили в больницу. Врачи определили поражение левой руки до плечевого сустава. После ампутации Володя уже не мог работать монтером. Впрочем, он мог бы вообще не работать, а уйти на пенсию. Но, еще лежа в больнице, Смородич начал учиться на механика. И стал им...

*

В день аванса Серега стоял у кассы вместе со Смородичем и Званцевым. Получив тонкую пачку хрустящих пятерок и рублей, Серега не положил ее в карман, а зажал в кулаке: это были первые деньги, заработанные им самим. Не то что потерять, и думать-то об этом было страшно!

Домой вернулись вместе, потом, переодевшись, пошли в столовую.

— Ну, с первой получкой тебя,— улыбаясь, сказал Володя.— Какие подарки домой пошлешь?

— Надо в магазин зайти,— смутился Серега.— А так я не знаю.

— Правильно. На месте виднее. Что, Захарыч, пойдем к нему в консультанты?

Званцев согласно кивнул.

После обеда они зашли в магазин. По собственному почину Серега купил конфет — для своих младших и резиновые боты — для матери.

— Ну, а отцу? — спросил Званцев.— Советую взять апельсинов и сок манго. При желудочных болезнях соки — первое средство!

— И банки жестяные, не разобьются,— согласился Серега.

— Вот и бери что нужно, не стесняйся. Не хватит деньжонок — выручим. Люди свои.

Из магазина вернулись нагруженные покупками. И пока Смородич бегал куда-то доставать ящик для посылки, Серега писал письмо отцу.

«*Папка,*— писал он.— *Я работаю на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС, и сегодня у меня была первая получка. Места здесь очень красивые, а люди хорошие. Я пока работаю учеником. Скоро пойду в вечернюю школу, уже отнес свидетельство за седьмой класс. В Абакане, под боком, разные училища. Так что ты за меня не беспокойся, я не пропаду, да и маме стану помогать. Пусть у тебя душа будет на месте, поправляйся скорее и выходи из больницы, а то все без тебя сильно соскучились.*

На Енисее у нас пока лежит лед, но скоро он тронется. Жду от тебя письма и остаюсь твой сын

Малышев Сергей». ★

Ты, я, наш отряд

Эти страницы в журнале — особенные.

Их открываешь и... Слышишь? Будто издалека доносится призывный сигнал горна, беспокойная дробь барабана и боевой ритм марша пионерских отрядов. Это песня нашего пионерского детства. Сумеешь сохранить ее на всю жизнь, она сделает тебя сильным и мудрым, мужественным и искренним, стойким и бесстрашным бойцом за правду и справедливость, за хорошее дело, за лучшее будущее.

На эти страницы может прийти каждый, кто носил и носит пионерский галстук или пока только мечтает о нем. И ты и я приведем сюда свои отряды с радостной вестью и с бедой, с рассказом и вопросом.

Как сделать отряд дружным?

Как добиться звания правофлангового?

Как помочь всем пионерам избавиться от двоек и троек? Да, и от троек тоже!

Как привлечь к общему делу мальчишек?

Как провести сбор и диспут, поход и экспедицию?

Как выпускать отрядную газету?

Как?..

Разве мало у нас общих забот, раздумий и споров, которые интересны всем.

Эти страницы, как пионерская комната в школе, как пионерский штаб во дворе. Здесь мы собираемся, чтобы все получше придумать, чтобы от каждого нашего дела — радость себе и другим, чтобы всем — хорошо. Всем!

Ты видишь, на этих страницах разместился большой телефон. Его номер: 251-10-88. Звони! Мы всегда готовы тебя выслушать.

Видишь, на наших страницах нашлось место и для большого почтового ящика. Пиши! Мы никогда не задержимся с ответом. (На конверте пометь: «Ты, я, наш отряд».) Приходи, приезжай, прилетай, один, с товарищами, со всем отрядом! Ты никогда не услышишь от нас: «Некогда!»

На этих страницах постоянно кто-нибудь дежурит. Тут тебя выслушают, помогут, ответят на любой вопрос.

Если дело твое секретное, его сохранят в тайне. Только скажи или напиши: «Дело секретное».

ЛИЯ СИМОНОВА:

— Не успела я последнее слово дописать, как вдруг... чувствую, бумага дрожит, ручка подпрыгивает — просто землетрясение! И появляется на странице прямо передо мной человечек.

Ростом с карандаш, а шляпа! Поля, как у чилийского сомбреро. И сумка не сумка — сумища! Через плечо перекинута и за башмаки цепляется. А башмаки! Не башмаки — башмачищи. Раза в три, нет, пожалуй, в пять раз больше, чем у Маленького Мука!

Глядит на меня и улыбается. Я глазам своим не поверила: только что никого не было — пустой белый лист — и вот... тут как тут...

А он и говорит:

— Пионерский салют!

Я ТУТ-КАК-ТУТ.

— ТУТ-КАК-ТУТ? Это тебя так зовут? — от неожиданности и я заговорила в рифму.

Он посмотрел на меня с сожалением:

— Давно в детском журнале работаешь? Имеешь дело с детьми, ничему не удивляйся!..

— И вовсе я не удивляюсь, — сказала я. — Имя как имя. Привыкнуть можно. Только очень уж неожиданно ты появился...

— Я не появился, — объяснил ТУТ-КАК-ТУТ. Я проявился. От сильных чувств. Когда я радуюсь или сержусь, или что-то мне очень нравится, я проявляюсь, то есть становлюсь видимым.

— А шляпа у тебя почему такая большая, и сумка, и башмаки?

— Обыкновенная шляпа... — обиделся ТУТ-КАК-ТУТ, — с полями... — И вдруг его глаза-тарелочки сделались хитрыми-хитрыми и быстро начали вращаться. — Когда я волнуюсь, я все немножко преувеличиваю. Раза в три, нет, пожалуй, раз в пять. Наверное, и шляпа моя, и сумка, и башмаки тоже преувеличиваются. Я, честно говоря, не замечал...

— А сейчас ты почему волнуешься?

Его круглые глаза-тарелочки снова стали быстро-быстро вращаться.

— Имеешь дело с детьми, — сухо сказал он, — имей терпение. Все надо делать по порядку. Ты написала, что на этих страницах отвечают на любой вопрос?

— Написала...

— Ну, вот в том-то и дело! Сейчас все председатели советов дружин, отрядов, звеньевые думают, как им вести ребят по маршрутам Марша «Всегда готов!». Те, кого в мае в первый раз выбрали, спрашивают, с чего им начать? Как все лучше устроить? Как подружить ребят?

— А ты знаешь, как на эти вопросы ответить?

— Я... я... я знаю, что Маша Петрова и ее отряд знают, как ответить на эти вопросы. Они учатся в 512-й московской школе. Надо поскорее там проявиться!..

— А как нам там проявиться?

— Это очень просто, — сказал он. — Когда всем хорошо и спокойно, и мне хорошо, и я невидим. Но если хоть одному мальчику или девочке плохо, если кто-то кого-то обидел, если кто-то поссорился и не знает, как помириться, я ТУТ-КАК-ТУТ. Если где-то кому-то нужна моя помощь, во мне рождается такая сила, такая страшная сила, которая переносит меня на любое расстояние. Надо только зажмуриться и тихо сказать: «Приду — Помогу, Приду — Помогу, Приду — Помогу...» Три раза. Нет, лучше, пожалуй, пять раз. В одном отряде, между прочим, меня даже прозвали Приду — Помогу. Я не стал обижаться — хорошее прозвище!

Я попробовала зажмуриться. Пять раз тихо сказала: «Приду — Помогу». Я очень волновалась...

Открыла глаза, вижу: осталась на прежнем месте, передо мной пустой белый лист... ТУТ-КАК-ТУТ исчез.

ИРИНА ГОЛУБЕВА: Захватив блокнот и ручку, я срочно отправилась по адресу, оставленному **ТУТ-КАК-ТУТОМ.** Обычный автобус довез меня до 512-й школы. Там я узнала...

КАК ОТРЯД МАШИ ПЕТРОВОЙ НАЧИНАЛ НОВУЮ ЖИЗНЬ

Пятиклассница Маша Петрова от радости крутилась на одной ноге, целовала собаку Ладу прямо в морду и доедала четвертую порцию «эскимо». В этот день ученицу пятого «А» класса Машу Петрову выбрали председателем совета отряда.

Пятый «А» тоже был доволен. Никто не хотел быть председателем, все помнили прошлогодние муки бедняги Чеботаря. Маша в классе новенькая, она ничего не знала и не отказывалась. Пятый «А» от счастья сидел верхом на партах и слагал торжественные, полные сдержанного ликования гимны.

В жизни Маше везло. Так говорят про людей, которые успевают делать больше других и лучше.

В балетном кружке, куда они стали ходить вместе с подругой Мариной Приставко, сложные «па» получались у нее легко и просто. Ноги и руки были послушными, ни одного занятия не пропускала, слушала внимательно и выполняла все с удовольствием.

Когда решила вместе с Маринкой к окончанию школы выучить два языка: английский и немецкий, — полтора часа, которые сама для себя установила, сидела, закрывшись от мира словарями на 70 000 слов, и к телефону не подходила. И опять все пошло просто, без слез и стонов. Чтобы все успеть, Маша с утра составляла себе план: а) немецкий, б) погулять с Ладой, в) школа, г) снова погулять с Ладой (2 часа), д) уроки! уроки!!! е) балетный кружок... И так все было устроено, что если бы пункты плана от «А» добрались до «Я», все равно он был бы выполнен.

Фотографии Г. БИБИКА.
Рисунки А. ГРИШИНА и А. ВОВИКОВОЙ.

Во время двухчасовых прогулок по «лугу» (так они называли зеленый островок между пятиэтажными домами) Маша и Марина вышагивали рядом с Ладой и Фабором и разговаривали. В тот день, когда Машу выбрали председателем, они говорили о том, почему так трудно приходилось Сереже Чеботарю и как теперь отряду начать новую жизнь. Беседа так затянулась, что собаки уже скулили, просились домой, а девочки все шагали туда-сюда и не замечали начавшегося дождика.

Сережа Чеботарь — хороший человек. Он всегда хотел все сделать как лучше. Если класс дежурил по школе, Сережа без передышки, вспотевший, со съехавшим набок галстуком, бегал с первого этажа на четвертый, из буфета в вестибюль — наводил порядок. Сорок пять минут урока — ему только бы отдохнуть, прийти в себя!..

Нужно подготовить устный выпуск журнала «Мы — любознательные» — Чеботарь не вылезает из библиотеки, от корки до корки читает «Науку и жизнь», «Вокруг света», подшивки газет за месяц. Нужно посадить деревья в школьном саду — Чеботарь сам узнает адрес питомника, с мамой и папой едет за деревьями и умоляет всех, чтобы пришли после уроков, не подвели, а то саженцы погибнут...

Очень трудно одному успеть все. А в классе каждый живет сам по себе. Миша Паршин мечтает о походах, но почему-то в одиночестве печет картошку в овраге за домом.

Андрюша Романов без труда запоминает целые главы из «Евгения Онегина» и любит читать стихи другим, но стесняется предложить ребятам послушать его.

Паша Прокудин хочет построить робота, который умеет играть в шахматы, ему кажется, что это легче, чем провести в отряде турнир. Сережа Дроздов рисует картинки на темы школьной жизни и... приклеивает их на стенки! Его ругают...

Поздно вечером, когда уроки все уже выучены, Маша снова села за стол и на чистом листе бумаги написала:

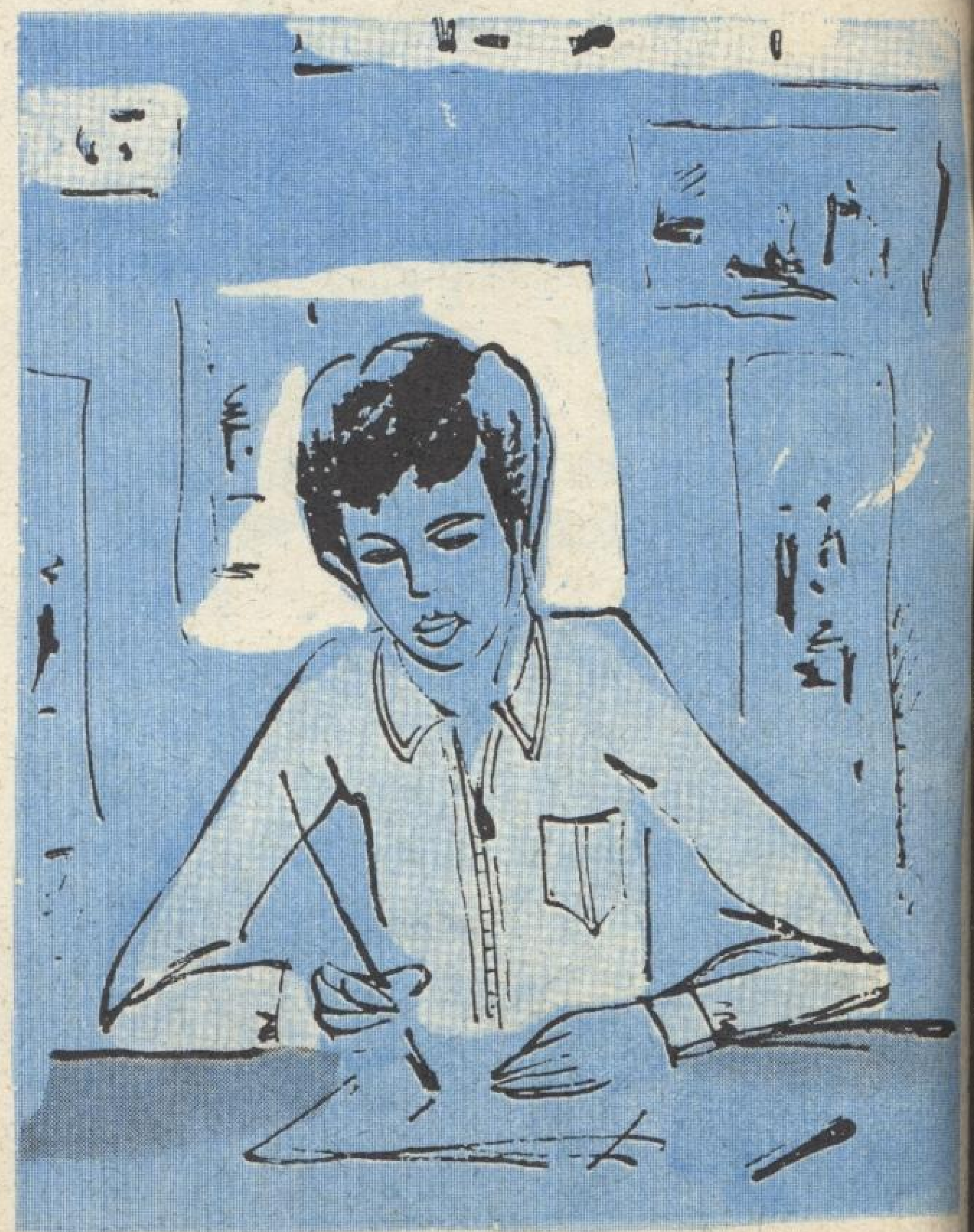
«Андрей Романов — ответственный за маршрут «В страну знаний» (наверное, это ему понравится), Сережа Дроздов — редактор отрядной газеты (и стенки будут в порядке и у отряда своя газета), Паша Прокудин проведет шахматно-шашечный турнир (позже можно провести другие турниры и конкурсы, а ребята скажут, какие), Миша Паршин пусть организует работу по маршруту «Сильные, ловкие, смелые» (это у него хорошо получится)...» Всем нашлось дело, и каждому такое, какое он любит.

Маша представила себе, как выйдет завтра на середину класса и скажет: «Давайте составлять план работы. Предлагайте, кто что хочет...» Что если девчонки будут молчать, глазеть на нее и терпеливо ждать, пока все это кончится? А Неваляев станет плеваться в девчонок жеваной бумагой? И маленький Кочетов повернется к Зайцеву и станет приглашать его в кино на 2.30? Маша сжала кулаки: «Не может быть... Всем скучно и все понимают: что-то надо делать».

Маша встала из-за стола, и в тишине спящей квартиры загрохотали доспехи рыцаря, рвущегося в бой...

Маша захлопнула дверь, оттеснила Надю Грибцову в угол опустевшего класса и голосом, от обиды переходящим в шепот, сказала: «Хочешь конкурс сорвать?» Грибцова опустила голову и поникла, как неполитый цветок. Маша была растеряна не меньше.

Перед всем отрядом Грибцова пообещала, что проведет конкурс самодеятельности. Маша тогда еще подумала, что если из лучших номеров получится хороший концерт, то они покажут его своим октябрятам и соседнему детскому саду. А теперь Грибцова делает вид, что забыла обо всем.



Пристально, словно собираясь загипнотизировать, Маша посмотрела Грибцовой в глаза и совсем тихо сказала: «Ничего... у тебя... не получится». Так с Грибцовой никто никогда не говорил, и от удивления она спросила: «Почему?» «Совести не хватит», — еще тише сказала Маша, повернулась и вышла из класса.

Концерт состоялся вовремя и всем понравился.

В тот день, когда случился этот разговор, Маша Петрова твердо решила: бегать за ребятами и клянчить «ты обещал... мы договорились...» не будет. Есть же у нее человеческое достоинство! И жертвой собственного энтузиазма, как Сережа Чеботарь, она тоже не будет. Они не компания какая-нибудь, они отряд. У них флаг, горн. Они должны быть все вместе, каждый перед товарищами в ответе за свои поступки. Без этого все равно ничего не получится...

Паршин занимался боксом и имел самые широкие в классе плечи. Иногда, встретив в школьном вестибюле учительницу, он помогал ей донести набитый тетрадями портфель или защищал маленького Кочетова, которому логичнее было бы всыпать, чтобы первым не лез... Но потом ни с того ни с сего засовывал гвоздь в замочную скважину кабинета биологии, и его полдня не могли открыть. Когда Паршина спрашивали: «Ну, Паршин, ну зачем ты это сделал?», — он честно и напряженно думал и сам не мог понять, как это случилось.

То он даже не выходил во двор — сидел над учебниками, то часами простаивал со старшими ребятами в подъезде и курил сигареты. От сигарет Паршина тошнило, и физиономия зеленела. Но его хлопали по плечу и подбадривали: «Давай, давай, старик...» «Старик» кашлял, плевался, и ему приходило в голову, что все это довольно глупо.

Когда Марина Приставко подвела к нему за руку Петрову и сказала: «Это новенькая, очень хорошая девочка», — лицо у Паршина сморщилось, словно он собирался чихнуть. Хороших девчонок он еще не видел, а взглядов Маринки, что всех, всегда, в любую погоду надо любить, не разделял. На всякий случай он посмотрел им вслед и отметил, что новенькая вышагивает чрезвычайно спокойно, словно ей все равно, что он, Паршин, о ней подумает.

Потом ее избрали председателем, и Паршину нравилось, что она не зазнается, не командует, говорит спокойно и предлагает то спортивные состязания с другими отрядами, то военно-спортивную игру «Зарница», то смотр песни и строя... Он только боялся, что кто-нибудь во дворе скажет: «Смотри, и Паршин общественником стал...»

Однажды после уроков Петрова подошла к нему и попросила: «Скомандуй ребятам, чтоб построились на линейку». «Ты что? — Паршин вытаращил глаза. — Они не знают, где «лево», где «право». «То-то и дело», — вздохнула Маша.

На сборе, когда все единогласно избрали Паршина своим командиром, он, честное слово, был польщен. Два раза в неделю, хочешь не хочешь, отряд оставался, чтобы научиться ходить в строю, петь на ходу песни, горнить и барабанить. На роптания и стоны Паршин не обращал внимания, фамильярные подмигивания Прокудина и Кочетова не замечал, и все его слушались: Паршин в классе пользовался популярностью.

На дружинном конкурсе (это уже много позже) Паршин командовал отлично, и их отряд занял первое место.

Миша Никитин плакал из-за двоек. Над ним посмеивались. На перемене, когда все бегали по коридору или ели яблоки, Миша читал книгу, а из школы домой возвращался один. Его считали воображалой, и он сторонился ребят.

Петрова первой стала разговаривать с ним, как с человеком. Не посчиталась с общественным мнением, не побоялась

нарушить установившийся порядок. И вдруг другие девчонки тоже заговорили с Мишей, а мальчишки даже позвали его играть в футбол... Вокруг Миши словно заговор образовался: его приглашали в кино, шли с ним вместе домой. И Миша, независимый, самолюбивый, не терпящий жалости, молча соглашался. Потому что плохо одному сидеть дома длинными вечерами, когда уроки все сделаны и переделаны и телевизор надоел... Потому что мама, которая знает все, не умеет приклеить хвост бумажному змею, а Том Сойер не подскажет, как ответить Паршину, когда он называет тебя слюнтяем и воображалой.

Казалось, все наладилось, но как-то на уроке труда Миша вертел в руках металлический карандаш, среди учеников пятого класса именуемый «чертилкой». Прозвени звонок на пять минут раньше, все было бы благополучно. Но звонка как назло все не было. И «чертилка» вдруг оказалась засунутой в железную сетку, которая отгораживает верстак. Миша тянул ее обратно изо всех сил, но «чертилка» упиралась. Подбежал Валера Мосякин и тоже принялся тащить «чертилку». И тут, как всегда бывает в таких неприятных случаях, подошел учитель. Посмотрел на побледневшего Мишу, на Мосякина, вцепившегося в «чертилку», и спросил: «Кто?»

Миша испугался: его раньше никогда не ругали, не наказывали, его всегда ставили в пример — он отличник. Он растерянно посмотрел в честные бестолковые глаза Мосякина и ответил: «Мосякин».

В классе потом долго восстанавливали справедливость, бегали и объясняли всем, что Мосякин не виноват, он хотел помочь Мише. А Миша молчал. Возможно, ему было жалко, что все так получилось, но казалось, что признанием теперь все равно ничего не поправишь. Ребята пошумели и вскоре об этой истории забыли, а Миша снова зарылся в свои книжки и вовсе от ребят устранился.

Маша предложила ему быть библиотекарем, но он наотрез отказался. Отвернулся, заторопился домой... А Маша подумала: «Будет библиотекарем. И отстающим помогать будет. Должен же он почувствовать, что кому-то нужен...»

ТУТ-КАК-ТУТ:

Удивительно: самые простые решения так долго никому не приходят в голову!

Сбор о Гайдаре и о тимуровцах готовила Маша: энтузиастов на первых порах не оказалось. После уроков из тридцати семи человек в классе осталось десять.

Маша смотрела на класс, казавшийся таким огромным и пустым оттого, что в нем сидело мало людей, и колебалась: проводить или отменить?.. Незаметно для ребят девочка Маша вела торопливый разговор с председателем отряда Машей Петровой.

Петрова поправила очки и раздраженно сказала:

— Я могла закрыть дверь и заставить их остаться на сбор, я председатель отряда...

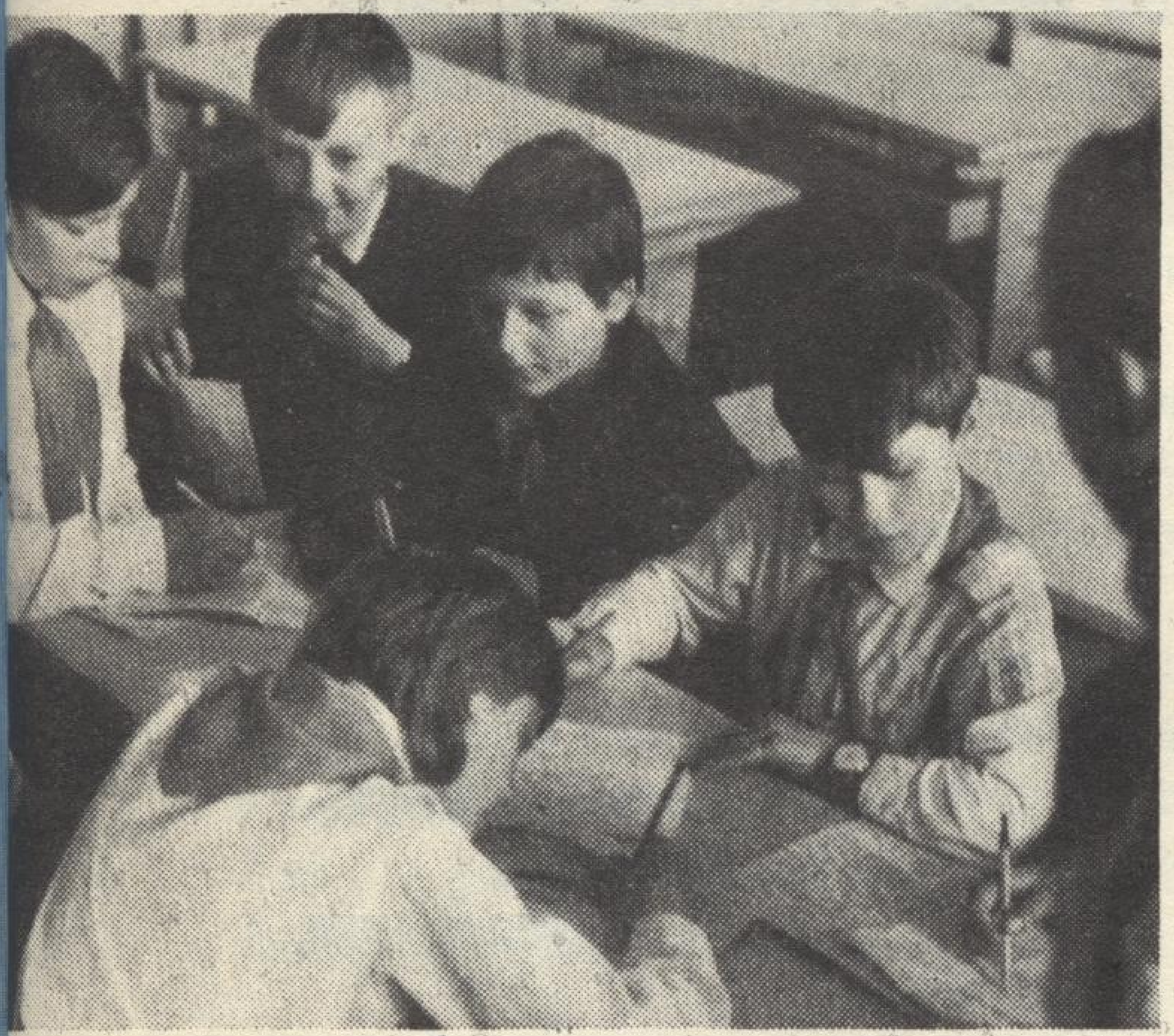
— Но послушай, — начала оправдываться Маша, — у Паршина секция по боксу, ты могла бы с этим посчитаться, а Кочетову неинтересно, он все равно слушать не будет...

— Это — общее отрядное дело, — возразила Петрова, — и все обязаны являться...

— Обязаны, но не хотят. Пока не хотят. Никитину Мише больше нравится Купер. Разве люди похожи друг на друга, как оловянные солдатики?..

— Им просто лень, а ты размазня, — холодно настаивала на своем Петрова.

— Если заставлять, все равно разбегутся. Надо здорово провести этот сбор, понимаешь, здорово, сами прибегут в другой раз. — И Маша, решительно отстранив председательницу Петрову, сказала: — Ну вот, начнем наш первый сбор.



ТУТ-КАК-ТУТ:

— Поразительно: в одном человеке живут сразу два человека. Может быть, даже сразу три человека! Или даже пять! Вы думаете, я преувеличиваю? Немножечко, самую капельку... Разве это так важно? Главное, не ошибиться!

Забегая вперед, скажем, что председательница Петрова появлялась все реже и реже. Как-то, ворвавшись на сбор, который проводил уже Андрюша Романов, окинула всех взглядом и возмутилась: «Только двадцать два человека?» Маша даже подпрыгнула от возмущения: «Бюрократка! Счетно-вычислительная машина! Целых двадцать два человека!»

А потом пришел день, когда на стене класса появилась «МОЛНИЯ», выпущенная Сережей Дроздовым:

«Сегодня сажать яблони в школьном саду пришли все. Все до единого!

Готовьте мешки! Для урожая!»

«Все нужно продумать заранее!» — говорит Маша Петрова.

В парке повесили скворечник. Работа Андрея Романова. Между прочим, он сделал два. Только пока они лежали на балконе, в одном поселились воробьи. Андрей выгонять не стал.

Паршин нарисовал на спине у Грибцовой чертика. Грибцова хотела обидеться, но мел быстро отряхнули, а Паршин признал ошибку и отвез Грибцову домой на велосипеде.

Вот и все! Больше никаких происшествий!

...Когда в конце года в дружине подводили итоги Марша «Всегда готов!», все единогласно решили отряду Маши Петровой присвоить звание правофлангового, а Машу выбрали председателем совета дружины.

— Ужасно! — сказал ТУТ-КАК-ТУТ, — как всегда неожиданно появившись среди ребят.

Интересно, что его появлению никто не удивился. Спросили только: «Как тебя зовут?» Он ответил: «Пионерский салют! Я ТУТ-КАК-ТУТ!» А Маша Петрова спросила: «Ты удивляешься, что наш отряд стал правофланговым?»

От возмущения ТУТ-КАК-ТУТ снова начал сверкать своими глазами-тарелочками.

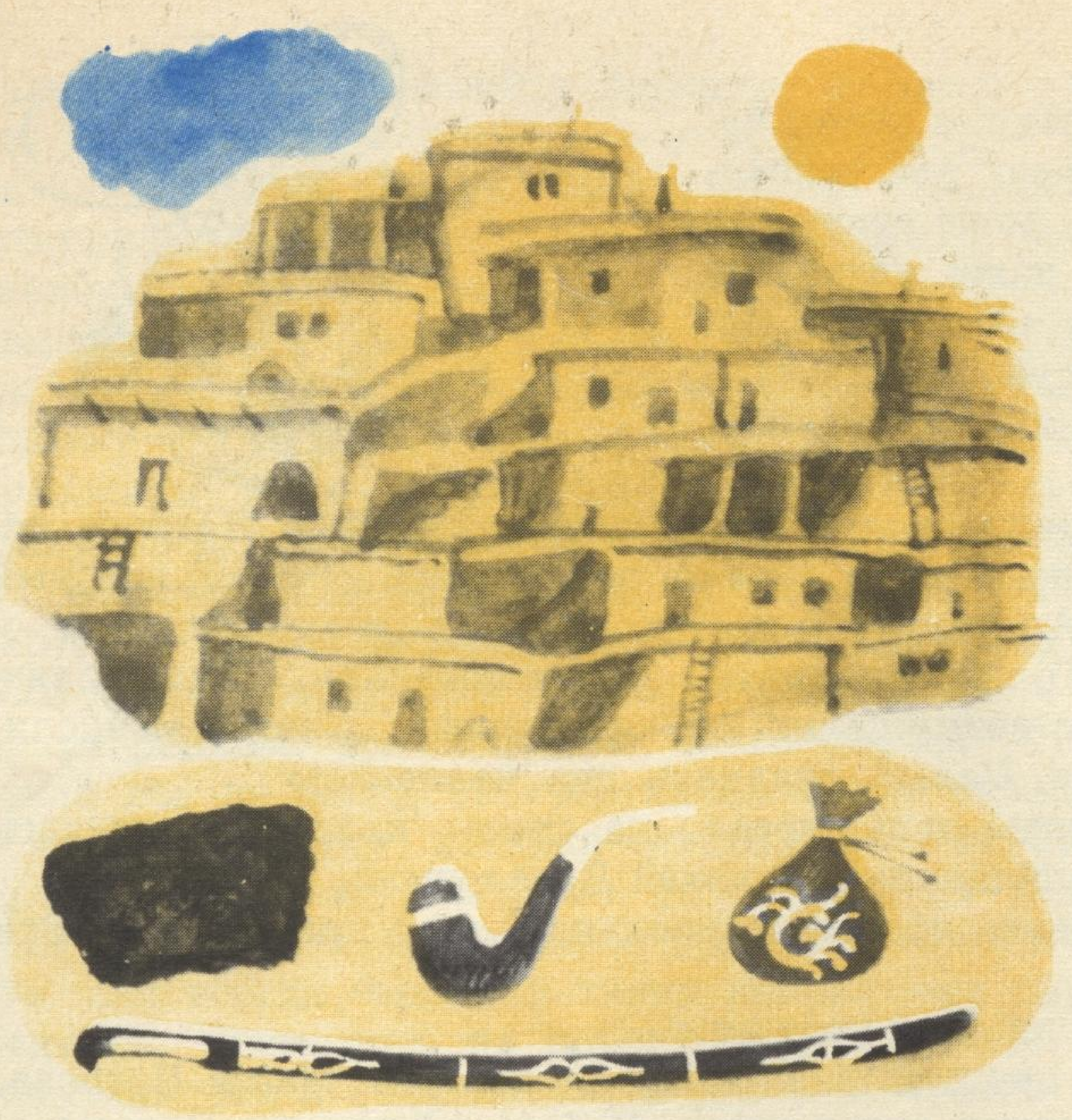
«Тебе не нравится, что меня выбрали председателем совета дружины?»

ТУТ-КАК-ТУТ просто потемнел от негодования.

— Ужасно! — сказал он. — Ужасно боюсь, что ты зазнаешься!

Маша хотела было ответить, но ТУТ-КАК-ТУТ остановил ее:

— Никогда не надо спешить, — сказал он. — Надо делать все по порядку. Ты сначала подумай... И он исчез.



8 сентября Расулу Гамзатову исполняется 50 лет. Поздравляем юбиляра!

Расул ГАМЗАТОВ

ГОРЦЫ У ЛЕНИНА

В это время уже в дагестанских горах
Люди песни о нем и слагали и пели,
С этим именем на пересохших губах
Умирали бойцы в Араканском ущелье.

В тесноте наших дымных и бедных лачуг
Узнавали легенды о нем друг от друга.
И когда пел о Ленине песню ашуг,
Снова петь эту песнь заставляли ашуга.

Знали имя его,
Но в горах никогда
Не видали хотя б небольшого портрета...
В Дагестане тяжелые были года,
Были жаркие битвы и жаркое лето.

Как мечтают морозной зимой о весне
И как в полдень палящий мечтают о тени,
Так уставшим, измученным людям во сне
Снился Ленин.

Им казалось:
Он был выше сосен и гор,
Вынет шашку —
Враги разбегаются в страхе,
Им казалось, что острый, как лезвие, взор
И блестит и горит из-под черной папахи.

И когда собрались в путь-дорогу к нему,
Снарядились в столицу послы Дагестана,
Насекли кубачинцы
Огромную шашку ему
И в Анди приготовили
Бурку на великана.

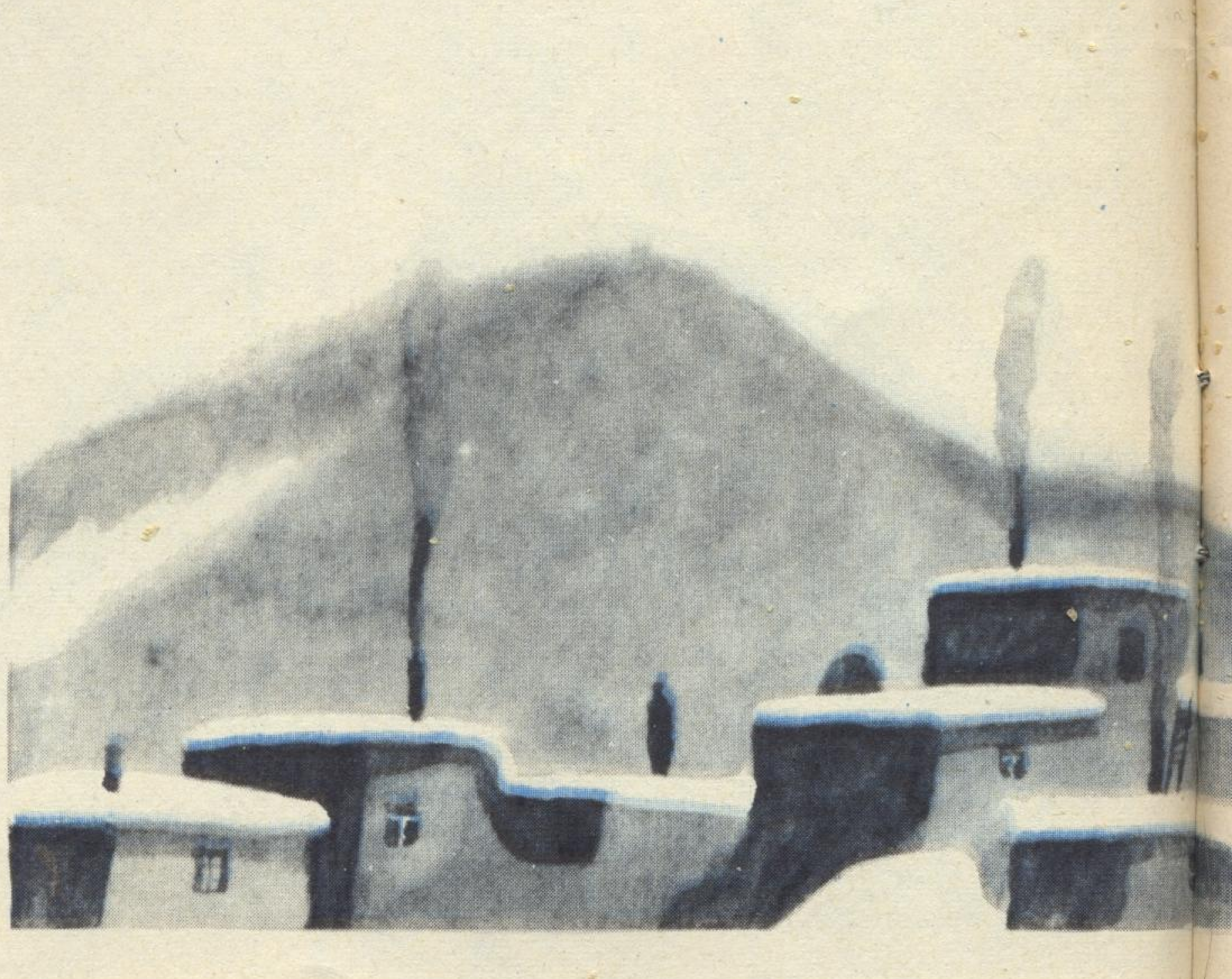
Повезли ему трубку
С алмазами чистой воды,
Повезли ему шитые шелком кисеты.
А еще Дагестан —
Весь,
От Каспия до Цумады,—
Передал ему теплое слово привета.

И пошли через горы, поля, города,
На ветру обжигая широкие лица,
Горцы,
Много видавшие.
Но никогда
Не бывавшие в светлой советской столице.

А в Москве дорогой, а в Москве трудовой
От зари и до ночи кипела работа...
У Кремлевской стены молодой часовой
Отсалютовал им, пропуская в ворота.

Отворились им двери во всю свою ширь,
Все здесь было приветливо, строго
и просто.
И в приемную вышел к ним
Не богатырь,
А простой человек невысокого роста.

И в кремлевских палатах,
Средь стен расписных,
Как-то ласково щурясь от яркого света,
Словно старый их друг, он сидел
среди них,
Говорил, как с друзьями,
И спрашивал даже совета.



Незаметно и быстро часы пронеслись,
И послы Дагестана так счастливы были,
Что когда уж совсем уходить собрались,
То чуть-чуть про подарки свои не забыли.

И с улыбкой Ильич посмотрел на гостей,
Взял и бурку и шашку с насечкой
горящей,
Взял и трубку
И, чтоб не расстроить друзей,
Им тогда не признался,
Что он некурящий.

И сказали они:
«В нашем горном краю
Никогда твоего не видали портрета.
Ты, Ильич, фотографию дай нам свою,—
Самым лучшим подарком для нас будет
это».

И посланцы народа спешили домой,
По пути обсуждая идеи и планы.
И несли они горцам портрет дорогой,
Где написано Лениным:
«Красному Дагестану».

Перевел с аварского Н. ГРЕБНЕВ.

❄

* * *

К дальним звездам, в небесную роздымь
Улетали ракеты не раз.
Люди, люди — высокие звезды,
Долететь бы мне только до вас.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Родился я в горах, где по ущелью
Летит река в стремительном броске,
Где песни над моею колыбелью
Мать пела на аварском языке.

Она тот день запомнила, наверно,
Когда с глазами, мокрыми от слез,
Я слово «мама», первое из первых,
На языке аварском произнес.

Порой отец рассказывал мне сказки.
Ни от кого не слышал я таких
Красивых и волшебных...
По-аварски
Герои разговаривали в них.

Люблю язык тех песен колыбельных
И сказок тех, что в детстве слышал я.
Но рассказал о далях беспредельных
И всех сограждан отдал мне в друзья
Другой язык.
С ним шел я через горы,
Чтоб Родины величие постичь.
То был язык могучий, на котором
Писал и разговаривал Ильич.

И сердцем всем, сын горца, я привык
Считать родным великий тот язык.

❄

ЕСЛИ ТЫ КУНАК

Если ты кунак, то мой порог
Ждет тебя, сдувая облака.
Если ты от жажды изнемог,
То моя река — твоя река.

Если даже на дворе черно,
Встречу сам, подай лишь только знак.
Вот мой хлеб, вот розы, вот вино,
Все, чем я богат,— твое, кунак.

Холодно — сядь ближе к очагу,
Я получше разожгу кизяк.
Голодно — не сетуй, помогу:
Полем поделюсь с тобой, кунак.

Если станешь таять, как свеча,
Проклиная рану иль недуг,
Я успею привезти врача,
Кровь моя — твоею станет, друг.

Если страшно — мой возьми кинжал
И носи, повесив на боку.
Если ты, кунак, затосковал,
Станем вместе разгонять тоску.

Пал скакун — вот мой под чепраком,
Мчись, скачи и самым хмурым днем
Оставайся верным кунаком,
Будь я на коне иль под конем.

ВСАДНИК, ПРИШПОРЬ СКАКУНА

Плач утихает, и слышится смех.
Конь под мальчишкой горяч.
Мчится быстрее наездников всех
Детство на палочке вскачь.

Молодость прыгает на скакуне,
Сбросит скакун — ничего:
Пыль отряхнув, удалая, она
Вновь заарканит его.

Старость грустит, натянув удила:
«Снег на бровях у меня,
Если, седая, я рухну с седла,
Мне не вскочить на коня...»

Давняя песня, извечная быль.
Солнце встает иль луна.
Если не сед, как дорожная пыль,
Всадник,
пришпорь скакуна!

Конь караковый за белым вослед
Мчится во все времена.
Если, как облако пыли, не сед —
Всадник,
пришпорь скакуна!

* * *

Еще стояло время молотьбы,
Спускались к морю овцы на кутаны,
Когда с неотвратимостью судьбы
Холодных туч нависли караваны.

И замело. Леса покрыла проседь,
Белы вершины, долы и дома.
В тылы багряной осени забросить
Смогла десант негаданно зима.

И сердце сжалось у меня от боли,
Хоть не впервые видел на веку,
Как листья клена под окном на воле
Конь белогривый топчет на скаку...

И я похож на скошенное поле,
Где сноп ржаной забыли на току.

Перевел Я. КОЗЛОВСКИЙ.

ПОЭТ СТРАНЫ ГОР

Лев АНТОПОЛЬСКИЙ

Страной гор издавна называли Дагестан, родину поэта Расула Гамзатова. Чудесная это страна! Сплетение горных пиков и бездонных ущелий, множество маленьких народов — каждый говорит на своем языке, у каждого свои обычаи, свои нравы и традиции: у аварцев одни, у лезгин другие, у даргинцев третьи.

Расул Гамзатов — аварец. Родился он в маленьком селении Цада, что в буквальном переводе на русский означает «в пламени». Трудно сейчас объяснить, отчего такое имя досталось селению. Может, имелось в виду какое-то древнее вулканическое пламя, а может, то пламя, которое горит в крови у мужественных людей — горцев: с самых давних времен все дагестанцы славились своей высокой отвагой. Самоотверженно сражались они с полчищами врагов, которые — волна за волной, век за веком — подступали к каменному, суровому Дагестану. «Если бы этот народ имел понятие о военном искусстве, тогда ни одна нация не была бы в состоянии взяться за оружие против него» — так говорил о горцах Петр I. Веками воспитывался крепкий, упорный характер дагестанцев. Великолепные мастера-чеканщики выбивали на мечах и саблях, на ружьях и украшениях конской сбруи такие наставления: «Трус окружен смертью», «Слава и честь на спинах коней».

Отвага требовалась не только на войне, но и в обыденной жизни. Знаете, как там охотились на волков? Если зверь вырывался из капкана, все село устраивало облаву. Но когда волк окружен, оружие полагалось бросить: мужчина должен брать зверя голыми руками.

Здесь и мирный труд часто был подвигом. Горцам приходилось носить землю на голые скалы, чтобы посеять несколько пригоршней овса. Строитель дороги, вися на канате, выбивал ступень, прежде чем мог утвердить свою ногу для шага...

Надо было выстоять. Надо было побеждать. И врагов и суровую природу. Побеждать легче не в одиночку, а сообща. В Дагестане множество племен, общин, сообществ, но все они крепко держались друг за друга, сжимались, как сжимаются пальцы в кулак. Сожми-ка ты пальцы своей правой! Боевое оружие? Да. Но попробуй, не расцепляя пальцев, орудовать молотком или мотыгой — не получится. Хочешь не хочешь, а придется «показать ладонь»!

Горцы существовали не сами по себе, а рядом с другими народами. И «показывать ладонь» они должны были не только для того, чтобы держать мотыгу, но и для рукопожатия, для приветствия гостя. Иноземцев в Дагестане всегда встречали не со злом, а с добром, гостя принимали в любое время дня и ночи.

Почему я все говорю о старине Дагестана, его нравах, его обычаях? Ведь разговор-то идет о поэте Расуле Гамзатове, о нашем современнике? Да потому, что любой поэт, любой художник крепкими, невидимыми нитями связан с жизнью своего народа. И не только с современностью, но и с далеким прошлым. То, чем живет и жил народ, становится как бы личным достоянием поэта, так же, как почва, в которую брошено зерно, «становится достоянием» поднимающегося стебелька, колоса или цветка.

Какое стихотворение Расула Гамзатова ни прочтешь, сразу почувствуешь, что написано оно дагестанцем. Тут почтенные, седобородые старцы решают важные аульские дела. На плоских крышах саклей женщины катком молотят просо. Молодой джигит летит в бой, звеня клинком. Весело играет зурна на свадьбе. Словом, когда входишь в мир его поэзии, то узнаешь много нового, необычного. А главное — тебе открывается мир новых чувств.

У Расула Гамзатова в стихах ты часто встретишь слово «окно». Он любит этот образ —

окно, открытое настежь. Где сердце поэта? «Вон у того окна... Я, бывал, разбуженный первым лучом, глядел из того окна». Окна — глаза дома. Они смотрят на мир так же, как глаза человека. И в стихах Гамзатова сближаются образы окна и глаза. «Где вы, мои глаза? Мы у того окна!»

Недаром так раздражает поэта, когда кто-то заслоняет просвет, когда на окно падает тень.

Эй, человек с широкою спиной,
Уйди, не стой перед моим окном,
Не заслоняй собою свет дневной,
Уйди, не стой перед моим окном.
Там в мире — горы снежной белизны,
Там в море — парус в мареве дневном,
А мне видна лишь тень твоей спины,
Уйди, не стой перед моим окном! [1].

В прозаической книге «Мой Дагестан» Расул Гамзатов подробно рассказывает, отчего так полюбился ему этот образ — открытое настежь окно.

Однажды во время поездки по Югославии оказался поэт в городке Дубровнике на берегу Адриатического моря. Удивительное это место: дома и улицы похожи на ущелья и скалы. «У каждой две бойницы, как два суровых глаза». Вместе с другими поэт взбирается на стену, чтобы взглянуть сквозь эти окна-глаза. Не удается поначалу это: у стен толпятся туристы, спинами заслоняя обзор. Но вот наконец приближается он к бойницам вплотную. Поэт поражен открывающейся перед ним картиной — бескрайнее переливающееся под солнцем разноцветное Адриатическое море. И в то время, как он тянется на цыпочках, чтобы «взглянуть на огромный мир», он вспоминает о своем родном Дагестане. Ведь это Дагестан «тоже стоял все время сзади, дожидаясь своей очереди, тоже тянулся на цыпочках, и тоже ему мешали спины впереди стоявших счастливчиков. А теперь он увидел весь мир, будто через маленькое окошечко в крепостной стене. Он и сам слился теперь со всем огромным миром...»

Вот что значит для Расула Гамзатова «окно», «окошечко», «зрачок», «глаз», «зрение». Окно — это путь к постижению нового, к общению со всем миром, с другими людьми.

Так история народа оживает в творчестве современного нам поэта.

А вот другой образ, тоже любимый Расулом Гамзатовым: Дагестан — страна горных орлов. Поэт не раз воспевает в своих стихах гордую птицу с необыкновенно острым зрением. Но у Гамзатова орел не хищник, готовый наброситься на беззащитную жертву. В его стихах орел, парящий высоко, разглядывает землю и людей с глубоким сочувствием, с любовью. Да орел ли это? Может, это человек? Сам поэт?..

Замер орел, распростершийся в небе,
Словно крылами весь мир он объемлет,
Руки пошире раскинуть и мне бы,
Всех вас обнять, населяющих землю.
Всех вас, живущих на этих просторах,
Всех, кто смеется, горюет и плачет,
Песни такие бы спеть, от которых
Камни становятся шерстью ягнячьей.

Острый глаз орла словно помогает пристальнее рассмотреть тех, кто внизу, словно приближает к ним поэта.

Душевная красота, благородство, мудрость — вот чем замечательны лучшие стихи Расула Гамзатова.

Он чтит подвиг человеческий и прекрасно говорит о ценности человеческой жизни. Каждый из нас должен оставить после себя что-то настоящее:

Мы все умрем, людей бессмертных нет,
И это все известно и не ново,
Но мы живем, чтобы оставить след:
Дом иль тропинку, дерево иль слово.
Не все пересыхают ручейки,
Не все напевы время уничтожит,
И ручейки умножат мощь реки,
И нашу славу песня приумножит.

Расул Гамзатов помнит о минувшем, но смотрит он вперед. Он поэт сегодняшнего дня. Вот как пишет он сам об этом, обращаясь к своему любимому Дагестану: «Иногда просят рассказать только о твоем вчерашнем дне, о старинных обрядах и обычаях, о легендах и песнях, о свадьбах и саблях, о битвах и дружбе, о железных мюридах и верных девах, о благородстве и мужестве, о крови юношей и слезах матерей.

Иногда просят рассказать только о твоем теперешнем дне. О совхозах и колхозах, о бригадирах и звеньевых, о библиотеках и театрах, о твоих трудовых подвигах.

Ни о том, ни о другом, ни о вчерашнем, ни о сегодняшнем я не могу рассказывать отдельно. Для меня есть один Дагестан, который прожил

[1] Все стихи в тексте перевел Н. Гребнев.

тысячелетия. Его прошлое, настоящее и будущее слились для меня воедино».

Гамзатов гордится своей родиной — ее красота сияет всему миру:

Здесь у нас такие горы синие
И такие золотые нивы!
Если б все края их цвет восприняли,
Стала бы земля еще красивей.
Есть заветы новые и дедовы
У людей земли моей весенней.
Если б мир заветам этим следовал,
Стал бы он гораздо совершеннее.

Расул Гамзатов хорошо известен и любим и во всей нашей стране и во многих зарубежных странах. Очень хорошо знают его творчество русские любители поэзии: ведь оно стало неотъемлемой частью современной культуры. Представить себе сегодняшнюю советскую поэзию без Расула Гамзатова просто невозможно. И тут надо вспомнить о двух замечательных переводчиках: Науме Гребневе и Якове Козловском, о тех больших мастерах слова, кто аварскую речь превращает в русскую.

Сам Расул Гамзатов называет их «побратимами»...

Расул Гамзатов крепко связан с жизнью всего нашего Отечества: он ведет большую общественную работу и работу государственную. Расул Гамзатов — член Президиума Верховного Совета СССР.

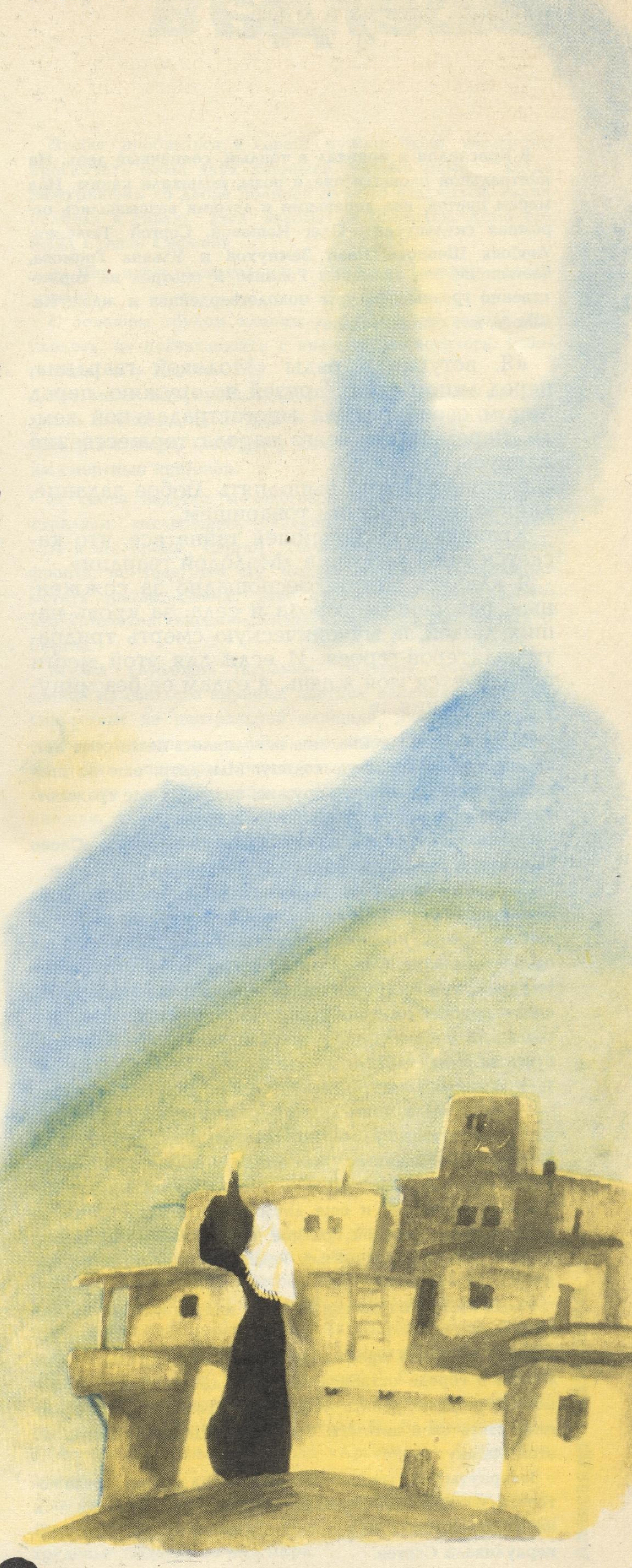
О том, как любят Расула у него на родине, можно было бы говорить много и подробно. Я расскажу только один случай, свидетелем которого я был...

Несколько лет назад я приехал в Махачкалу, для того чтобы встретиться с Расулом Гамзатовым и побеседовать с ним. Так вот, однажды, возвращаясь с берега Каспия и переходя улицу, мы что-то слишком увлеклись разговором. И не заметили, как из-за поворота выскочил грузовик. Ох, дорого обошлось бы обсуждение проблем литературы в неположенном месте, если бы не зоркость шофера, не его быстрая рука! Но, вовремя затормозив, он выскочил из кабины, потрясая от возмущения могучими кулаками. «Все, — подумал я, — все!» Но вдруг хмурое лицо шофера совершенно преобразилось. Озарилось улыбкой. Он узнал Гамзатова. «О, Расул!» — восторженно произнес он и разжал пальцы. Для приветствия. Для рукопожатия.

Вмиг собрались свидетели происшествия, и маленькая толпа нашла повод горячо приветствовать своего любимого поэта...

«Нет, не зря, — подумал я тогда, — присуждено Расулу Гамзатову звание народного поэта Дагестана».

Рисунки
И. УРМАНЧЕ.



Всегда

В Краснодон я приехал в теплый, солнечный день. На центральной площади цвели розы, полыхали канны. Над морем цветов, над деревьями и домами возвышалась огромная скульптура — Олег Кошевой, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова, Иван Земнухов и Ульяна Громова, застывшие под знаменем Родины. Я смотрел на торжественно грозные фигуры молодогвардейцев и ждал. Казалось, вот сейчас услышу:

«Я, вступая в ряды «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь:

беспрекословно выполнять любое задание, данное мне старшим товарищем.

Хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы в «Молодой гвардии».

Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтеров-героев. И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам ее без минуты колебания...»

Когда началась война, мне исполнилось всего семь лет, но я помню ту тяжкую годину. Мы, дети, еще не способные держать в руках оружие, знали: за нас сражаются старшие братья и сестры, отцы и деды.

...Неподалеку от меня стоял высокий мужчина. Слово за слово, и мы разговорились.

— Знаете, что говорила незадолго до смерти Люба Шевцова? — сказал мужчина.— «Передайте всем, что я люблю жизнь. Впереди у советской молодежи еще не одна весна и не одна золотая осень. Будет еще чистое мирное голубое небо и светлая лунная ночь, будет очень, очень хорошо на нашей дорогой и близкой всем нам советской Родине». Люба просила не плакать и не грустить на ее могиле.

— А вы ее знали?

— Люба была моим другом,— ответил он.

Тут-то и выяснилось, что разговаривал я с Радием Петровичем Юркиным. Вы читали о нем в книге «Молодая гвардия» Александра Фадеева. Помните, как с Сережей Тюлениным и еще двумя молодогвардейцами он поднимал над школой красное знамя в канун праздника Октября? И вот тот самый Радий Юркин стоял передо мной...

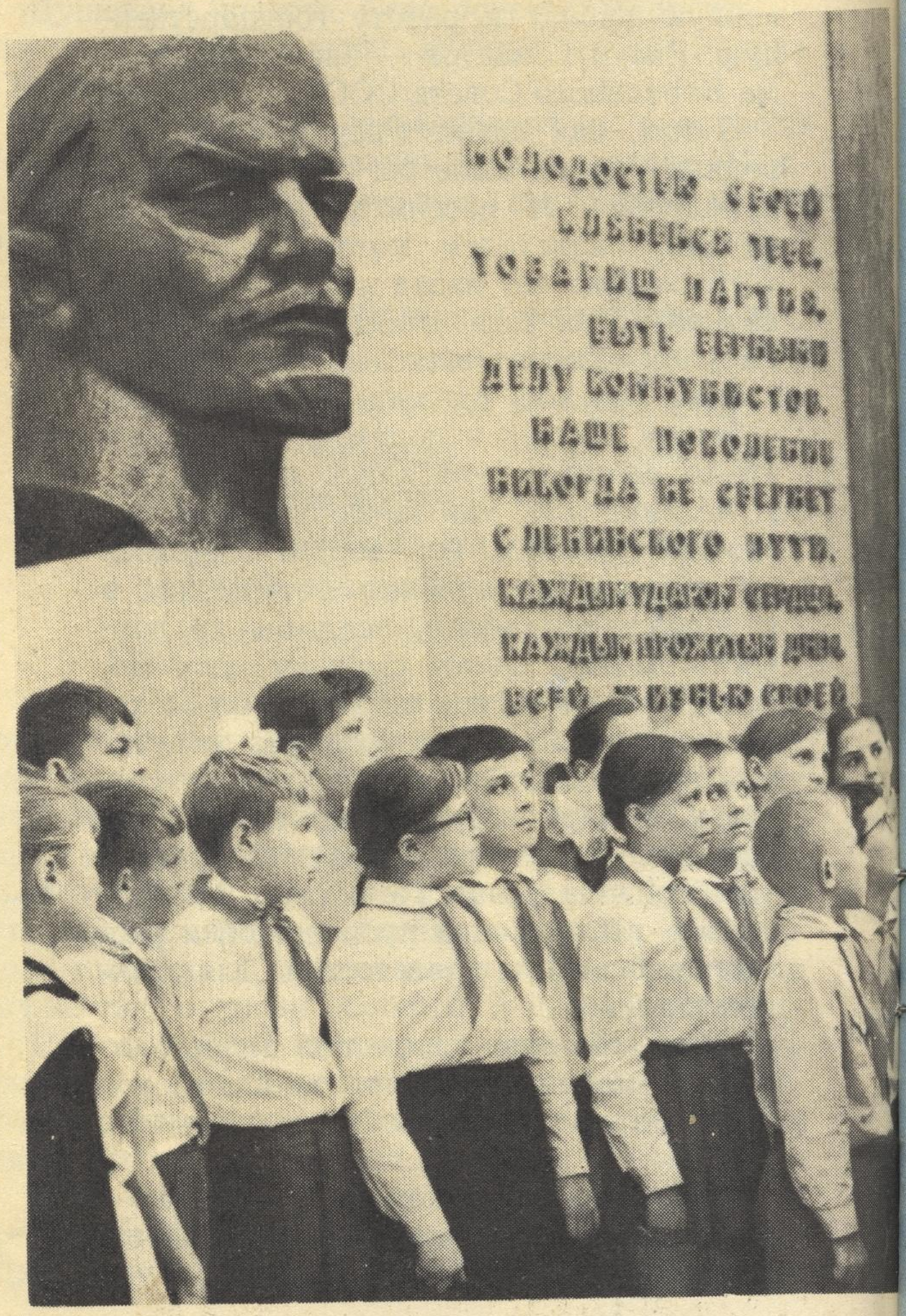
Радий Петрович рассказал мне, как он уходил от фашистов.

Когда начались аресты, из боевой группы Сергея Тюленина в городе остались только Радик и Степан Сафонов. Остальные ребята успели скрыться. Но Сергей не смог взять свой автомат. Сестра его Наташа сказала об этом Радику.

Завернутый в мешок автомат лежал в сарае, возле которого расхаживал полицай. Другой сидел в доме и наблюдал за всем, что происходило во дворе. Они подкарауливали Сергея.

«Скорбь Матери-Родины» — так назвал ваятель эту скульптуру, посвященную памяти героев Краснодона.

В музей «Молодая гвардия» пришли пионеры.



в строю

На постаменте из розового гранита застыли в бронзе Олег Кошевой, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова, Иван Земнухов, Ульяна Громова... В сентябре, когда будет отмечаться тридцатилетие подвига молодогвардейцев, к этому памятнику приедут комсомольцы и молодежь со всех концов нашей страны. Здесь, на священной земле Краснодона, нынешнее поколение юных даст клятву на верность Родине, народу, партии.

Чтобы пробраться в сарай, нужно было незаметно проскочить мимо двух полицаев. Улучив момент, когда дежуривший во дворе полицай куда-то отлучился, Радик подполз к сараю, взял автомат и скрылся. Дома его ждал Степан Сафонов.

— Нас ищут,— сказал он.— Пока не поздно, давай уходить.

С большим трудом хлопцы выбрались из города. Но уходить, не посчитавшись с врагами, не хотелось. Ребята залегли у дороги.

Вот мимо них прошли двое полицаев. Радик неожиданно выскочил из засады и заставил предателей поднять руки вверх. Отобрав у них оружие, Степа объявил им смертный приговор.

И снова залегли молодогвардейцы. Вскоре они расстреляли гитлеровцев, ехавших в легковой машине.

А в это время Сергей Тюленин переходил линию фронта, не зная, что его боевой автомат продолжает мстить врагам. Сейчас этот автомат хранится в музее «Молодая гвардия». Радик сберег его как память о Сергее.

Музей «Молодая гвардия» — большое двухэтажное здание из светлого кирпича, цветной керамики и стекла. Оно стоит на центральной площади, рядом с Вечным огнем и памятником молодогвардейцам. Здесь принимают ребят в пионеры, юношей и девушек — в комсомол. Здесь же молодые рабочие получают свои трудовые книжки, дают клятву на верность партии, рабочему классу, советскому народу.

Я был в Краснодоне, когда там собрались представители молодежи Ворошиловградской области. Торжественно звучала их клятва:

«Святлой памятью героев-подпольщиков, священной землей краснодонской, гордым флагом «Молодой гвардии», именем замученных и расстрелянных в фашистских застенках, сединами матерей наших клянемся:

быть достойными героических подвигов и свершений своего народа;

беззаветно любить свою Родину, всегда быть готовыми по первому зову пойти в бой и победить».

Герои не умирают, они всегда в строю.

Молодогвардейцы мечтали о мирном труде для счастья Родины, и нынешние комсомольцы зачислили их в свои трудовые коллективы. В бригаде горнопроходчиков Федора Лобко шахты «Таловская-1» состоит Герой Советского Союза Олег Кошевой, в коллективе машинистов подземных поездов этой же шахты — Сергей Тюленин, в лучшей строительной бригаде Краснодона, которой руководит заслуженный строитель Н. Е. Бунин,— Иван Земнухов. На киевском заводе «Арсенал» — Люба Шевцова.

Отдав свою жизнь в борьбе с врагами Родины, молодогвардейцы вдохновляют теперешних комсомольцев на трудовые подвиги во имя мира.

Александр ИВАНЧЕНКО

Слушайте все!

Людмила МАТВЕЕВА

РАССКАЗ

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Утром Майка вышла на балкон и стала смотреть вниз, во двор. Никакого двора не было, просто стояли дома, новые, белые, с блестящими новыми стеклами. На старой квартире у них был двор. Зеленый, выгоревший забор, сараи и гаражи, а за ними лежали гладкие доски. И на досках по вечерам сидели ребята и девчонки, разговаривали про что хотели. Майка не всех там любила, Трофимова Сергея просто терпеть не могла. Но теперь даже Трофимов Сергей вспоминался как свой человек.

Переехать на новую квартиру — это, конечно, хорошо. У Майки теперь есть своя комната. Но было Майке почему-то грустно и неприкаянно, а отчего, и сама не смогла бы толком объяснить. Может быть, оттого, что это были первые каникулы без елки.

Внизу мальчишка в черном свитере расстелил ковер и мел его веником. Вид у мальчишки был сердитый. Он наметал снег на ковер, потом сметал его, а пока сметал, натаскивал на ногах новый снег. Майке стало смешно.

Потом появился другой мальчишка, в ушанке из пушистого белого меха. Ушанка была большая, роскошная, а лицо у мальчика маленькое, и сам он худой. Он вытащил из кармана веревку, встал у стены и стал набрасывать лассо на мальчишку с ковром. Кинул раз — мимо. Раскрутил веревку и кинул снова — попал, зацепил голову, тот мальчишка сдернул петлю, показал кулак. Наверное, сказал что-то, но Майке наверху не было слышно.

Мама позвала:

— Майка, иди в комнату, простудишься!

Майка пошла. На полу лежали связки нераспакованных книг. На столе — узел из скатерти в желтых и белых цветах. Раньше эту скатерть стелили на стол, когда приходили гости.

— Голова кру́гом идет,— сказала мама.

Она стояла у стены, опустив руки, рядом с ее ногой в красной босоножке был прислонен к стене портрет бабушки. Мама сказала:

— Живешь и не знаешь, сколько у тебя вещей. Море вещей, пустыня вещей.

— Мам, когда папа придет? — спросила Майка. Она не любила, когда мама философствовала, начинала говорить непонятно и торжественно, жалела себя.

— Папа ушел на работу и придет вечером,— ответила мама. Слова были простые, но тон подозрительно торжественный.

— Давай я в магазин сбегаю,— сказала Майка,— напиши мне список, я все куплю.

— Мама, напиши список,— сказала мама.— Мама, подумай обо всем, мозгами покрути, прикинь, что и как. А ты сбегаешь со списком. У моих знакомых бульдог ходит в магазин со списком, написанным хозяйкой. Бульдог.

В это время в форточку ворвались со двора сигналы горна. Чистый и звонкий звук прилетел с улицы. «Слушайте все,— пела труба,— слушайте все! Слушайте все!» Мама замолчала на полуслове и стала развязывать скатерть. А Майка стояла и слушала странный, немного ломкий звук.

Ей представился пионерский лагерь, шишки на тропинках, коричневые дачи с белыми полосками вокруг окон. И горнист Дима, высокий, светловолосый, тонкий. Он медленно, плавно подносил трубу к губам, а губы заранее складывал вишенкой. И, весь изогнувшись, подняв трубу к солнцу, играл долгий и чистый сигнал. Дима был самый красивый мальчик в лагере. Так считали все девчонки. Даже те, кому нравились другие мальчишки. Они были не самые красивые, самый красивый был Дима-горнист. «А какой мальчишка трубит в горн здесь? — подумала Майка.— Вдруг это сам Дима? Бывают же на свете совпадения. Может, Дима живет вон в том доме с желтыми балконами. Или в высокой белой башне?»

Она быстро вышла на балкон. Мальчик в черном свитере уже скатал ковер, а веник держал под мышкой. Больше во дворе никого не было.

Майка перегнулась через перила и крикнула:

— Эй, мальчик, кто это горнил?

Мальчик поводил глазами по балконам, отыскал Майку, с минуту смотрел на нее, наверное, раздумывал, ответить или нет. Потом ответил:

— Это мой дед трубит. Он и барабанить умеет.

— Врешь,— сказала Майка, хотя почему-то почувствовала, что мальчишка говорит правду.

— Посмотри сама,— ответил мальчишка и кивнул наверх.

На балконе двенадцатого этажа, на самом верху, стоял высокий старик без шапки, седые волосы трепал ветер. Старик держал трубу — блестящую и слегка помятую. Майка смотрела на него, а он на Майку. Он поднял трубу и заиграл сигнал «Слушайте все!».

— Приходи к нам, если хочешь,— сказал мальчишка,— девяносто третья квартира.

Он взял ковер и пошел к подъезду. На свежем снегу оставались от его кедов следы в рубчик.

— А когда приходить? — крикнула ему в спину Майка.

— Когда хочешь! Хоть сегодня.

Майка подумала, что для самолюбия надо подождать хотя бы часа два. Но терпения не хватило, она взяла с тахты шубу и второй рукав надела уже на лестнице.

Мальчишка в черном свитере открыл ей дверь и сказал:

— Заходи. Меня зовут Олег. Дед! Та девочка пришла!

В большой комнате блестел оранжевый пол. На окне висела занавеска со странным рисунком. Синие и красные ладони и ступни отпечатались на ней. Заметив, что Майка смотрит на занавеску, дед сказал:

— Это Олега изобретение,— расстелил на полу белую ткань, самую простую и дешевую. А потом намазал все четыре свои лапы краской и походил по белому на четвереньках. Весело получилось, правда?

Майка кивнула. Дед стоял перед ней, высокий, в тренировочном костюме, как у папы. Он был седой и кудлатый. На столике у окна блестела труба.

— Садись.— Дед придвинул стул.— Как тебя зовут?

— Майя,— ответила Майка,— я первого мая родилась.

Олег гремел на кухне чайником, но, оказывается, все слышал. Он вошел в комнату и сказал:

— Это что. У нас в том классе один мальчишка тридцать первого декабря в двенадцать часов ночи родился. Даже неизвестно, в каком году считать.

Дед засмеялся и сказал:

— Сейчас будем чай пить. Если гостья не возражает, будем мы его пить на кухне.

— Я, наоборот, люблю на кухне,— сказала Майка быстро. Она почему-то совсем не смущалась в доме, куда пришла в первый раз. Она даже забыла сказать, что не хочет чаю.

Майка всегда стеснялась у чужих. Взрослые начинали спрашивать, как ты учишься и кем ты хочешь стать, когда вырастешь. А дед ничего не спрашивал. Прошел по комнате, потрогал землю в цветочном горшке и сказал:

— Совсем сухая. Любишь цветы? Потом подарим тебе отросток.

Листья у цветка были синие, длинные. Майка никогда не видела таких синих листьев.

— Майка, ты в шахматы играешь? — спросил Олег.

— Нет, я только в шашки и в поддавки.

— А мы с дедом турнир проводим, и мать с отцом участвуют. На звание чемпиона семьи.

— Ладно тебе,— сказал дед.

Олег подмигнул:

— Не нравится? А нечего было хорохориться: «Даю тебе фору». Я просил ее, твою фору? Ну и вот, набрал баранок.

Майка не совсем понимала, о чем разговор. Она понимала одно: ей нравится, как живут в этом доме. Нравится дед-горнист, нравится турнир, и занавески, и то, как весело разговаривает Олег со своим дедом. И как дед смущенно покряхтывает, видно, и правда не хочется ему набирать в турнире баранки.

Чай пили с хлебом и колбасой. Колбаса была докторская, тонко нарезанная и от этого особенно вкусная.

— Олег постарался,— сказал дед,— он сегодня дежурный.

— Как дежурный? — не поняла Майка.

Дед мешал ложкой в стакане. Олег молча ел бутерброд. Дед сказал:

— Все просто — график. Сегодня Олег дежурит, все делает по дому. Чистоту навел, в магазин сбегал, чай заварил. А все остальные от быта свободны. Завтра — Галина, его мать, а моя дочь. Потом Андрей дежурный, отец Олега. Что-то ему в последнее время не везет: то на его дежурство прачечная выпадает, то химчистка.

Олег хмыкнул:

— Подумаешь, не везет! Просто он прибедняется. Мне ковер второй раз достается и то не плачу. Потаскай-ка его.

Майка вспомнила, какое свирепое было у Олега лицо, когда он орудовал во дворе вокруг ковра, но ничего не сказала.

— А зачем вы трубите? — спросила она наконец, решившись.

Они уже напились чаю, Олег мыл посуду. Дед посмотрел на Майку. Глаза у него были светло-голубые, внимательные, пристальные.

— Рассказать? Расскажу. Я был горнистом в своем отряде. Нас было тридцать два, и все необыкновенные люди. Знаешь, почему?

— Время такое, да? — сказала Майка.

— Время-то время. Но время, знаешь, Майка, оно всегда в чем-нибудь «такое». В нашем отряде были замечательные люди, мне они такими кажутся. Сказать, почему? Потому что это были мои друзья. Вот и все.

Дед засмотрелся в темное окно. Потом продолжал:

— Горнист должен знать, когда созывать других. Отряда, правда, нет. Годы прошли, война прошла. Но есть труба, есть память. Я часто думаю... Ты не торопишься? — Майка покрутила головой: «Нет». Олег сидел на табуретке, наклонившись к деду.— Часто я думаю. Был отряд, мы стояли друг за друга, были все вместе. Прошло много-много лет, но никто не сказал: «Знаешь, Кочегаров, ты больше не горнист. Побыл горнистом — и будет тебе». Никто и не может сказать мне таких слов... И значит, я вижу: заселился новый дом. Приехали новые люди, новые дети. И смотрят эти дети с тоской и печалью — нет товарищей, нет отряда.

Майка вспомнила, как она стояла утром на своем новом балконе. Дед будто угадал ее мысли. А может быть, просто он видел ее в окно.

Олег сказал:

— Майка, ешь печенье,— и придвинул вазочку.

За окном пошел снег. Он, казалось, шуршал по стеклу.

— Завтра суббота. Мы на лыжах пойдем. Хочешь, пошли с нами.

— Хочу,— сказала Майка.— Только я не очень хорошо хожу.

— Дело не в рекордах,— ответил дед,— тут совсем другое.

— Я понимаю,— сказала Майка,— честное слово. Я домой побегу.

Дома папа, стоя на столе, вешал люстру.

— Отпросился,— сказала мама. Голос у нее был такой, как будто папа и в этом был неправ.— Мог бы и сразу остаться дома, а он только теперь отпросился.

Папа сверху улыбнулся Майке, и она ему тоже улыбнулась.

— Я с одним человеком познакомилась,— сказала Майка неожиданно для себя. Она и

не думала ни с кем делиться, просто вырвалось.

— С каким еще человеком? — спросила мама недоверчиво.

— Замечательный человек. Дед Олега. Он, знаете, на горне играет.

— Музыкант? — догадался папа.

— Да не музыкант! — Майка махнула рукой.— Горнист отряда. Там есть еще Олег, он на четвереньках по занавескам ходил, знаете, как красиво.

— Так,— сказал папа и уронил отвертку.

Мама свела брови в одну прямую линию и отчеканила:

— Майя! Сейчас же расскажи, где ты пропадала?

Майка постаралась успокоиться, она сняла шубу, вешалка у них еще не висела, и Майка положила шубу на пол, а сверху шапку. Потом она встала на цыпочки и подала папе отвертку. Они смотрели на нее и ждали — папа под потолком, а мама внизу. Майка сказала:

— Я стараюсь, а получается путаница. И нечего злиться. Просто необыкновенный человек. Он понимает все, как надо жить. У них дежурства, а у нас всегда спор: «Почему я, а не ты?», «Почему сейчас, а не потом?» И про химчистку и про починку ботинок. А дежурства — это в сто раз проще и веселее. Это придумал дед. Про быт. Ладно, это не самое главное. А главное не знаю, как объяснить. Он пионерский дед. Понимаете? Не знаю, как объяснить. Понимаете?

Папа поправил очки, вздохнул и сказал:

— Понимаем, правда, Сима?

Мама не ответила. Она смотрела на Майку долго, внимательно. Потом спросила:

— А кто ходил на четвереньках? Это идиотство зачем?

Майка засмеялась.

— Это, мам, не идиотство. Просто я объяснила бестолково. Занавески такие Олег сделал. Потом расскажу. Нельзя все сразу рассказать.

— Кто такой Олег? — Мама вздохнула. как всегда, когда ей попадался бестолковый собеседник.— Кто такой Олег?

— Олег? — Майка подумала, как ответить.— Олег? Он внук своего деда...

— Сходи хотя бы в магазин. Михаил, дай ручку, я напишу ей список.

— Ручка в пиджаке,— сказал папа сверху,— а где пиджак, честное слово, не знаю

Мама вздохнула и отправилась в коридор искать пиджак.

Майка шла по улице. Остановился троллейбус, бесшумно раскрылись двери, вышла женщина с маленькой девочкой в зеленых валенках. Светились голубые буквы «Гастроном». Майка думала. Получается непонятно. У нее очень хорошие мама и папа, она любит их больше всех на свете. Почему же сегодня она позавидовала чужим людям? Она не помнит, чтобы они — мама, папа и Майка — все вместе куда-нибудь пошли. Или во что-нибудь играли. Или просто сидели и разговаривали. Все всегда заняты, а когда свободны, смотрят телевизор.

Мысли были путаные, обрывочные.

Когда Майка вернулась из магазина, люстра уже висела на своем месте. Папа вез по комнате стол, дрожали стены и потолок, стеклянные сосульки люстры тихо звенели.

— Сейчас буду вешать карнизы для штор,— сказал папа Майке.

— А потом? — спросила Майка.

— Что — потом? — не понял папа.

— Потом что будешь вешать?

— Полку на кухне, вешалку в передней, бабушкин портрет,— тоскливым голосом перечислял папа.— А почему ты спрашиваешь?

— Сейчас скажу. Мама, иди сюда! Мама, скорее!

Мама вбежала из кухни с ножом и недочищенной картофелиной.

— Что еще стряслось?

Майка посмотрела на маму — красивая мама, только строгая. Посмотрела на папу — очень славный, хотя немного лысый, но ему даже идет. Лоб у него получился большой.

Майка подумала, как ей важно, чтобы они поняли ее.

— У меня к вам просьба. Очень трудная, наверное. Но я ваша единственная дочь, и я вас прошу. Пусть это считается подарком на день рождения или как хотите.

Мама сказала:

— Абсурд. День рождения в мае, а сейчас январь. Прошу тебя, говори, пожалуйста, понятно.

— Хорошо, я скажу понятно. Дайте честное слово, что завтра вы пойдете вместе с нами на лыжах. На весь день. Я знаю, что дела. Знаю, что надо вешать полки и вешалки,— быстро говорила Майка.— Я все понимаю. Но я вас очень прошу, это очень важно—оставить дела и пойти со всеми. Дед пойдет, и Олег пойдет, и я пойду. А вы почему не соглашаетесь? Почему?

Майка не расслышала, что сказал папа. Она только потом поняла, что он сказал:

— Я согласен. Согласен, и все. А ты, Сима?

— Час от часу не легче,— сказала мама.— Дел миллиард. А мы куда-то на весь день — на лыжах. Ах, какие вы мальчики-девочки... Хорошо, раз вопрос так ставится...

Уже из кухни мама отчетливо сказала:

— Они, видите ли, романтики. А я, видите ли, приземленная. Не выйдет!

Майка спала в своей комнате на надувном матрасе, положенном прямо на пол. Луна светила в окно, квадрат голубого света лежал на паркете рядом с матрасом. Утром Майке казалось, что она видела во сне пионерлагерь и сосновые шишки на светлых дорожках. Правда, может быть, это ей стало казаться только утром, Майка иногда при-

думывала себе сны, потому что видела их редко.

Мама посмотрела на Майку сердито. Отец намазывал в коридоре лыжи и пел во весь голос:

— Как прекрасен этот мир, посмотри! Как прекрасен этот мир, посмотри!

У папы не было музыкального слуха, он просто выкрикивал слова песни. Но Майке нравилось, как он поет — громко и решительно. Видно, вешалки и полки все же не давали ему покоя.

Потом они завтракали на кухне. И хотя Майка все время ждала, сигнал горна раздался неожиданно. Вдруг запело-полетело над домами — радостное, протяжное, щемящее: «Слушайте все!».

Дед играл сбор.

— Я вас внизу подожду,— сказала Майка, схватив лыжи.

У подъезда стоял Олег в черном свитере и черных брюках. А лыжи у него были красные. «Красиво»,— подумала Майка.

— А где дед? — спросила она.

— Сейчас придет,— сказал Олег.— У отца насморк, дед ему горчичники прилепил, как отлепит, так и придет. А мать будет дома на дежурстве.

Потом вышли Майкины мама с папой и вчерашний мальчишка в белой ушанке. И еще две девочки в красных шапках. Девочки были так похожи друг на дружку, что Майка долго переводила глаза с одной на другую и ничего не говорила. Лица одинаковые. варежки одинаковые и лыжи одинаковые. Девочки, видно, привыкли, что их сначала разглядывают. Они постояли спокойно, потом одна девочка сказала:

— Меня зовут Нина, а ее — Марина. Мы вас в окно увидели, а кто горнил?

И тут появился дед. Он подошел к ним, не удивился, только улыбнулся. Седые волосы выбивались из-под синей вязаной шапки с помпоном.

Папа сказал:

— Очень приятно познакомиться, правда, Сима?

Мама сухо ответила:

— Да.

Мальчишку в белой ушанке звали Сашей, он был худой и еще выше, чем показался Майке, когда она смотрела на него сверху.

— Научишь меня лассо накидывать? — спросила Майка тихо.

— А чего,— ответил Сашка,— научу. Ты в каком классе?

— В шестом. А ты?

— В пятом. Он в шестом,— кивнул Сашка на Олега,— а я в пятом.

Они ехали в тесной электричке, люди стояли, а над головами у них торчали лыжи. Было похоже, что люди стоят в лесу. В другом конце вагона заиграли на гитаре.

Дед прислонился щекой к своим лыжам и сказал:

— Тесновато, правда. Но все эти граждане на сегодня наши единомышленники. Верно?

Майка быстро закивала. Вспомнила, что мама терпеть не может тесноты и пропускает переполненные автобусы, даже если опаздывает куда-нибудь. Майка смотрела на нее и ждала, что сейчас мама выразит свое недовольство, скажет язвительные слова. И тогда дед огорчится. Майка хотела сама что-нибудь сказать, чтобы мама ничего не сказала, но никак не могла придумать.

— Мама, а мам,— заторопилась Майка,— знаешь что, мама, мы газ не забыли выключить, а?

Мама внимательно посмотрела на нее:

— Что с тобой? Какой газ? Посмотри лучше в окно.

За окном пролетали голубые сугробы.

Они вышли на станции с названием «Синички». Майка раньше даже не слышала про такую.

Самое невероятное было то, что на елках действительно сидели синицы. Они цвикали, улетали и снова прилетали на ту же ветку. А лыжня тянулась вдоль елок. Впереди шагал дед — размашисто, ровно. Его синяя шапка уплывала вперед. Папа скользил, сильно пригнувшись, а мама часто перебирала ногами и приговаривала:

— Я уже не помню, когда ходила на лыжах. Лет пять, десять назад. Честное слово, не помню.

— Горка! Съедем, Сашка! Мы вас догоним. Девчонки, давайте с нами! — крикнул Олег.

Горка была длинная и не очень крутая. Саша понесся лихими зигзагами, как слаломист. За ним — Нина с Мариной. Майка остановилась наверху и чем дольше смотрела, тем круче казалась ей гора.

— Не боись! — кричал снизу Саша.

Девочки хохотали.

Олег стоял рядом и смотрел на нее сбоку.

— Не боюсь! — крикнула Майка.— Чего бояться?

Она оттолкнулась и понеслась вниз. Упругий ветер ударил в лицо, зазвенел в ушах. «Ой, мамочка!» — взвизгнула Майка. Но гора уже была позади. И снежная пыль летела за лыжами.

— Молодец,— сказал Саша.— Я думал, грохнешься.

Олег подъехал к ним, они пошли догонять взрослых.

Потом был привал на поляне. Дед достал из рюкзака термос с горячим чаем, а папа — бутерброды с сыром и апельсин.

Все ели и смотрели по сторонам. Папа сказал:

— Какие ели! Готика! Совершенство пропорций! Сима, глянь только, какие деревья!

Дед смотрел на всех веселыми глазами, синяя шапка сбилась на затылок.

— Майка, у тебя ресницы заиндевели,— сказал Олег.

— У нас дома такой кошмарный беспорядок,— вдруг сказала мама.

Дед обернулся к ней.

— А может быть, это ничего?

Мама пожала плечами.

— Вы не сердитесь,— продолжал дед,— только я думаю, что это ничего.

Майка загляделась на верхушку елки. Там прыгала серая белка; вот она помедлила немного, а потом решилась — полетела с елки на елку. Майка никогда не видела белок так близко.

Олег тоже увидел белку, он стоял рядом с Майкой и смотрел вверх. Белка пролетела прямо над их головами. Упала длинная еловая шишка и глубоко провалилась в снег.

— Майка, у тебя ресницы заиндевели,— сказал Олег.

— Пускай,— ответила Майка.— А у тебя волосы от мороза седые. Как у деда. ★

Валентин БЕРЕСТОВ

МАЛЬЧИШКИ

I

На лбу бывали шишки,
Под глазом фонари.
Поскольку мы мальчишки,
Мы все — богатыри.

Царапины, занозы...
Всего страшнее — йод
(Тут не стесняясь слезы
Сам полководец льет).

Пусть голова в зеленке
И в пластырях нога,
Но есть еще силенки,
Чтоб разгромить врага.

Всего важнее смелость
И мускулы бугром.
Скорей расти хотелось,
Скорей оставить дом.

Упрямые,
С утра мы
Опять на бой, в дозор.
...От тех сражений шрамы
Остались до сих пор.

II

Бодались соседские козы,
Воняли лесные клопы,
И розы, прекрасные розы
В мальчишек вонзали шипы.

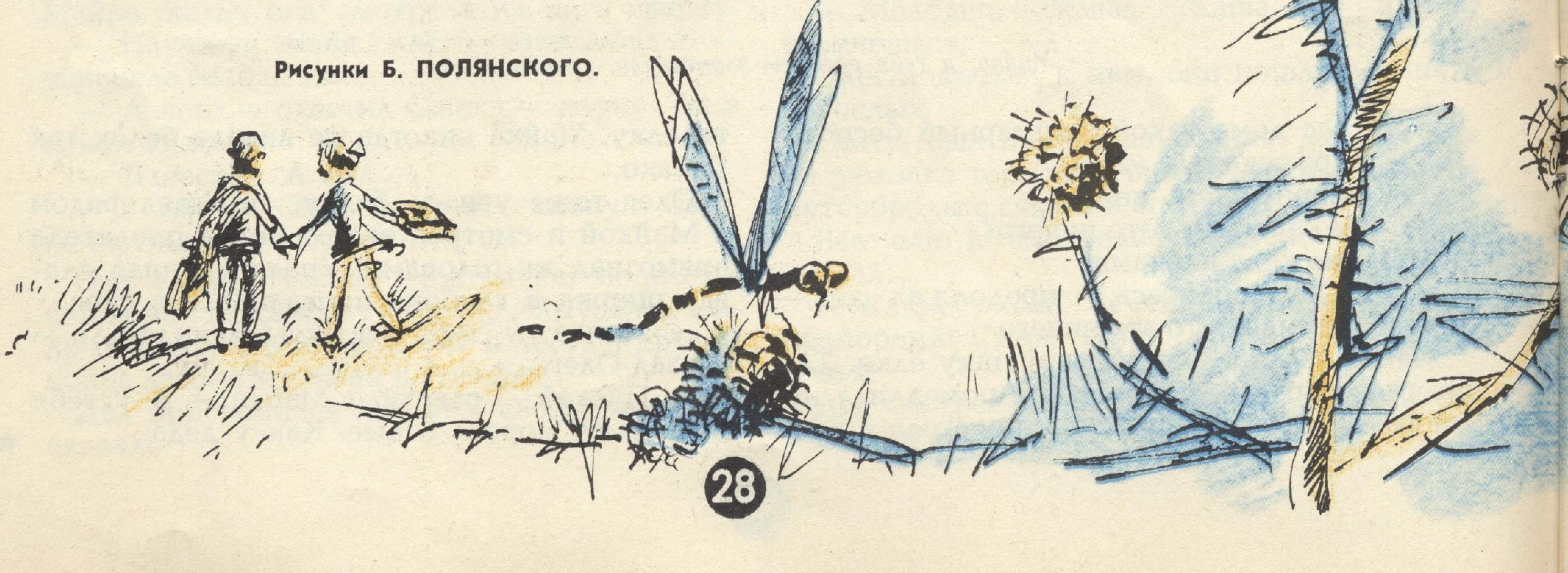
Все в мире стрекалось, кололо,
Влетало соринками в глаз,
И трудолюбивые пчелы
Безжалостно жалили нас.

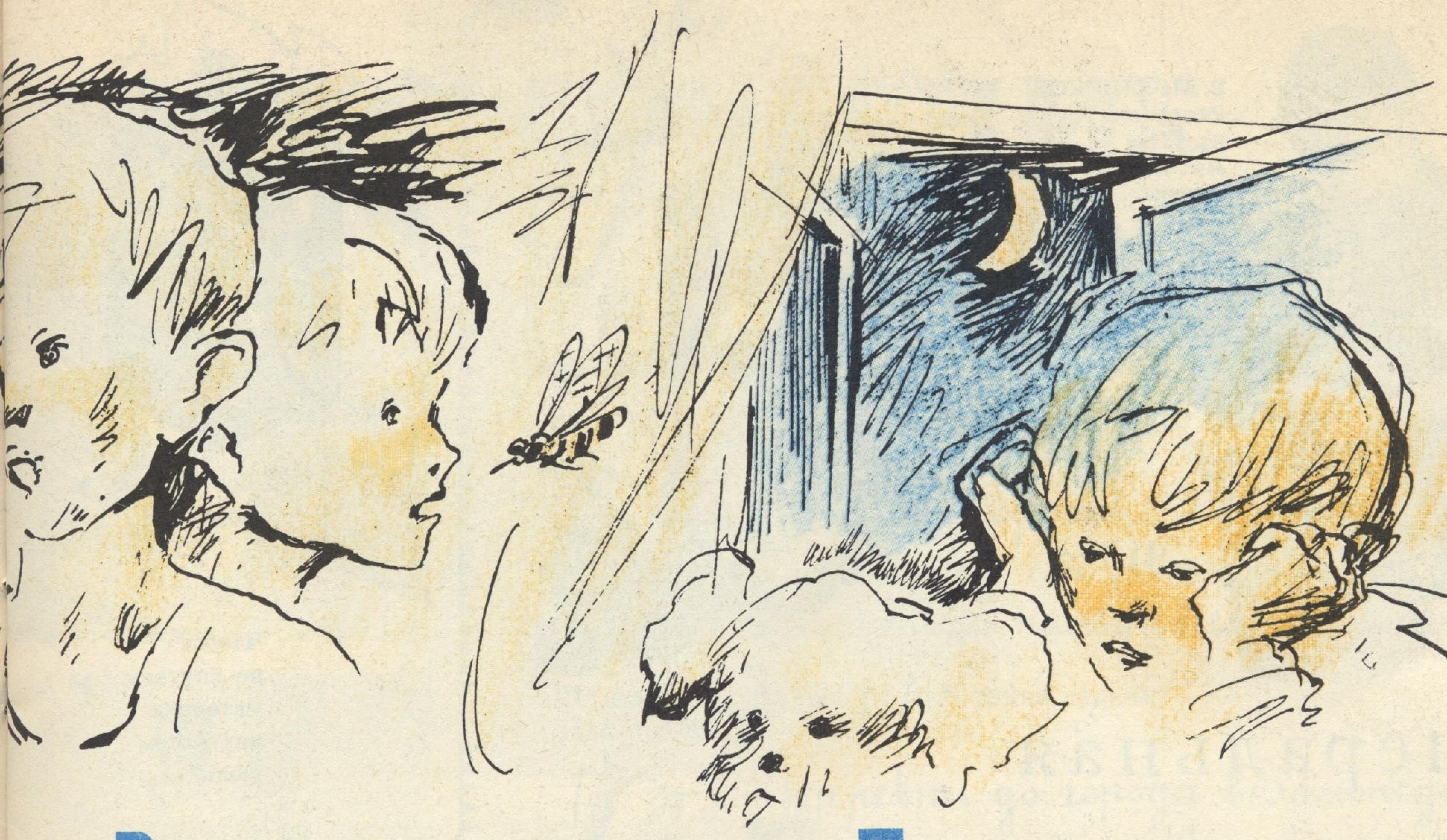
Мечтатель

Сижу на самой верхней
ветке,
И чудится, что я в разведке
Или на мачте корабля,
Готовый прокричать:
«Земля!»
А ветер дерево качает.
Никто меня не замечает.

А я забрался выше всех,
И вижу всех,
И слышу всех.

Рисунки Б. ПОЛЯНСКОГО.





Речка моего детства

Речка детства моего — Турея.
Плеск воды вокруг сухой коряги.
Поплавок отцовский (это пробка
На обломке птичьего пера).
Вынырнула крыса водяная,
Мокрый черный мех блеснул на солнце,
Нас с отцом увидя, удивилась.
Речка детства — милая Турея.

*

Вдвоем

Идем лесной тропинкой
в первый класс,
И паутинки задевают нас,
Колючие хвоинки
сыплют ели
На наши плечи, шапки
и портфели.
И, развлекая
спутницу мою,
Я песни громким голосом пою
Про подвиги, про смерть
на поле боя...
Но вот просвет и небо
голубое,
А там и школа
на краю села,
Друзья и всевозможные дела.

А мне еще в лесу побыть
хотелось.
Так хорошо мне никогда
не пелось!

Прощание с другом

Он сбежал у меня на глазах.
Я его провожаю в слезах.
Мы с ежом замечательно жили,
Уважали друг дружку, дружили.
Позволял он потрогать брюшко.
Он с ладошки лизал молоко.
У него была милая рожица,
Не любил он колоться и ежиться.
Но открытой оставили дверь,
И сердитый бежит он теперь.
Как чужой, и шипит он и колется,
Проводил я его до околицы,
И в колючей траве он исчез
И свободный отправился в лес.

Бабушка Катя

Вижу, бабушка Катя
Стоит у кровати.
Из деревни приехала бабушка Катя.
Маме узел с гостинцем она подает.
Мне тихонько сушеную грушу сует.
Приказала отцу моему, как ребенку:
«Ты уж, деточка, сам распряги лошаденку».
И с почтеньем спросила, склонясь
надо мной:
«Не желаешь ли сказочку, батюшка мой?»
Села рядом и сказку прядет, словно пряжу.
...Светят звезды, и я собираюсь на стражу.
Выйду в чистое поле, присвистну — и вот
Сивка-бурка примчался, копытами бьет.

В. ПОСТНИКОВ
Репортаж из 161-й московской школы.

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

Все заботы поровну.

Чтобы не спутать материки под слоем пыли.

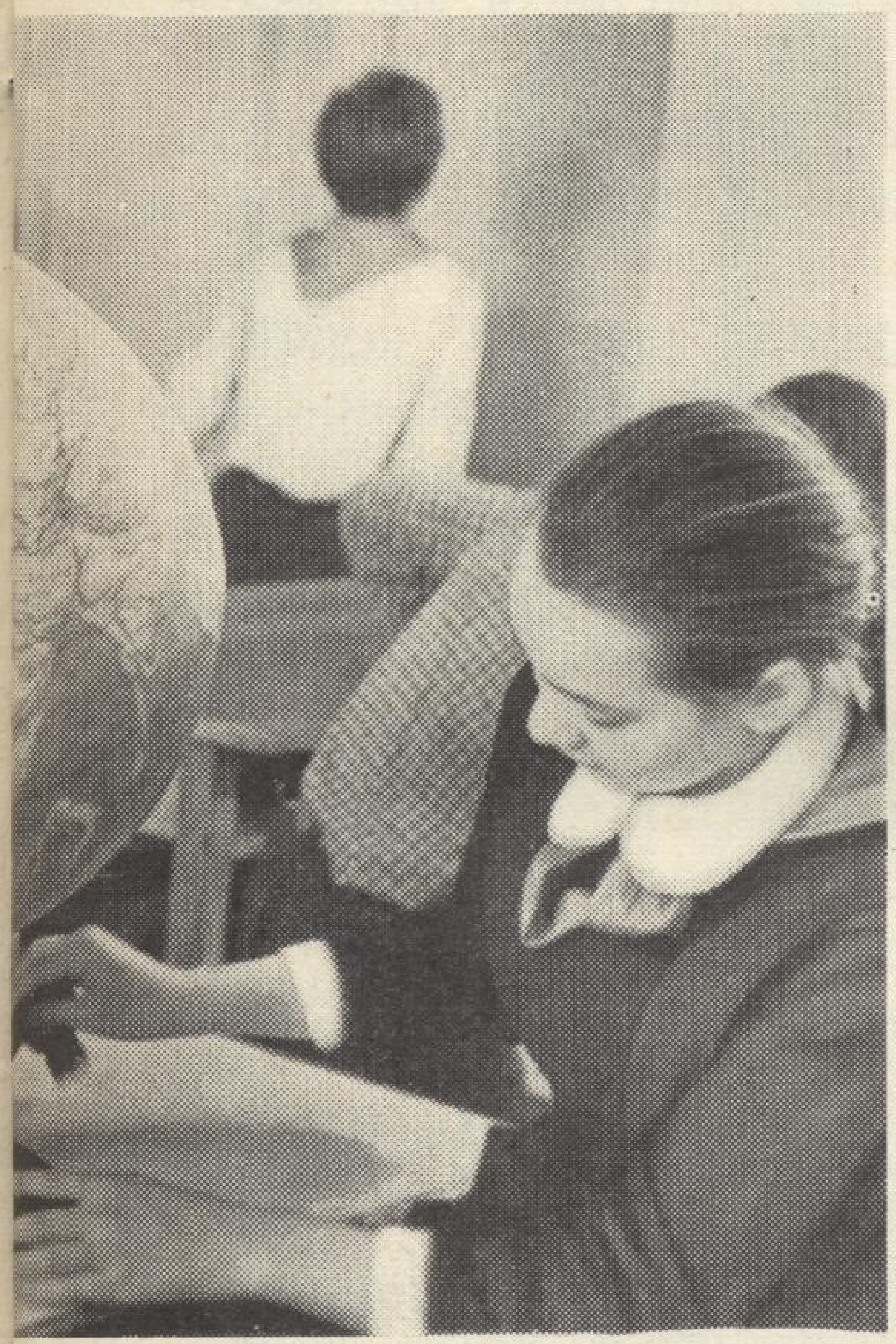
Генеральная уборка

«Опять класс убирать? Вот скука. Хватит. Сегодня мы драим палубу бригантины. На корме надпись — 5-й «А». Мой класс — моя бригантина. Палуба должна быть чистой — первая морская заповедь. Борта — тоже.

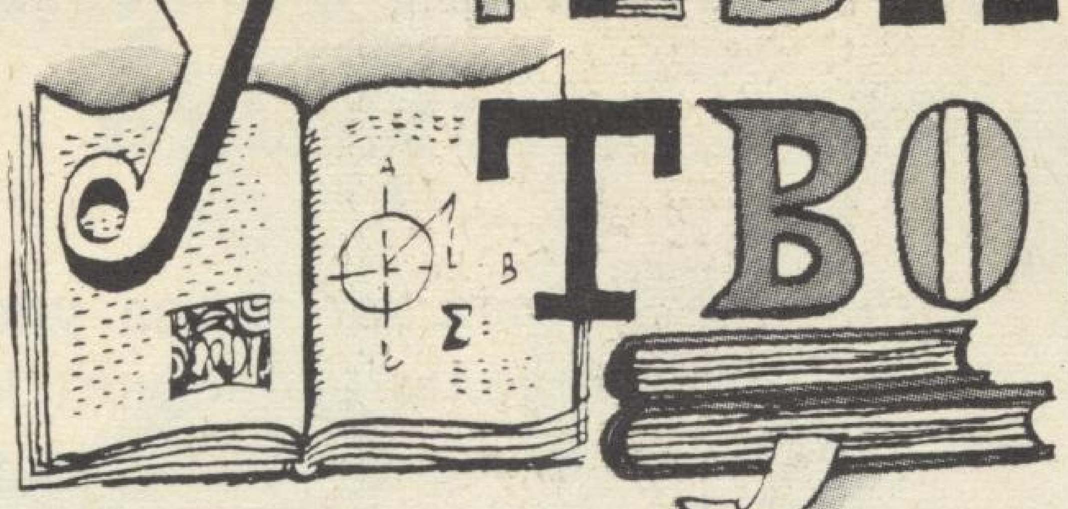
Как это люди умудряются ходить по стенке... Попробуй теперь ототри.

Кто сказал, что это немужская работа?

Окно — иллюминатор.



Учебник твой и мой

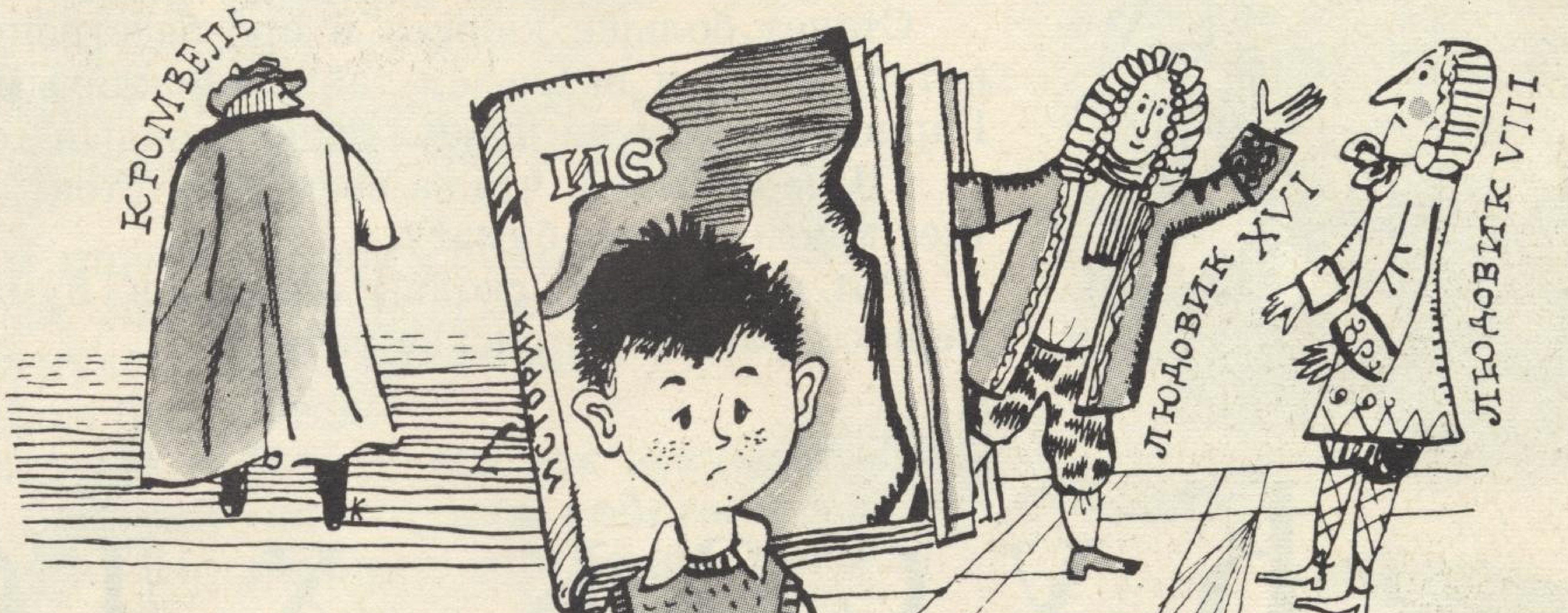


„У Миши было „Х" орехов, а у Саши „у" орехов... На каком расстоянии от Москвы и Ленинграда находится г. Калинин?"

Вам не приходилось решать такие задачи?
Или вот еще:

„От деревни до города велосипедист ехал со скоростью 12 км/час... Сколько литров воды выливается за одну минуту?"

Не думайте, что эти задачки из сборника «Безумная математика». Решать такие головоломки приходится тем, кто получает учебники в наследство от «древнего рода Нерях». По вине нерях Кромвель исчезает из истории Англии, а короли во Франции меняются с головокружительной быстротой и после Людовика VIII к власти приходит Людовик XVI. Мой младший брат «многим обязан» таким нерадивым хозяевам учебников, он прекрасно знает все о Северной Америке и ничего о Южной: от Юкатана до Патагонии у него в книге вырваны все листы.



Ребята во второй школе г. Таллина ничем не отличаются от школьников, которых я знала раньше. Но однажды...

Собралась вся пионерская дружина и решила, что четвероклассник Сульке сохранит свой учебник целым и в конце учебного года передаст его третьекласснику Нурмуйя, а тот через год отдаст непорванный учебник новому третьекласснику Коппеле. Словом, по одному и тому же учебнику будут учиться несколько поколений ребят. Мамы и папы тоже помогут своему сыну или дочке сберечь учебник. Они пообещали это друг другу перед началом учебного года.

Представьте, что на торжественной линейке к вам подходит ученик третьего класса. В глазах его почтительное уважение к вам, старшекласснику. Вы вручаете ему свой учебник. Тот самый, с которым не расставались целый год. И вам далеко не безразлично, сохранится ли уважение к вам после того, как ваш юный друг полистает страницы.

За длинный учебный год можно, пожалуй, и забыть о человеке, которому вы передадите свой учебник. Но не тут-то было. Санитар клас-

Эти прекрасные деревья будут расти и дальше, если ты будешь беречь свои учебники

са всегда начеку: не взялся ли ты за учебник после того, как крошил мел у доски? Каждую неделю проверяет книги совет отряда и классный руководитель. Каждый месяц в класс приходит авторитетная комиссия: директор, завуч, библиотекарь. Листают страницы — нет ли загнутых уголков? Клякс?

Так было первое время, а теперь все привыкли к порядку и никому не приходится краснеть за свой учебник.

Расход семьи на учебники невелик, но к первому сентября надо запастись и тетрадями, и новым блестящим пеналом, и школьная форма стала мала. Ты получишь учебники бесплатно от старшеклассников. В конце учебного года ты передашь эти же учебники тем, кто младше тебя, тоже бесплатно. Это экономия, так сказать, в семейном масштабе. А для государства?

7 (коп.) x 18000000 (экз)
= 126000000 (коп)
или
1260000 рублей
Ого! Вот так цифра!

Школа теперь может не заказывать новые учебники. Две школы, три школы, тысяча школ... Государство сэкономит тонны бумаги и много денег. Посчитай сам.

Учебник «Природоведение», скажем, вы купили за 22 копейки. Семь копеек добавило государство, так как производство учебника обходится в 29 копеек. Тираж этой книжки — 18 000 000 экземпляров. 7 (коп.) × 18 000 000(экз.) = 126 000 000 (коп.), или 1 260 000 руб. Ого! Вот так цифра! На эти деньги можно для школы купить новое оборудование или построить спортивный зал.

Ты знаешь, что бумагу делают из древесины. Миллионы деревьев превращаются в белоснежные листы. На них и печатаются ваши учебники. Долгая жизнь учебника продлит жизнь нашим лесам.

Машин, которые обрабатывают древесину, понадобится меньше. Сэкономится металл — появятся новые подъемные краны, холодильники, трубы.

И вагоны, которые перевозят древесину, освободятся. Они повезут другие срочные грузы во все концы страны.

Станет больше книжек и про бесстрашного Мальчиша-Кибальчиша, который так и не выдал тайну проклятым буржуинам, и про озорного Карлсона, если не нужно будет каждый год печатать учебники.

И не забывай, что за всем этим стоит труд тех, кто валит лес, печатает книги, делает бумагу.

Вот и подумай, сколько деревьев, бумаги, металла и рабочего времени сохранили эстонские ребята!

*

Кусок хлеба

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

А. СЕМИНОГ

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

Весна в Зауралье была на редкость холодной, затяжной, лето — засушливым. А уборочная страда наступила — дожди пошли.

Машины с зерном торопятся на элеватор. В полях, на токах вместе с колхозниками трудятся тысячи горожан, идут по дорогам грузовики с городскими номерами. Наступили трудные, ответственные дни. Это о них в народе говорят: «День год кормит».

В страдную пору человек хлебом проверяется.

На одном поле колос хорошо вымолочен, в полове ни зерна. На земле колоска не увидишь. На другом — валки лежат неровными рядами. Срез высокий. Местами пшеница даже не кошена. И сердце невольно сожмется: обидно за хлеб, страшно за того работника, что кромсал здесь наше богатство.

Для каждого с хлебом связаны оставшиеся на всю жизнь воспоминания. И у меня они есть.

Особенно вкусным был хлеб, когда становился он «заячьим». Засохший, пыльный кусок. Его приносили отец или старший брат с работы. Говорили мне:

— Это тебе, малец, заяц подарок прислал.

Почему именно заяц, никто, наверное, не смог бы объяснить. Просто исстари в здешних местах сохраненный для близкого, дорогого человека кусочек хлеба назывался заячьим.

...А недавно я видел много заячьего хлеба. Горек он мне показался!

На помощь сельчанам приехали из города школьники. И, правду надо сказать, ребята работали здорово. Короткий обед, и снова работа... Я обратил внимание на одного человека. Совсем уже старика. В руках его было ведро. Он бродил по полю и что-то собирал. На веселых ребят никакого внимания.

Я подумал: что он там ищет? Старик собирал хлеб. Его много здесь было — белый, черный, большие рваные куски. Наполнил ведро. Разогнулся. Глаза колючие:

— Ишь, барчуки! Хлебом бросаются!

Я глянул на ребят, которые работали все так же здорово. Подумалось: нет, не барчуки они, просто собственный свой труд беречь не умеют... Но старику я противоречить не стал.

Мы закурили. Видно было, что он с трудом подавлял в себе гнев. Быстро затянулся раз, другой, бросил папиросу. Сказал уходя:

— Войну вспомнил. Помните: хлеб-то на бумаге резали. Крошки останутся, считай, уже добавка, больным отдавали.

Я попытался сказать, что, мол, время-то другое и жить стали куда получше. Он посмотрел на меня взвешивающим, таким оценивающим взглядом. Неожиданно повернулся и зашагал прочь. И вдруг стыдно мне стало не только за ребят тех, но и за себя...

Татьяна ПОЛИКАРПОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. БАГИНА.

От весны

О них нельзя было не думать: ведь они все время тут, возле. Даже если их не видишь, слышишь их шум, лепетанье, шелест, смотря по тому, какой на дворе ветер или какое время года. Даже зимой сквозь двойные рамы мне слышался зябкий, сухой, как бы морозный шорох. Словно они потирают потихоньку ветку о ветку. Тополя со всех сторон окружают мой дом, самый высокий, двухэтажный дом в совхозе, но они выше даже этого огромного дома!

Я их сразу отличила от всего, что стало вокруг меня в этом совхозе, как только мы приехали сюда...

И весну они чуют первыми. Бывало, уже в феврале на последней его неделе, когда утром разбудит тебя солнце, поднимешь голову с подушки, глянешь в окно — и сине-золотое небо теплом хлынет в глаза! Притерпевшись к свету, поймешь, откуда тепло и золото: это тополя! Как мягко, как уже гибко раскачивают они свои ветки, вдруг после зимнего бесцветия налившиеся изжелта-серым и зеленоватым цветом; и остроконечные почки теперь не прижимаются к веткам, не стараются слиться с ними, а смело топорщатся и, кажется, чуть потолстели. И вдруг сразу всей кожей, всем телом, сладко замерзшим от догадки, поймешь: весна близко! Весна, весна! И покажется, что слышишь аромат желтой тополевой смолы, первый живой и отчетливый аромат весны, хотя двойные рамы на окнах, хотя снег еще и не тронут солнцем, нигде не поврежден теплом...

А осенью тополям хочется бежать!

Я видела однажды осенней ветреной ночью, видела, как бесновались они, как раскачивались, пытаясь вырвать свой ствол, свою мощную слоновую ногу из земли, сорваться с места, порвав корни, убежать вслед за ветром, за тучами. У-у, как размахивали они вершинами,

до осени

теряя последние листья, как ревели, как в ярости швыряли вслед ветру крупные сучья — целые небольшие деревья; если б такая ветка ударила в мое окно, наверное бы, вылетела рама...

Но тополя никуда не убежали. Утром они стояли тихие, будто пристыженные неудачей. Вокруг валялись их живые ветки, кое-где с листьями...

Осенью всем плохо. Всем хочется бежать куда-то. Но тополя оставались, они охраняли мой дом, отражаясь в высоких его, чистых, темных, как лесные озера, окнах.

Я давно думаю о них. Я думаю, что тополя, окружившие дом со всех сторон, не такие, как другие деревья: ведь они не сами выросли, их посадили люди. И мне кажется, что поэтому они многое знают про людей. Вот я живу здесь совсем недавно, что я могу знать? А они растут давно и очень много помнят. Кто их посадил? Может, крепостные того помещика, чей это был дом? Тополя и дом видели, как здесь жили раньше, какие люди ходили, что говорили. Сейчас здесь живем мы, и они смотрят на нас, вспоминают других людей, но знают все и про нас. Нам уже не попасть в то время, из которого пришли тополя и дом. Надо только хорошенько смотреть и слушать: не расскажут ли что-нибудь старые деревья? Не откроют ли тайну? Но пока они рассказывали мне лишь о силе ветра да о том, как светит сегодня солнце: чем радостнее блеск листьев, тем, значит, больше солнца. И все-таки они заставили меня думать о тайне. О том, что не все так просто вокруг, как видишь.

Тополя всегда были перед глазами и, важно покачивая своими вершинами, шептали мне: «Смотри! Думай! Слушай!» Скоро я почувствовала, поняла, что они взяли меня в друзья. Бывает же, что большие дружат с маленькими.

Дом

Хорошо, когда в доме такие высокие окна, как у нас, и нет занавесок. Вечером лежишь в постели и видишь над собой деревья. Будто на поляне на спине лежишь.

Но скоро сквозь льдистый блеск темных стекол уже ничего не видно. Я поворачиваюсь на бок и прислушиваюсь. Тихие звуки живут в комнатах: что-то шуршит, слабо потрескивает, это остывает фитиль только что потушенной керосиновой лампы. Бабушка в своей комнате нет-нет да вздохнет, а за стенкой шелестит шепот: мама с папой разговаривают. Они-то разговаривают, а мне скучно.

От скуки я стала представлять, как спит наш дом. Если снять с него крышу, будто крышку сундука, окажется, что под крышей ячейки-коробочки, похожие на соты. Я видела такие на пасеке. Не те, в которых мед, а те, в которых растет пчелиная «детка» — личинки... Из них потом вылетят рабочие пчелы. И в нашем доме ячейки, в них, в этих коробочках, спят теплые люди. Такие же теплые, как я сейчас под одеялом.

В нашей квартире три коробочки-ячейки: маленькая, где папа, мама и малыш Толик, большая, где я одна, и длинная, узкая — это столовая, и здесь бабушкина кровать, тоже узкая, длинная. Бабуся моя сама такая: высокая и худенькая. В квартире рядом спят агроном Николай Михайлович, огромный, как Котовский, и такой же бритый; его жена — ветврач Роза Ивановна, у нее очень интересные руки — короткие, толстые, и держит она их чуть на отлете, поэтому похожа немного на пингвина. Дочка у них маленькая, о ней думать неинтересно. Зато если снять с дома еще и наш этаж, то откроются очень даже интересные ячейки.

Во-первых, Шуркина семья. Шурка — это моя лучшая подружка вместе с Аськой, но Аська в своем доме живет, не в нашем.

Нам с Шуркой здорово повезло, — моя кровать стоит у той же самой стенки, что и ее, прямо над Шуркой я сплю! Надо бы пол просверлить и нитку туда к Шурке спустить: ночью раз-раз! — дернул, и все.

Или разговаривать через эту дырку.

Шурка спит со своей младшей сестрой. У нее две сестры и два брата. Все младшие, а она старше даже меня на целый год. У нее совсем белые волосы и смешная верхняя губа, приподнятая домиком, пухлая, и всегда на ней трещинка. Часто, когда Шурка смеется, из трещинки мелкие росинки крови выступают. Ей все уже тыщу раз твердили: не лижи губу! А она лижет да лижет.

Да, у Омелиных в ячейках много народу: ребята да еще мама с папой. Ну, ребята... Из них только Андрюшка стоящий. Он всегда с нами ходит. Ему лет пять. А остальные — мелочь.

Сейчас тихо у них, а геранями все равно, наверное, пахнет. Много гераней на окнах. Днем, в жару, с них падают бархатистые алые, и багряные, и почти темно-вишневые лепестки и так красиво, тихо лежат на светло-желтом скобленом полу. Всегда чистые полы у Омелиных. Когда Шурка собирается сметать лепестки, я прошу ее:

— Подожди! Пусть полежат!

...И рыцарь Айвенго скачет на своем словно точеном коне.

— Ну да, — скажет Шурка, — счас орава прибежит, потопчут, останутся синие пятна.

Уже теперь, в марте, начинают зацветать герани у Омелиных.

За стенкой омелинской еще одна комната — там спят тетка Анна, почтальон, и две ее дочери. Они взрослые.

И еще есть одна квартира. У них я не была, у Зайкиных. Потому что там мальчишки. Очень вредный Колька, мой ровесник, мы с ним даже когда и разыграемся, то все равно подеремся. Вот я и не знаю, какие там комнаты, кто где и кто как спит. А про Шурку знаю даже, что спит она на животе, подсунув под подушку обе руки, и белые волосы во все стороны торчат.

Тута сидит Тентик,
репейна головка,
жестяное горло,
соломенные ножки, — пропела я про себя дразнилку для Шурки. Она такая и есть — всегда косматая, голос, когда кричит, хоть уши затыкай, ну, а ножки тоненькие. Нас всех — меня, Шурку, Аську — дразнят мальчишки «тоненькие жерди». А мы их «люди кырмыска, толстые старики» (по-татарски «кырмыска» — «муравьи»).

И вовсе они не толстые, вдруг удивилась я. Только у Кольки щеки толстые и арбузом голова. У Кольки арбузом, а у его брата Мити — огурцом. Мама моя говорит про их маму: «Несчастный человек». Потому что Митя — дурачок. Ему лет семнадцать, а он дурак. Он, наверное, потому и дурак, что у него голова сплюснутая, вытянутая. Я думаю, дуракам снятся страшные сны. А может, вовсе не снятся?

У Кольки и Мити отец есть и сестра Зинка. Но они обыкновенные, думать о них нечего. Вообще взрослые все какие-то скучные, одинаковые, кроме моих папы, бабушки и мамы. И жить им, по-моему, скучно. Вот почему-то раньше были интересные взрослые, те, про которых читаешь в книгах. Например, рыцари. Или индейцы. Они сражались, у них были приключения. Все время что-нибудь случалось: засады, побеги, погони. Турниры... Я вижу моего любимца: рыцарь Айвенго вместе с Черным рыцарем едут по широкому светлому лугу между редкими темными дубами. На шлемах — белые перья. Короткие плащи за спиной, словно крылья.

Прекрасная Ревекка в замке, она стоит у окна высокой башни. У нее черные глаза в поллица и белое покрывало, словно туман вокруг головы.

Она увидела рыцарей, и вдруг взбирается на окно, и в своих белых одеждах прыгает с высокой башни. У меня замирает сердце, сладко во рту от ужаса, холодно где-то внутри. Но я не падаю, я чувствую ветерок у лица, вольность, легкость во всем теле — это я лечу! Я лечу над темными дубами, над лесом, над полем, над оврагами, над домами, и земля не тянет меня к себе, не грозит, не держит — я ле-чу-у!!

Все из-за алюминия

На лестнице и в сенях у нас темно и сумрачно. Солнце сюда не заглядывает, и, наверное, поэтому пахнет здесь всегда морозным и пыльным деревом. Неуютно. Хочется быстрей-быстрей пробежать лестницу, вырваться из сумрака. Я словно натыкаюсь на стену белого сверкающего света за порогом сеней, хотя здесь еще тень террасы. А на улице солнце красной палкой бьет меня по глазам, и я зажмуриваюсь, но все равно красным-красно вокруг.

Когда глаза привыкли к свету, удивило голубое небо и ровные, слабо закрученные дымы, на одной ножке вставшие над белыми крышами.

Радостно на таком свету, под таким небом! Хочется бежать! Но возле тополей я остановилась. Вдруг что-то вспомнилось. Какая-то тень пронеслась в памяти — беспокойно мне стало: что-то случилось здесь? Что? Или дома я чего забыла? Я посмотрела вверх: голубые осколки запутались в тонких ветках и толстых сучьях — высоко поднялась вершина, — я маленькая, совсем букашка рядом с таким великаном. Когда-то уже было вот так: все обыкновенно, все видно, небо, веточки, почки, морщинистая кора, дерево, снег вокруг, солнце, и я стою внизу и думаю о том, что так уже было. Что было? А вот это: утро, снег, солнце, деревья и девочка внизу, которая чувствует, что все это уже было... У меня закружилась голова, я схватилась рукой за тополь и потрясла головой, как коза рогатая. Наваждение! Это как картинка в картинке. Был у меня такой журнал один, «Костер». На обложке мальчик и девочка держат журнал «Костер», и на нем такая же картинка: мальчик и девочка с журналом в руках, на обложке которого мальчик и девочка...

Можно голову сломать, как говорит моя бабушка. Но то картинка, а здесь же улица и я, а мне что-то неясно, чего-то я не понимаю, от этого неловко.

Может, тополь думает про меня? Может, я ему кажусь букашкой?

— Ты что? — говорю я дереву. — Что думаешь?

Конечно, не вслух говорю. Но в ответ громко задребезжало, зазвенело противно стекло надо мной, я даже вздрогнула, оглянулась на звук; в окне бледнело сквозь двойные рамы, еле угадывалось лицо бабуси, мелькала рука. Понятно! Мне грозят пальцем, велят идти в школу.

Что вы хотите сказать мне, тополя?

Опоздала! Но меня пустили на урок. Я уж думала, не пустят. И сама не знаю: было бы лучше, если б не пустили, или нет? Даже, может, хуже было бы. Домой нельзя, на улице все равно никого нет: все учатся. С портфелем в лес не пойдешь, тяжело и неохота таскать. Уж лучше здесь. И в классе скука. Все учебники я уже давно прочитала. Анфиса Петровна больше занимается с четвертым классом, мы с ними в одной комнате учимся: четыре парты — наши, второй класс; и столько же — для четвероклассников. И всего два ряда по четыре парты. Нам задали задачку и примеры. Я их сделала сразу и стала слушать, как Анфиса Петровна рассказывает про полезные ископаемые четвертому. Им вообще интересней рассказывают, чем нам. Хорошо, хоть можно слушать!

Вон что оказывается! Металл алюминий в глине растворен, как сахар в воде. Его там не нащупаешь пальцами. А я думала, когда читала книжку «Дальние страны», что алюминий в глине просто намешан, как осколки стекла или галька в песке.

— У нас тоже полно глины, — неожиданно для себя говорю я со своего места. И четвертый класс хохочет радостно. Вот дураки!

— Даша Плетнева, — строго говорит Анфиса Петровна, — во-первых, я тебя не спрашивала. Во-вторых, занимайся своим делом. Ты еще не в четвертом классе. Решила примеры?

И снова все смеются. Им лишь бы посмеяться!

— Решила уже давно! — отвечаю сердитым голосом. Эх, напрасно! Я это поняла, уже когда говорила.

— Решила? Решай еще два столбика, — приказывает Анфиса Петровна противным, скрипучим голосом.

«Вот тебе! — думаю я зло про себя. — Сама напросилась».

А Анфиса добавляет:

— И все остальные тоже решайте, кто кончил.

Зульфия, с которой я сижу, толкает меня ногой под партой. Мол, из-за тебя!

Ну, и я ее пихаю, конечно, а она приготовилась: ногу в валенке твердо уперла в перекладину парты, поэтому наши валенки глухо, но гулко так хлопнули: «Папп!» А Анфиса Петровна не выдержала:

— Встать обеим!

— Подумаешь! — бормочу я себе под нос, но встать приходится.

— Будете стоять до конца урока! Девочки, называется, ведут себя хуже мальчишек.

Тоже мне сравнила: в нашем классе всего двое мальчишек, и сидят они с девчонками, им и баловать-то не с кем. Но я молчу.

После всех этих несправедливостей Анфиса Петровна как ни в чем не бывало начала прямо с моих слов:

— Да, в окрестностях нашего совхоза много глины, но это еще не значит, что все глины содержат алюминий. Глины везде много, а вот алюминиевых месторождений очень и очень мало.

Не успела я возмутиться нечестным поступком Анфисы Петровны — прозвенел звонок.

После уроков у нас ребята ужасно спешат, даже счеты не сводят друг с другом, откладывают на завтра. Потому что почти все живут не на центральной усадьбе совхоза, где школа, а в поселках вокруг. До дому кому два, кому три километра, а кто с Октябрьского поселка, тем все четыре, а то и пять. У них даже своя лошадь есть. Совхоз дает лошадь каждый день, чтобы они ездили. Сегодня Танькина очередь, видно, идти за лошадью. Потому что она сразу вместе со звонком крикнула:

— Кто куда, а я на конный! Надь, собери пока мою сумку! Даш, айда со мной?

— Плетнева не пойдет с тобой, Таня.

Эх, Анфиса Петровна! Вот как она мстит мне! И за что?

Я чувствую, как жар заливает мне лицо, щиплет в носу. Я стараюсь удержаться, собрать разъезжающиеся губы, я не хочу реветь! Но слезы уже ползут, уже льются, и я падаю головой на парту, лицом вниз, утыкаюсь в шапку, чтобы не реветь в голос.

Как мне горько! Кажется, что уже никогда в жизни не войду я на конный, в его широкие, вечно распахнутые ворота, не увижу рыжий от конской мочи и навоза, взрытый копытами снег, перемешанный с сенными былинками и мелкими листочками, с дорожкой блестящей светло-желтой соломы — кто-то только что пронес охапку в сани, насорил; не удивлюсь дневной темноте под низким навесом конюшен, где стоят кошевы и сани; никогда не вдохну дивный запах конного: крепкий, чистый запах лошадей, дегтя, кожаной сбруи и сена. Никогда не увижу, как улыбается всем своим красным, чернобровым, носатым лицом главный конюх дядя Камиль, выводя из темных конюшен нашу Сливу, выговаривая ей на ходу: «Что жмуришься? Солнца не видала? Или чем недовольна? Ишь, застоялась, идти не хочет!»

Он отдаст уздечку Таньке, а Танька подведет Сливу к передку самой высокой кошевы и подождет, пока я с козел кошевы не заберусь на Сливину широкую спину…

Никогда уже этого не будет! Я залилась слезами, вспомнив удивительное ощущение от скользкой лошадиной шерсти под руками — холодноватой сверху и теплой в глубине возле кожи… Правда, потом придется держаться за Таньку, она, вскарабкавшись на Сливу, сядет впереди меня, она правит. И важно покачиваясь, мы медленно двинемся к школе, возле которой обычно остаются сани.

Слива не торопится, мы никак не можем заставить ее бежать. Наши ноги в валенках торчат в стороны, так что даже не пнешь в бока как следует, а на понукания, похлопывания по шее она не обращает никакого внимания. Но и так хорошо! Высоко сидишь, далеко глядишь! Встречные люди завидуют!.. И вот тебе, не пустила меня учительница… И почему, почему мне так не везет!

Когда я наревелась, в классе никого уж не осталось. Через широкое окно мне видно, что Сливу запрягают — уборщица тетя Маруся и все октябрьские ребята.

До дому я могла бы доехать с ними, но обида не отпускала меня. Я побрела нога за ногу. Солнце светило мне прямо в лицо, грело, как жар из открытой печки. В глазах, когда мигнешь, вспыхивало черно-красное марево. Зажмурившись, прислушивалась я к звукам улицы. Как-то по-новому все слышалось. Громче, что ли? Или это потому, что я зажмуренная.

Преодолевая слепящий блеск снега, я пошире разлепила веки, стала озираться, осматриваться: отчего же шумнее на улице? Воробьи, что ли, громче кричат? Кур, что ли, больше выбралось сегодня на солнышко? Да нет, не только это: звонко, близко слышатся удары железа о железо. А ведь это вон где, на механическом дворе стучат, на другом конце совхоза. Пила поет, не поймешь где, будто рядом. Все звуки словно сблизились.

Но вот сзади, близко, шелковый посвист полозьев, шарканье копыт по разрыхленному снегу дороги — и тут же крик, знакомый голос, только я отпрыгнула в сторону: «Даш! Айда к нам на выходной!» Это наши на Сливе догоняют меня, Танька Моева меня зовет! Танькин крик словно умыл мое заплаканное лицо, словно вылечил враз, как рукой снял мое горе!

Я с криком валюсь в розвальни. До самого дома доеду. И сама слышу, как тоже громко кричу. Как хочется мне громко кричать, как весело так кричать!

— Ага-а! — кричу я. — Раздавлю-у-у!

— А мы тебя в снег!

— А мы тебя с собой увезем!

— К-куда-а? Не в свои сани?!

Но вот и мой дом. Я кубарем вываливаюсь в снег.

Ура! Мы едем! Едем!

Весна! Бьем сугробы!

Посмотрела, посмотрела я вслед саням — уехали! И вот, когда опустила я голову, чтобы подняться, увидела прямо перед носом это весеннее кружево. Над накатанной санями радужно блестящей колеей обрывчик снега, обычно пухлый, покрылся льдистой корочкой, снег под ней чуть осел, корочку продырявили, протаяли острые солнечные лучи, и получилось сквозное льдистое кружево, местами, где потолще, белое, местами совсем прозрачное, как стекло. Над осевшими в снегу катышками навоза, щепками, соломинками, вокруг грязных комков снега раньше всего вырастает сквозная корочка. Эге-е! Значит, дело пошло! Снег зашевелился! В полях и на улице бел он и толст, но меня не обманешь! Кружево весна заплела! Я вскакиваю и бегу домой. Поесть, зайти за Шуркой и пойти бить сугробы, весне помогать. За зиму с подветренной стороны крайних к полю домов и сараев выросли сугробы, повернувшись к домам отвесной стенкой.

Верхний край стенки ветры закрутили крутым гребнем-козырьком, как у морской волны. Эти гребешки раньше всего поддаются солнцу, на них заплетается самое бахромчатое, самое сквозное кружево.

Тут мы и состязаемся: кто выроет самую просторную пещеру в сугробе и не порушит гребешка? А потом забираемся наверх и задом наперед бежим по направлению к скрытым пещерам. Страшно и весело шагать спиной вперед и ждать, когда нога не встретит опоры в тонкой кровле и ты полетишь в холодную пустоту, задыхаясь в свежем, колком, пресном, весеннем уже аромате снега, и барахтаешься, набирая в рукава и за шиворот едкой ледяной мокрети. Мы роем и прыгаем, роем и прыгаем, а потом уже просто барахтаемся и кувыркаемся в сыпучем, как песок, слежавшемся внизу снегу, взвизгивая и выкрикивая что-то друг другу.

И наконец лежим в изнеможении, притворно стеная: «Ох, я уже умерла!»

Я взглядываю на Шурку и замолкаю: да кто же это? Голова — круглый белый шар, так снег облепил ее пуховый платок. Голова снеговика, а лицо ровного алого цвета, что нос, что лоб, что щеки — только глаза, как две голубых «чечки».

— Шур, а Шур! — говорю я. — А я тоже красная?

Шурка смотрит на меня и закатывается хохотом.

...Уже смеркается. Воздух потерял блеск, сгустился, снег стал матово-сизым. Все вокруг подсинили сумерки, а небо темнело, поднималось выше, и чернота его была весенней. И чернота домов и деревьев тоже была густой, теплой, весенней. И окрепший к вечеру мороз был не злым, он только румянил щеки, а не морозил, только веселил, а не пугал.

Мы бежим с Шурой к нашему большому дому, большому, как двухэтажный пароход. Все его окна желтеют красновато, тепло. Лампы зажгли. Мне кажется, что тополя стали поближе к дому, наверное, к свету тянутся... Но сейчас в них нет ничего особенного. Вообще, когда я с кем-то, вокруг ничего особенного. А вот если одна... всякое бывает.

В сумерках, у печки

Когда я вечером пришла с улицы, дома в большой комнате горела лампа, а бабушки нигде не было. Где это она? Не очень приятно быть одной в квартире. Хорошо хоть свет... Я стянула с себя все мокрое, а развешивать не стала: страшно! Только пальто накинула на спинку стула — пусть обтаивает — да валенки к теплой печке прислонила. Сама завернулась с ногами в мамин теплый и широкий халат и тоже угнездилась на двух стульях возле печки. Жалко, нет у нас русской печки, как у Шурки. Только подтопка — голландка. А у Шурки можно на печь залезть.

Но и тут на стульях ничего. Я на стулья еще полушубок бросила и подушку — и мягко и тепло... Лампа в соседней комнате, и в мою только с потолка падает тихий свет. Перегородки у нас между комнатами не достают до потолка. Какой обширный цельный, не разбитый на кусочки потолок в нашей квартире. Как снежное ровное поле. Раньше у помещика была одна большая комната, сейчас — три нагородили. А внизу, где Шурка, у него кухня была, говорят, вот потому там и печка есть, здесь нет... Какой-то помещик. А у него крепостные.

На кухне стряпали. Когда это было? Наверное, сто лет назад. Это ой-е-ой сколько! Наверное, здесь всякие барыни ходили в кисейных платьях широким колоколом и в оборках. И нюхали сирень. Тетка Анна говорила, что еще помнит, сколько тут под тополями сирени росло.

Вот барыня откроет окна, — ей сиренью пахнет... «Ах, — скажет барыня, — это прелесть!»

И вдруг увидит, что на кусте не хватает одной ветки, торчит обломок, с него лычко свешивается. «Ах, — скажет барыня, — где садовник?! Выпороть его! Он сирень проворонил!» Я знаю, помещики за все про все своих крепостных пороли. Они их пороли, а тополя все видели. Они тут вот в нашей комнате балы устраивали, тополя и это видели. Я вдруг вспомнила, как задумалась сегодня утром под тополями, будто кто-то остановил меня. И даже вздрогнула, догадавшись: это тополь меня запоминал! Думал про меня: «Вот бежит девчонка!»

Что если остаться совсем-совсем одной здесь в совхозе, когда больше никого нет до самого леса и в ту и в другую сторону, — ведь когда одна, как-то больше догадываешься — может, тогда узнается, что помнят тополя и дом? Может, просто вдруг станет видно прошлое, вот как в кино. Алюминий тоже не видно в глине, а ведь он есть и его как-то достают, вспомнила я сегодняшнее. И много на свете невидимого и тайного. Например, каменный уголь. Он, правда, видимый, но ведь под землей. Или вот: где получается краска цветочная? Зеленый цвет в траве и листьях получается от солнца. Мама рассказывала. А красный, синий? Везде тайна, даже у маленьких цветов. Вот еще — запах.

Тот цветок ночной, белый, с пушистыми седоватыми длинными листочками, с суставчатым, вроде бамбука, стеблем, как он пахнет. Вечером в темной траве его можно найти по запаху. Почувствуешь его вдруг — так сладко, вроде духов, — присмотришься: вот она, его белая звездочка! Днем она закрыта в сморщенный, некрасивый бутон. И запаха нет. Даже внутри цветка. Куда девается? Откуда берется вечером?

Может, цветок — это живой кто-нибудь? Заколдованный? Он приходит и уходит. И я вспомнила полузабытое, что-то вроде сна. Летний закат. Огород. Все освещено низким солнцем, от этого каждая былинка стоит отдельно, не сливаясь с другими. Краснеют помидоры. Морковь кустится кудрявая, видать, толстая там, в земле.

А я, наверное, очень маленькая, потому что боюсь и помидоров, и моркови, и бобов, и былинок, не то, что сорвать боюсь, а просто их боюсь, думаю, что все они за мной следят... Кто их знает? Может, живые. Сейчас я уже сама грядки делаю с бабушкой, и сажаю рассаду, и редиску умею сеять. И уже ничего не боюсь, но все равно они живые. Растут ведь. И что-то знают, хоть сделать ничего не могут...

Получается, что только я ничего не знаю и нет у меня никакой тайны.

Весна наступает.
Что ни говори, а весна.

Очень стало грустно и одиноко от таких мыслей. Хоть бы скорее пришли наши. Что это бабушки как долго нет?

Но вот я слышу, по лестнице подымается дорогая моя бабуся! Узнаю ее по замедленным, трудным шагам, по слышному издали дыханию, отягченному одышкой, — сердце у нее очень больное. Она не сразу открывает дверь, поднявшись по лестнице, стоит некоторое время, успокаивая сердце. Наконец, дверь заскрипела, отворяясь, звякнули тазы, в которых бабуся носит корм курам, и квартира стала живой, нестрашной.

— Ага! Двери заскрипели! Тазы загремели! Это ты пришла! — кричу я на бегу. Налетаю на бабусю, тыкаюсь головой в холодное пальто, — морозом пахнет и курицами.

— Кур кормила, да?

— Ой, да погоди ты, не отдышусь, — слабым голосом говорит она и присаживается на табуретку. — Ты вон лучше по воду сбегай да поживей. Сейчас отец с матерью придут.

Неохота мне надевать сырые внутри валенки на сухие чулки, неохота идти на темную холодную улицу. Но что делать?

Я беру легкий подойник из белой жести, большие ведра мне еще не дают.

— Эй, — кричит мне вслед бабуся, — на, возьми фонарик! Темно сейчас... Да зря не жги, смотри!

Вот так повезло! Фонарик мне никогда не дают, батарейки к нему покупают в Казани, туда ездят редко, да они не всегда и там бывают. Фонарик служит только бабусе, когда она вечером ходит проведать корову или кур.

И вот он, маленький, тяжеленький, в моей руке! Эх, жалко, Шурка не видит!

Живая вода

Вода у нас рядом. Прямо перед домом в овраге ключ. В склон оврага вбито бревно с просверленной сердцевиной, оттуда течет вода. Сейчас все завалено снегом, лишь самый конец деревянной трубы темнеет да исходит чуть заметным парком. Я встаю на колени, чтоб подставить ведро под ключ. Приходится опускать его в колодец, образовавшийся в толще снега и льда под струей. Она несильная, но зато неутомимая, не замирает ни летом, ни зимой, ни днем, ни ночью. Да, приходится встать перед ней на колени, а летом женщины, не сгибаясь, с плеча, подставляют под ключ ведро на коромысле.

Но прежде, чем опустить ведро, я играю с фонариком. Вожу его тихим лучом по стенкам колодца и смотрю, как словно бы плавятся в свете округлые отполированные неровности ледяных стенок, как ослепительно вспыхивает темная струя воды, когда ее рассекает луч, будто меч. Потом я подымаю голову и смотрю по сторонам, и мне кажется, что я внезапно ослепла: кругом темно, как под черным папиным тулупом.

И я снова склоняюсь к моей ледяной чаше с водой и светом.

Воды в колодце совсем мало, она убегает, просачиваясь под снег, под лед, у нее тайный ход отсюда, из тесноты. Она лишь слегка покрывает дно. Как удивительно видеть живое летнее песчаное дно сейчас, когда кругом нигде нет земли, один снег! Под лучом фонарика белые камешки, темная галька играют, как драгоценные камни. Вода трогает их, пошевеливает, оранжевые осколки кирпича подрагивают, как живые.

Песчинки поскакивают, попрыгивают — на них блестки какие-то... Постой-постой! Это не просто игра света и воды — это что-то такое... Может, это золотой песок?! Сердце у меня замерло. Я, погасив фонарик, сую его в карман и загребаю со дна горсть мокрого песка с камешками и землей, и только хочу ссыпать все это в варежку, как вдруг кто-то хватает меня за воротник и вопит противным голосом: «Ага, попалась, которая кусалась!» Это Колька Зайкин, наш извечный враг. Я терплю все, пока не засовываю варежку с драгоценным песком в карман, и Колька еще успевает сыпануть мне в лицо снега и ударить по шее.

Но вот я на ногах. Я готова растерзать Кольку, хотя по не обговоренным никем, но всем известным правилам нам, «тоненьким жердям», полагалось убегать и прятаться от «людей кырмыска, толстых стариков». Схватив ведро за дужку, я с размаху луплю Кольку по башке. Жалко, он в шапке, а то бы здорово зазвенело.

Кольке, конечно, не больно, — подойник легче перышка, и звону не так уж много, но Колька ошеломлен таким нарушением правил войны. Он кубарем катится вниз по склону и оттуда грозит: «Вот пойдешь с водой!»

— У-у! Людь кырмыска, толстый старик! — отвечаю я ему.

— У-у! Тоненькая жердь! — ругается Колька.

Я стараюсь кричать громче, может, Шурка услышит, но где там, — она, наверное, дома, а рамы на окнах двойные... Делать нечего.

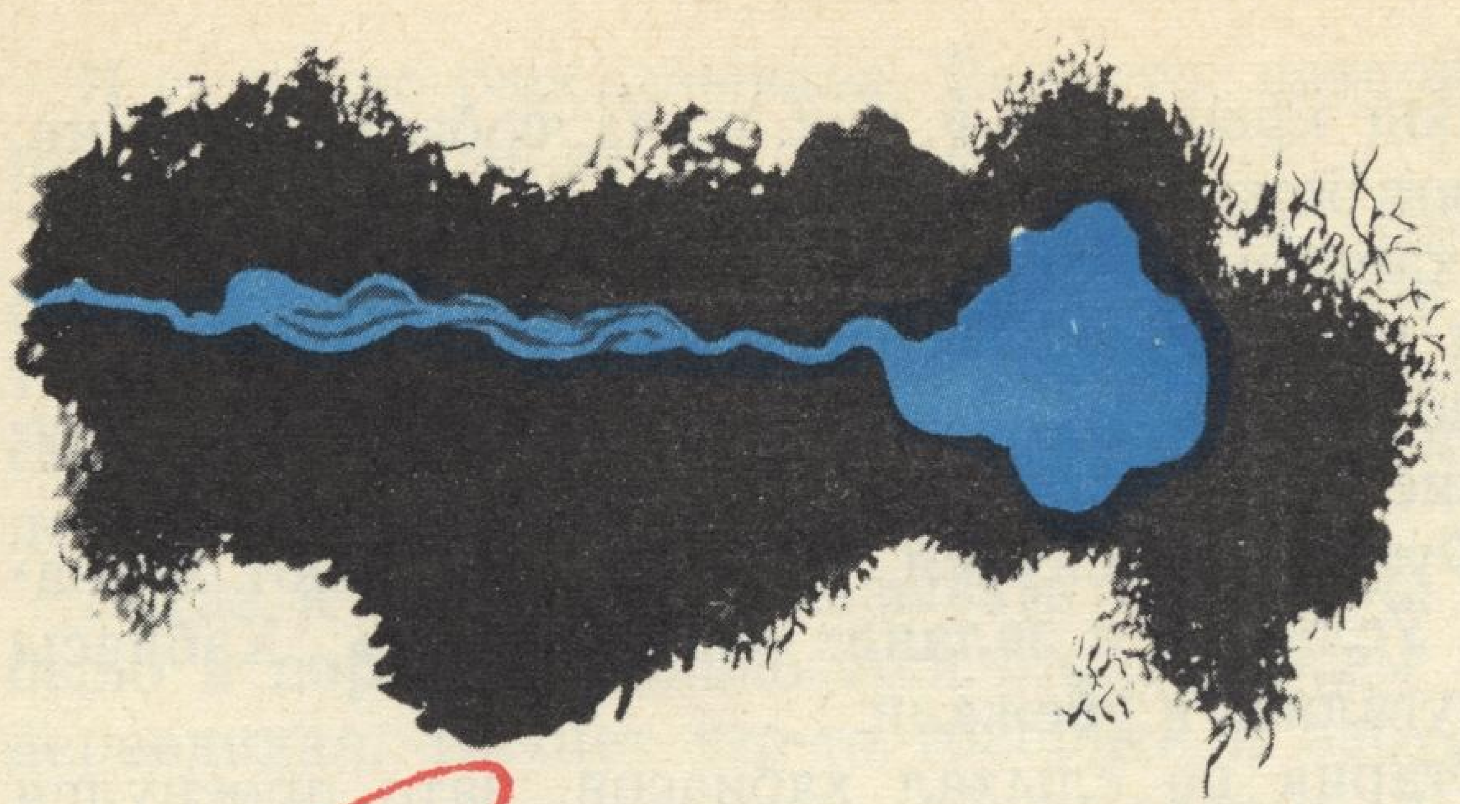
— Как только подойдешь — оболью, — обещаю я Кольке и бегу вниз, обливая свои валенки.

Может, я бы и не пришла с водой в этот раз и Кольке влетело бы за промокшую одежду, но, на наше счастье, шел с конного двора сам Колькин отец и, постыдив его, — «Эх ты, с девчонкой связался!» — увел с собой.

Я пришла домой под звуки труб и горнов, поющих о моей победе, но бабушка их не услышала, конечно. Она не хуже Кольки набросилась на меня:

— Ах ты, господи! Явилась-таки! Да тебя только за смертью посылать! Мать с отцом сейчас придут, а самовар налить нечем. Горе ты мое луковое. Побежала-то как резво, и на тебе! Пропала!

Но у меня в кармане лежал песок! И я даже не обиделась на бабушку. Что поделаешь, если она никак не может понять, что у нас с ней время неодинаково идет: здесь у нее долго идет, а там, где я, — очень быстро. Что ж тут поделаешь? Пожалуйста, ругай.



Золотой песок? Золотой ли песок?

Я нетерпеливо переминаюсь с ноги на ногу, жду, когда бабушка кончит, и бегу к себе, захватив лампу. Пока высыпаю всю грязь из варежки на газету. Да, теперь это просто грязь, никакой красоты! Но я не унываю. Вон они, беленькие песчинки, с острыми глазами блеска...

Я отбираю их по одной на край газеты, спичкой передвигаю между крупными бурыми и серыми зернами «простого» песка.

Придет папа, покажу, ничего не говоря, чтоб не спугнуть. Эх, жалко, не знаю я сама ничего, обо всем приходится спрашивать взрослых! Умела бы вот отличать золотой песок, и не сказала бы никому. Может, и сказала бы, зато уж наверняка: вот, мол, в нашем ключе обнаружено золото! И все. Теперь спросишь, да еще высмеют.

Мама с папой идут! Слышу их разговор. Быстро прикрываю газетой грязь, беленький песок заворачиваю в клочок бумаги. Бегу.

Пока они не поели, лучше не спрашивать. Набраться терпения. Из разговора понимаю, что после ужина опять уйдут, — собрание сегодня.

Когда папа вымыл руки и сел за стол, я развернула перед ним бумажку.

— Пап, посмотри, что есть!

— Хм, кварцевый песочек! Где это ты достала зимой?

— А что такое «кварцевый»? Драгоценный?

— Да нет, не драгоценный, но нужный. Из него стекло делают.

— Пап! А вот смотри, видишь, тут блестит сбоку? Это что? Это не золото?

— Да нет, дочка, не золото! Кварцевые зерна и блестят... Да взяла-то где?

— На ключе, — говорю со вздохом. — А чтоб стекло сделать, его надо много?

— Много! Песок плавят в больших печах. Надо, чтоб печи работали непрерывно, не остывая. Песком надо их кормить без передышки, чтоб все время кипело.

— Наверное, у нас не хватит, — сказала я с печалью. — Его, знаешь, там, в ключе, чуть посыпано. Я по крупинке собирала. Может, в горе есть... Вот если бы золото...

— А что это ты, золотоискателем себя почувствовала?

Ну, вот оно, начинается! И я отвечаю, как только могу, независимо:

— Просто захотела узнать, что за песок. А ты уж сразу смеяться. — Тормошу я его голову. Папа похлопывает меня по рукам.

— Ну, беги, беги — нам с мамой торопиться надо. — Мы сейчас быстренько перекусим.

— Дашутка! — уже из-за стола говорит мама. — К тебе сейчас Асю приведут. Имановы (это Асины родители) тоже будут на собрании, она у нас посидит. Поиграйте с ней. Но только тихо, когда Толя заснет.

Ася придет — вот удача! Я думала, что мы с бабусей опять весь вечер одни будем. А тут Ася! Я потому так радуюсь, что играть вечером, да еще поздним, не то что днем!

Уже вечереет, уже темно почти. А я иду за водой на ключ.

Хабиасы

Толя уже уснул, когда привели Асю. У меня все готово. Я отодвинула от печки стулья, где недавно сидела, и бросила полушубок прямо на пол. А стулья поставила с боков и набросила сверху все тот же мамин халат. Получился очень уютный дом. Таинственный, потому что комната по-прежнему освещалась лишь светлым потолком. В столовой у лампы читала бабуся.

Ася даже рот открыла, увидев такой прекрасный дом. Она уселась рядом со мной и, с надеждой глядя мне в лицо, спросила шепотом: «Как иглать будем?» Асе скоро будет семь лет, но букву «р» она не выговаривает. У Аси очень серьезный вид, и редко улыбается ее круглощекое, румяное лицо, а темно-серые глаза даже какие-то грустные.

Ася ловит каждое мое слово и очень любит играть со мной. У нас с ней не кончается длинная игра, и главная игрушка в ней ее четырехлетний брат Алик. Мы с ним разыгрываем разные истории. Но сегодня Алика нет.

— Нет, Ась, — сказала я. — Сегодня играть нельзя: Толька спит. Я расскажу тебе сказку.

Сказкой я хотела испытать Асю. Была у меня такая одна сказка. Очень страшная. Правда, не все ей поддавались. Вот на Шуру Омелину она не действовала. Наверное, потому, что Шура сразу понимала: что бывает, а чего не бывает.

А Аська, она верила.

Сказка была про хабиасов. Ее мне папа рассказывал. «Хабиасы кто такие? — переспрашивал он меня. — Ну, как тебе сказать? Это такие сказочные животные, вроде крыс. И ходили они на задних лапах, и говорили они по-человечьи. А на животе у них сумка, как у кенгуру.

Это сказочные животные, — повторял папа, следя, как у меня расширяются глаза. — Их нет совсем».

Конечно, огромные крысы — это страшно. Но сказка-то была больше не про них, а про злого старика, собачку Фунтика и добрую девочку Машу.

— В одном лесу, — говорила я, стараясь подражать папе, — в старой избушке жили да были старик со старушкой и девочкой Машей. А под крыльцом у них жила собачка Фунтик. И вот однажды темной ночью подошли к избушке хабиасы. Подошли и запели: «Войдем, войдем в избушку, съедим старика со старушкой! Девочку Машу в мешок посадим, в наши глубокие норы утащим».

Фунтик проснулся, услыхав, как поют хабиасы. Услыхал и залаял: «Тяв-тяв-тяв». Хабиасы испугались и убежали.

Старик не слыхал хабиасов, зато проснулся от собачьего лая.

«Вот противная собачонка! — заворчал он на печке. — Разбудила меня, пустолайка. Завтра же отрублю ей хвост».

Утром, как Маша ни молила, как старика ни просила, отрубил старик Фунтику хвост. Заскулил, заплакал Фунтик и уполз к себе под крыльцо.

А Маша травками ему хвост лечила.

Да, это была очень трудная сказка. Я всегда пересиливала себя, рассказывая, как старик после каждого прихода хабиасов рубил Фунтику одну за другой лапки, а потом отрубил и голову, — самой мне просто тошно делалось от горя, от стариковской жестокости, хоть я и знала, что все хорошо кончится. Оттого было особенно тяжело, что Фунтик знал про хабиасов и только сказать не мог. Он старика спасал, а тот за это самое, за спасение свое, его губил! Старик казался еще противней хабиасов, потому что он не верил никому и Машу не слушал. Жестокий и глупый. Если б он был добрее, то Фунтика бы не губил и сам бы спасся.

«Эх, и глупый к тому же старик, — думала я, — ведь собачки зря не лают. Что-то было, значит! Подежурил бы, дурак, одну ночь у окошка, узнал бы...»

Ну, все это я уже давно пережила и передумала и сейчас Аське просто рассказывала, чтоб было страшно, и жалко, и складно.

— И вот раз пропели хабиасы — молчит Фунтик! Два пропели — молчит! И три пропели — не подал он голоса.

И вошли они в избушку, — таинственным шепотом говорю я, — и хам-хам! — съели старика и старушку, схватили девочку Машу и унесли ее в глубокие свои норы.

Аська слушает всем лицом — и глазами, и пухлыми щеками, и раскрытым ртом.

Но, само собой, конец у сказки счастливый. Охотник с собакой нашел нору, вывел оттуда Машу. Подстерег хабиасов, убил их и даже старика и старушку выпустил из их животов. А Фунтика помазали мертвой и живой водой, и тот ожил, конечно. И охотник с Машей поженились. И старик стал добрым.

Такой был конец.

И я его рассказывала. Но для меня (так я считала про себя) концом была гибель Фунтика и гибель старика. Счастливый-то конец казался ненастоящим, каким-то приставным, а сказка сама настоящая была только там, в горечи, в непонимании, в жестокости, гибели.

Я ее редко рассказывала. Всего-то, наверное, раза два: Шурке да вот сейчас Аське.

Ну, Шурка, она очень не горевала. Сразу сказала, что собачонка бы сдохла, отруби ей только две ноги. Еще сказала, что таких дурных стариков не бывает. Каждый бы захотел поглядеть, чего это собака каждую ночь лает.

Когда я кончила рассказывать Асе, тоже все было в порядке. Только Ася стала совсем как деревянная. Начнет что-то говорить и забудет.

— Пойдем, — говорю, — Ась, сахару у бабуси попросим.

— Пойдем, — говорит.

Бабуся дала нам мелко наколотых щипцами голубовато-искристых кусочков, налила молока. Аська взяла в рот сахар, щеку надула, как бурундук, и опять замерла.

Тогда я вынула карандаши и стала с ней играть, как папа со мной: я должна нарисовать какую-нибудь загогулину, а папа начинает ее обрисовывать, и загогулина становится то крылом красивого лебедя, то ухом смешной собачки, то чешуей рыбы или веткой странного дерева. Но у меня что-то не получалось, как у папы. Приходилось догадываться, что я хочу нарисовать. К счастью, скоро пришли мама с папой, и мне велели отвести Асю домой.

Мы пошли. На нашей лестнице было не темно: свет из окна кухни падал в сени и слегка освещал ступеньки. Но уже здесь Аська крепко ухватилась за мою руку и так шла всю дорогу.

Хабиасы! Хабиасы идут!
Сейчас заедят нашу девочку...

Одним словом, не страшно было, хорошо. Аська держалась за меня крепко.

Идти до их дома было недалеко: длинное, вроде барака, здание конторы, еще один дом, вот уже и Асин. Морозило, но не сильно, повесеннему приятно. Снег под ногами не скрипел, как зимой, а хрустел, потому что днем его солнышком прихватывало, и на дороге, на дорожках он стал зернистым. И воздух, хоть и морозный, был вкусным, пахучим, отдавал на вкус арбузом, арбузной сыростью. Хотелось все время чувствовать этот вкус, этот запах, и потому дышалось глубоко, хотелось побольше этого воздуха вдохнуть. Одним словом, не страшно было, хорошо. Аська держалась за меня крепко. Я открыла ей дверь в сени, а через сени уже не пошла.

Но только я повернулась с крыльца, как там, в сенях, за моей спиной, раздался жуткий вопль: «А-а-а-а!» Я бросилась назад, в сени. Смотрю, из комнаты дверь раскрывается, мать Аськина с диким от испуга лицом оттуда глядит, а по эту сторону двери, схватившись за ее ручку, висит Аська, ноги поджала и орет. Ну, тут же мать к ней кинулась, а я испугалась, что меня будут ругать за страшную сказку, проговорила быстро: «Это она только в сенях напугалась!» — и бежать домой.

«Значит, вон как Ася напугалась», — думала я.

Мне ее очень жалко стало. Вспомнила, как сама боялась. Это уже сейчас я ничего не боюсь. Вот бегу совсем одна, ночь, а не боюсь. Даже хочется испугаться немножко, чтоб сердце так сладко замерло и ноги бы понесли, не чуя земли, и то уже не выходит.

На завалинке

Под Шуркиными окнами удобная завалинка — досками обшита. Весь дом обшит такими досками: они серые, бархатистые, поблескивают седоватыми волоконцами. Потрогаешь рукой — теплые-теплые. Хочется щекой прижаться. Прижмешься — теплые-теплые доски.

Солнце греет Шуркины окна, завалинку. Скоро конец снегу. Положишь тугой сырой снежок на завалинку — он тут же подтает, серая доска под ним потемнеет, и темный круг будет расти, а снежок на глазах уменьшаться. Здесь, перед завалинкой, позднее, в половодье, долго будет стоять большая лужа, рыжая от навоза и в то же время ясная, как зеркало, отражающая и небо, и белые облака, и наш дом до самой крыши, и тополь со всеми ветками. Будто непомерная глубина морская. Сейчас еще нет лужи. Сейчас у завалинки лежит наша красная, как кирпич, корова Манька да куры. Манькин бок под солнцем так и горит, руки можно греть о него, как о печку. А в воздухе еще очень прохладно, в тени чувствуешь мороз, и руки зябнут. Но здесь, на завалинке, мы играем без варежек. Выкладываем из «чечек», разноцветных осколков посуды, разные узоры. «Чечки» — это наши драгоценности. Ими можно меняться. И не просто «чечки» на «чечки» — можно выменять и тетрадь, и карандаш с двумя концами — красным и синим, и красивые перья от каких-то неизвестных — синих, наверное, — птиц. Тоже драгоценность. И только свой ножичек, маленький, складной, я не отдала бы ни за какие «чечки».

За долгую зиму мы уже всяко и по нескольку раз обменивались, а новых «чечек» не будет до чистой земли, пока снег весь не стает, пока не просохнет весенняя грязь. Поэтому Шурка только изредка по привычке канючит:

— Отдай мне твою золотую! — Есть у меня такой осколок — позолоченный, без узоров, изогнутый и тоненький, как лепесток.

— Отстань, — говорю. — Ведь знаешь — не отдам. Лучше я тебе книжку дам, где про сокровища написано. Знаешь, оказывается, вся земля под нами, — я топнула валенком, — как пирог. Сверху чернозем и глина, а в серeдке золото, и драгоценные камни, и дорогие металлы.

— Знаю, — пренебрежительно говорит Шурка, — все клады в земле находят.

— Да нет, Шур, то ничьи не клады, а природное, просто так земля сложилась. Да ты почитай!

— Нет, Дашка, ты мне лучше расскажи, — просит Шура, — потом я почитаю. Да и некогда мне читать, — добавляет она, вздохнув, — дома всегда орава донимает (оравой она зовет своих братьев).

— Ну, знаешь, там много приключений, как они пробирались к центру Земли, что видели, — это лучше читать. Я только подумала: вот если б и нам пробраться! Может, мы тоже что-нибудь нашли бы? Там они, знаешь, в одной подземной пещере попали в лес из грибов! Во, как наши тополя, грибы!

— А золото?

— А золото уж потом! Ну, мы до золота, может, и не достанем. — Я вздохнула, вспомнив песок из ключа. — Но все равно ведь здорово, да?

— Ага! — согласилась Шура. — И, может, мы пропадем, как челюскинцы, и нас будут выручать.

— Ага. И наш совхоз прославится! Помнишь, как было у Васьки с Петькой?

Я даже и не называю «Дальние страны», книжку Гайдара, которую мы с Шуркой любим больше всех. Васька и Петька — будто наши знакомые мальчишки, и мы им завидуем. Они жили в таком же неизвестном месте, как и мы. Но вот геологи нашли там в их земле полезные ископаемые, и началась у них совсем другая жизнь. Завод стали строить. Народу понаехало.

— Эх, Дашка, — говорит Шурка, — у них там геологи искали в земле! Васька с Петькой только шпиона поймали. А вот мы бы сами что нашли! Вот было бы дело!

— Сами! — повторяю я, и сердце мое сжимается от радости, будто мы уже все нашли.

— Сами, Даш! — Шурка спрыгивает с завалинки. И то, что недоверчивая, все умеющая делать Шура так говорит про это, меня совсем убеждает: все мы сможем найти, если, конечно как следует поищем.

— Шур, ведь сколько у нас оврагов, и наполовину уже земля раскопана. Нам, может, и совсем немного придется, — говорю я почему-то шепотом.

И тоже шепотом Шурка подхватывает:

— Помнишь каменный?

Еще бы мне не помнить! Глубокий и крутой, стены такие, что, если упадешь, в лепешку расшибешься. Этот овраг был далеко, на самой границе наших земель. За каменный овраг мы уже не ходили играть — только если по делу: корова убежит или теленок забредет.

И в овраг спускались редко: до его дна — в самом начале в устье — и солнце не доставало, глядишь вверх, как из колодца, и небо, кажется, над тобой потемнело. Страшно! И интересно! По

стенке оврага видно, что земля, как слоеный пирог: сверху серовато-черным прикрыто, как корочкой, — это земля, а дальше слоями: то красная, то серая глина, потом светлый коричневатый песчаник. И опять глина, вся, как булка изюмом, набита крупной и мелкой галькой. Разноцветная. Вешние воды каждый год намывали ее немало. Дно оврага усыпано ею. Нога проваливалась в гремящем этом настиле. Потому мы и прозвали овраг каменным.

Еще бы мне не подумать об этом овраге! Там есть такие удивительные камушки! Белые, как из мрамора, пятнистые, вроде кукушкиных яиц, розоватые, серые в белую полоску, черные... Только поискать как следует, перебрать их по одному... И других оврагов полно. Таких же крутых, как этот, и широких, распахнутых, и узких, как щель, целиком глинистых (вдруг это сплошь алюминий!) и пологих, летом травянистых, веселых, полных солнца и цветов. Все наши овраги сухие — без ручьев. Только вот в том, где мы воду берем, в совхозном, бил ключ. И бежал далеко за совхоз, где становился долиной с высокими, округло-волнистыми склонами, и все поля по правую и левую сторону долины были наклонены к ней, к ней сбегала вода в половодье, и все овраги петляли к этой долине. Здесь был выкопан прудок небольшой (всю долину невозможно было перегородить, чтоб устроить настоящую запруду), и стояла совхозная мельница, которая работала на тракторном моторе.

Так была устроена наша земля. И было на ней нескучно.

— Из оврагов, к центру ближе, — шепчет Шура то же, про что думаю и я, — там можно и лопатой.

Я сразу представила нашу лопату с черенком, отполированным ладонями до желтоватого костяного цвета, до лаковой скользкости. На черенке кем-то выжжены слова: «Труд облагораживает». Такой лопатой хорошо, удобно копать.

— Спрашиваешь!

— Потом знаешь, что будет? Построят нам большую школу, и у нас будет пионерский отряд!

— А возле мельницы, — говорит Шурка, — сделают плотину доверху, и у нас будет река, или большое озеро, или целое море. Во, купаться-то!

— А может, и на самолетах будем кататься. Ну, прокатят нас немножко...

Мы уже не раскладываем «чечки», сидим на завалинке, глядим в небо, даже и не в небо, а в какую-то колышущуюся, текучую, теплую пустоту-высоту, исходящую голубым, дымным, нежным... Тополевые ветки застыли, млеют в этой голубизне.

До земли, до тепла уже недалеко. Особенно здесь, на припеке, на завалинке. Нужно еще прожить сколько-то дней: пока стает снег, пройдет по оврагам водой, вгрызаясь в землю, роя глину; пока подсохнет все и зазеленеет. Пока мы сможем выйти с лопатами к центру Земли.

Как хорошо весною жить.
Мы идем, разговариваем...

Заиграй-овраги!

Мы всегда любили это время: заиграй-овражки. Когда снег, тот самый, что «живет-молчит», теперь, умирая, ревет. Он ревет, удирая от весны. Он идет, течет по каждой низинке, по каждому на глаз-то и незаметному склону, шевелится у вас на глазах мускулистыми гибкими хребтами ручейков и ручьищ; сверкает живым небом в закрытых низинках-озерах и копытных следах-провалах, на размягших, зернистых, желто-коричневых дорогах. Все это время, пока бурлит половодье, живешь в таком ликовании, будто без передышки смотришь кино «Чапаев», когда показывают, как мчится наша победная конница, сметая врага! А уж нынешняя весна и вовсе удивительная: она должна открыть нам новую землю, не просто землю — целый сундук сокровищ! Наверное, были той весной и пасмурные дни, но помнится только солнце. Оно не просто идет по небу, оно бешено крутится вокруг невидимой оси, как с силой запущенная юла: оно крутится, издавая тонкий, неумолчный звон, и от этого-то бешеного вращения, от высокого этого звона и играют вешние воды, набирают скорость потоки, и заливаются, подражая солнцу, все пичуги — и зимовальщики — воробьи и синицы — и начинающие прибывать из-за морей.

Бабушка послала меня на пекарню за закваской для теста.

— Даня, — строго наказывала она мне, — смотри не лезь в овраги, провалишься, утонешь. Иди по мосту. Да поскорей, — добавила она свою вечную присказку.

— Ладно, есть, бабуся! — заорала я изо всей силы и отдала бабушке честь. — Я мигом!

— Ишь, совсем ошалела девка от весны! — притворяясь сердитой, прикрикнула бабушка и подтолкнула меня к двери.

Я бежала бегом до самого моста, и ноги несли меня так ловко, что я ни разу не провалилась на рыхлой дороге, хотя вся она была испещрена темнеющими водой провалами. Я лишь успевала почувствовать, как оседает снег под ступней, а меня уже подхватывала упругая сила: вторая моя верная нога касалась дороги, и этого было достаточно, чтобы тело оставалось легким, парящим до следующего касания ноги о землю. Глаза зорко смотрели и ни разу не ошиблись, выбирая, куда ступить. Одним духом я была на мосту. Здесь уже доски вытаяли — твердо, надежно.

Мост через пологую летом травянистую ложбину делил наш совхоз на две неравные части — конторскую, меньшую, и клубную, бóльшую (там и пекарня была). Под мостом ложбина обрывалась отвесной стенкой, порогом, и ниже начинался тот овраг, из которого мы брали воду.

Конечно же, я остановилась на мосту поглядеть и послушать водопад, хлеставший через порог. Было здорово смотреть, как поток воды, скрученный из узловатых, бугристых струй, переваливает через бревенчатую стенку, которой укрепили обрыв, чтоб овраг не рос дальше. Об эту стенку, об округлость верхнего бревна вода как бы разглаживалась, вниз падало уже гладкое, выпукло изогнувшееся, прозрачно-коричневое полотно. Из-за своей гладкости оно казалось неподвижным, застывшим. Только какая-нибудь щепка или палка, попавшая в поток, обнаруживали скорость, с какой рушилась вниз вода. А то бы и не понять, что это там внизу, под мостом, взбивает воду в грязно-желтую, крутую пену, рождает грохочущий рев, отчего весь мост дрожит, как живой. Я стояла, полуповиснув на перилах, до тех пор, пока мне не начало казаться, что и я вместе с водой лечу вниз, вниз, вниз и в то же время я все на месте, все на месте. Это было удивительное ощущение. Наверное, так чувствует себя парящая птица.

— Даша! — раздалось у меня за спиной. Я вздрогнула даже.

— Ой, ты, Шурка, я чуть вниз не свалилась! Ты куда?

— Я Андрюшку ищу. Провалился куда-то... А ты?

Я сказала, и мы пошли вместе. Не все ли равно, где искать Андрюшку? Может, он как раз там, у пекарни. Мы постучали в окошко — оно и зимой не заделывалось наглухо, и тетка Бану, Бану-апа, как ее все звали в совхозе, распахнула створки, обрушив на нас теплое, вкусное облако хлебного запаха.

Бану-апа была розовая, распаренная. Казалось, это от нее веяло теплом.

— Что надо, кызымлар? — спросила она, нахмурив черные широкие брови. — А-а, пирогов хотите! Это ладно!

Она дала закваски заодно и Шурке, а еще — вот радость, и как она догадалась, чего нам хочется? — отмахнула по горбушке свежего хлеба, такой горячей, что пальцы жгло.

Нет ничего вкуснее горячего ржаного хлеба, который ешь на снежной улице. Мы ели свои горбушки, зажмурившись, причмокивая, чтобы всем языком, всем ртом запомнить надольше и хрустящую, твердую корочку и рыхлый, парной мякиш, до скользкости разжеванный, так что в полную меру освобождается его и кисловатый и одновременно сладимый, дивный вкус.

Спасибо же тебе, Бану-апа!

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Выше, дальше, быстрее

В 1933 году, когда в СССР впервые отмечался День Воздушного Флота, особый интерес на празднике-параде вызвал пятимоторный самолет-гигант «АНТ-14» А. Н. Туполева. На его левом борту была гордая надпись «ПРАВДА».

Самолет развивал скорость до двухсот километров в час и поднимался до высоты в три километра.

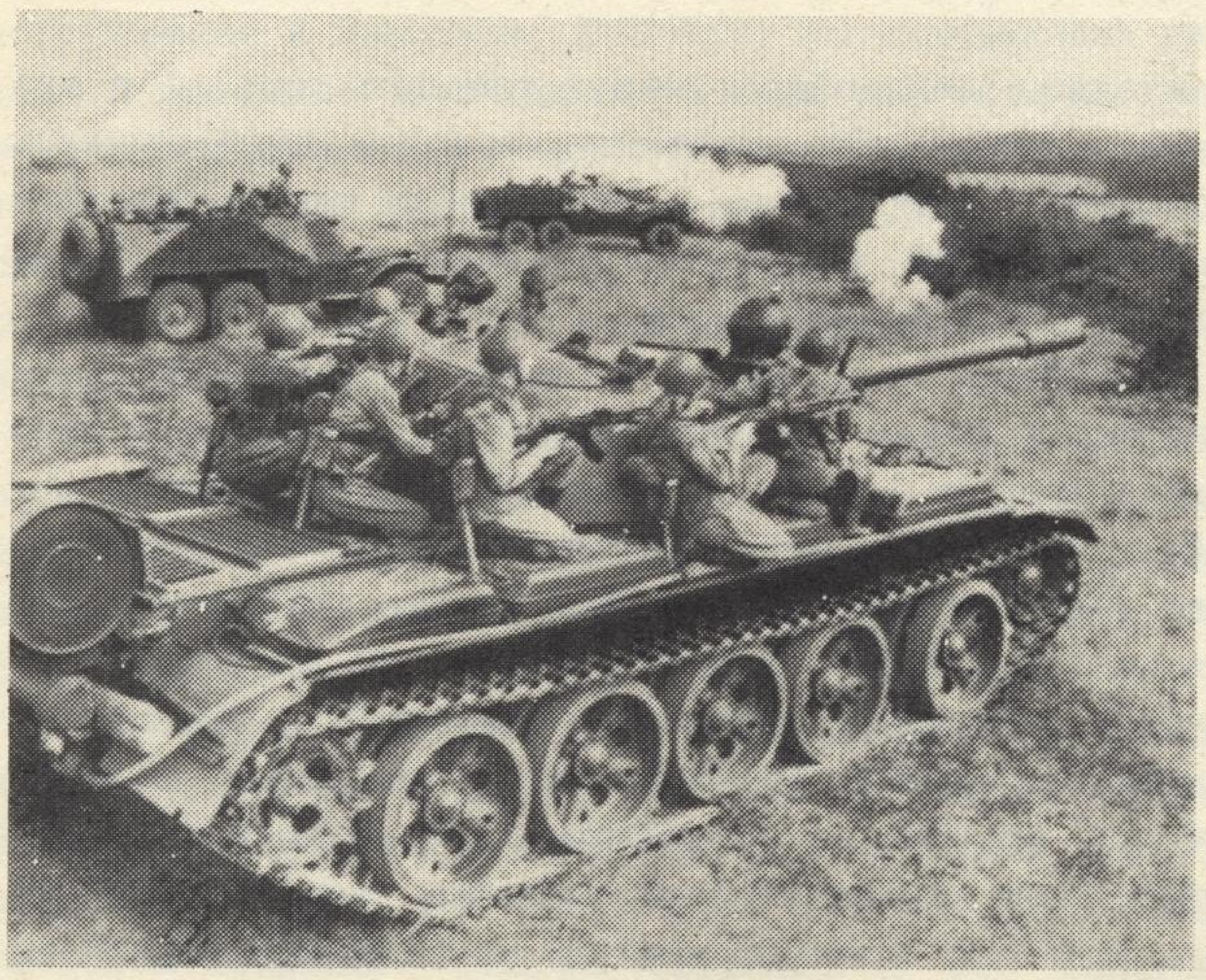
Сорок лет спустя, весной нынешнего года, летчик-испытатель Герой Советского Союза А. В. Федотов на самолете «Е-266», созданном в конструкторском бюро имени А. И. Микояна, прошел сто километров по замкнутому маршруту со скоростью, превышающей две тысячи шестьсот километров в час. Финиш мирового рекорда был на высоте в двадцать километров. Еще раньше, в 1967 году, заслуженный летчик-испытатель поднял тот же самолет на высоту без малого тридцать километров.

Сравните скорость полета: 200 и 2 600 километров в час, высота — 3 и 30 километров! В этих цифрах виден фантастический рост авиации в нашей стране.

Велика любовь наших ребят к авиации. Более полутора тысяч школьников приняли участие в викторине, посвященной 50-летию Аэрофлота («Пионер» № 2, 1973 г.). Письма пришли со всех концов страны. Ответы одних уместились на страничке из школьной тетради, другие прислали в редакцию целые альбомы. Большинство участников викторины хорошо разбираются в самолетах, поэтому определить победителей викторины было нелегко. Жюри присудило призы тем, кто рассказал о самолетах наиболее полно и интересно.

ПЕРВЫЙ ПРИЗ — КНИГУ «ДЕНЬ АВИАЦИИ» С АВТОГРАФОМ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗАСЛУЖЕННОГО ПИЛОТА СССР И. И. РЫШКОВА — **Гие Аргун** из города Сухуми; **Сергею Винокурову** из поселка Ярково, Новосибирской области; **Алле Григорьевой** из города Балхаш; **А. Демину** из поселка Большеречье, Омской области; **Любе Забродиной** из Иркутска; **Сергею Конькову** из Североморска; **Жене Лепехо** из Чернигова; **Валере Лисову** из Юрги; **Игорю Сеничеву** из Калуги; **Игорю Стрижкову** из Владимирской области; **Сергею Полуторадневу** из города Ленинска в Казахстане.

Двадцать два участника викторины награждаются наборами открыток, буклетами и плакатами Аэрофлота.



С. ИВАНОВ

ТАНКИ УЧАТСЯ

Ночь. Сентябрь. Тишина. И вдруг: «Тревога!» Завыла сирена, в казарме загорелись огни, прожектора ударили брандспойтами света. Ночь пугливо разбежалась по углам.

Хлопают двери — бегут, бегут танкисты, на ходу защелкивая ремни, плотнее надвигая шлемы.

Спешат танкисты. Но нет в их спешке и капли неразберихи. Каждый знает до мельчайшей детали свой маневр. Вот подбежали к боксам, где стоят танки. Один отмыкает замок, другой уже распахивает тяжелую дверь, третий закрепляет ее специальным крюком, чтоб

Правый фланг будет прорван!

Вот она, знаменитая танковая атака в линию.

Фотографии Г. КУЛИЧЕНКО.

не закрылась, когда не надо... Быстро-быстро летят секунды, но ни одна из них не пропала даром для бойца, что встал по тревоге.

Распахнуты двери боксов. В ярком свете ламп видны какие-то тяжелые продолговатые холмы. Это танки. Сейчас они как бы спят богатырским сном, со снайперски пристрелянными орудиями, чуткими и могучими моторами. Эти чудо-машины—броневой щит нашей страны.

Но вот: «По машинам!» И тотчас бойцы на своих местах, закрыты люки. В наушниках слышен голос командира подразделения офицера Серегина. Задание: двигаться колонной до пункта Эн, а затем развернуться в боевой порядок и атаковать «противника». Полетела вперед грозная стальная колонна. Только земля дрожит!

До места боевых действий несколько десятков километров. Нашей колонне танков, чтобы преодолеть это расстояние, понадобится минут тридцать пять. А в это время к пункту Эн, занятому «врагом», приближалась еще одна боевая группа — в поддержку нашей танковой колонне. Чтобы увидеть ее, мы перенесемся на берег моря, к устью большой реки.

Итак, берег моря, место пустынное, светает. Над морем серая дымка. Скрыто, почти бесшумно, из тумана этого выходят, словно вытаивают, танкодесантные корабли — один, второй. Они пришли сюда тоже по тревоге. Открываются специальные створы. И наружу выглядывает знакомая башня танка. Стой! Да ведь здесь глубина приличная: танку, как говорится, с ручками, с головкой. Однако машина смело сползает в воду. Всплеск, брызги — и широченный тяжелый танк... спокойно, хотя и тяжеловесно немного, покачивается на воде. Работает закон Архимеда, не подводит! «На тело,

погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила...» и так далее и так далее! А танк уже включил два водометных двигателя и довольно-таки расторопно плывет к берегу. Вот выбрался на сушу — будто отряхивается. Вода с него в три ручья. А внутри ни капли! Это специальный, плавающий танк, каждая щелка задраивается герметически.

Специальность плавающего танка — морской десант, разведка. Отличные ходовые качества, достаточно прочная броня, хорошее вооружение позволяют ему дерзко решать в тылу врага самые сложные задачи, связанные с внезапностью и риском.

Вот и на этот раз основная часть десанта двинулась к пункту Эн, чтобы скрыто зайти «противнику» в тыл. Ею командует офицер Стрельцов. А несколько машин отправились вдоль по берегу реки искать брода для танковой колонны офицера Серегина. И вот Серегин получает известие: место для переправы найдено, азимут такой-то. Через несколько минут его танки вышли на берег реки.

Широка она была и тиха в этот утренний час. До другого берега метров четыреста. Известна и глубина брода — до четырех метров. Как же быть? Эти танки ведь не умеют плавать!

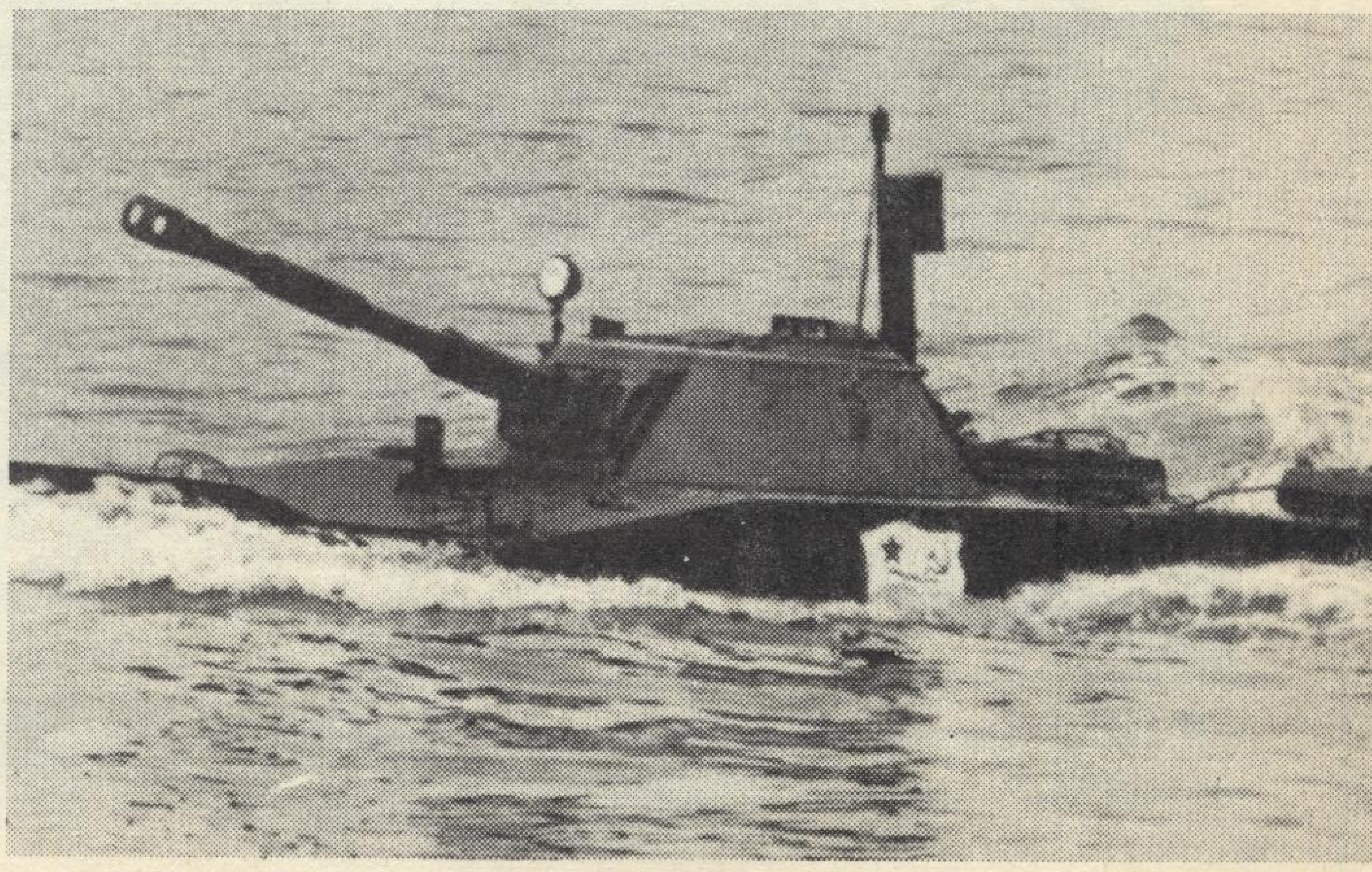
Ну и пусть не умеют. Зато они могут ползти по дну. И танкисты уже начали готовиться к переправе. Зачехлены водонепроницаемой пленкой орудия, надежно задраены люки и щели. Над танком встала довольно нелепая на вид труба. Прямо не танк, а бронированный самовар получился.

Одна за одной машины уходят под воду. Теперь видны только темные пеньки труб. Да еще река бурлит от выхлопов, словно ее налили газировкой.

«Танковая колонна успешно преодолела водную преграду» (так будет сказано потом в донесении). Но погодите, а если бы вдруг... если б в одном из танков, скажем, мотор отказал?

Танковый десант в тылу врага.

Танки умеют плавать!



— Товарищ командир, мотор заглох! — послышался в шлемофоне тревожный голос водителя. Попробовали запустить — не выходит!..

Делать нечего, командир танка доложил о случившемся начальнику колонны.

— Затопить танк и выйти из него! — был твердый ответ Серегина.

Четыре метра воды. Едва откроешь люк — вода обрушится на тебя, собьет, отбросит. Успеешь ли вырваться? А ведь ты не один. Четверо в танке!

Однако спокойствие. Здесь нет новичков. И не раз уже попадали танкисты в такие передряги... на занятиях, конечно. И не один десяток танков «затапливали» и прошли по дну специального бассейна не одну сотню метров!..

— Надеть противогазы!

Нет, это не обычный противогаз, хотя и маска и гофрированная трубка вроде обычные. Однако сам аппарат куда совершенней: в нем, не боясь, ты можешь и в отравленной атмосфере дышать и под воду спускаться! Вот экипаж надел противогазы... Дыхание? Норма! Командир отворачивает специальный люк. Танк постепенно заполняется водой. Ну вот, теперь не опасно. Можно открыть основной люк. Один за другим, как медленные торпеды, выныривают из глубины танка люди...

Вынырнули на поверхность — с берега к ним уже спешит надувная лодка.

Закончена переправа. Теперь до пункта Эн рукою подать. Приходит приказ: одной половине колонны развернутым строем атаковать «врага», другой оставаться здесь до особого распоряжения.

В атаку, в атаку! Развернутым строем, мощной лавиной. Так для танков удобнее: и фронт наступления шире, и маневренность больше, и труднее подбить машину вражеским пушкам. Стремителен был удар, «враг» отброшен, откатился на новые рубежи и держит упорную оборону.

В эти как раз минуты боя над танками, что оставались пока в резерве, застрекотал вертолет. Уверенно отыскал он командирскую машину. Офицер Серегин вскочил на башню, тянет руку за пакетом. Здесь дополнительная карта и письменный приказ. Кое-какие сведения и радио доверять не стоит!

Приказ немногословен: выйти на левый фланг, подобрать пехотный десант и вместе с бронемашинами, что скрыто пробрались туда, атаковать «врага». Все вроде бы ясно. Но глянул командир на карту — головой покачал: чтобы противнику в левый фланг ударить, такие надо холмы преодолеть, такие уклоны! Однако советский танк — машина что надо. Карабкается на крутые подъемы, как заправский альпинист. Да еще в тяжелых доспехах, с полным комплектом боеприпасов.

Бегут танки по холмам. А вот и бронемашины, вот и пехота. Сбавлен ход — десантники на броню. Есть внезапный удар! А с тыла атакуют «противника» плавающие танки офицера Стрельцова. И дрогнул «враг», побежал. Еще одно сражение выиграли наши танкисты — серьезное учебное сражение.

Не спеша, деловито урча, возвращаются танки домой. Идут аккуратно, след в след по старой колее: лишнюю траву зазря не потопчут, кусты, молодые деревья стороной объедут. Земля-то своя, родная — ее беречь надо...

Танки умеют по горам лазить!

№ БОЕВОЙ ЛИСТОК 5

ЖДЕМ УКАЗАНИЙ:

С ЧЕГО НАЧАТЬ? —

СПРАШИВАЮТ РЕБЯТА ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА.

ПРОЧТИТЕ ЭТИ ДОНЕСЕНИЯ ВСЕ, КТО НЕ ЗНАЕТ С ЧЕГО НАЧАТЬ, КАК БЫТЬ И ЧТО ДЕЛАТЬ

Второй год мы помогаем книжному магазину распространять книги и шефствуем над городским памятником «Гайдар и дети». Теперь мы решили собрать материал о наших мамах и папах — тимуровцах прошлых лет.

Тимуровцы 5 класса «А» 16-й школы г. Щелково.

Наша команда называется ЮВИС. А расшифровывается это так: Юра, Вова, Ира, Света. В саду возле нашего дома мы посадили двадцать кустов сирени. Но это только начало... Салют Гайдару!

г. Киев, улица Ушинского, дом 5, кв. 36.

Мы собрали 431 килограмм макулатуры. Заработанные деньги пойдут в городскую пионерскую копилку. Когда будет достаточно, в нашем городе поставят памятник Гайдару. Еще мы будем участвовать в закладке аллеи Чука и Гека.

Тимуровский отряд 4-го класса 9-й школы г. Стерлитамака.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

...Пусть у нас нет тайного дела, как у Тимура и его команды, но мы думаем, это не главное. Главное — приносить людям пользу, быть нужными Родине и народу. И все, что делаешь, делать не ради славы, а ради жизни на земле.

Свердловская обл., пос. Восточный, средняя школа № 1, отряд «Тимуровец».

...В день рождения Гайдара был объявлен тимуровский рейд «Радость людям». Разведка заранее узнала, где нужны сильные и ловкие руки, и каждый отряд старался сделать побольше хороших и добрых дел.

г. Свердловск, школа № 113, штаб Тимура.

ПЯТОЕ ЗАДАНИЕ

Пойдите в группы продленного дня: как там живется малышам? Научите их делать уроки, прочитайте интересные книги, покажите веселые игры, песни, танцы. Помогите первоклассникам полюбить школу, стать настоящими хозяевами в ней.

ОТРЯД • ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

СЧИТАЮ СВОИМ ТОВАРИЩЕМ

Я целый месяц болел и отстал в учебе. Особенно трудно было с алгеброй. Я получил несколько двоек подряд, а исправить их не нашлось сил. Позовут ребята на улицу, я все бросаю...

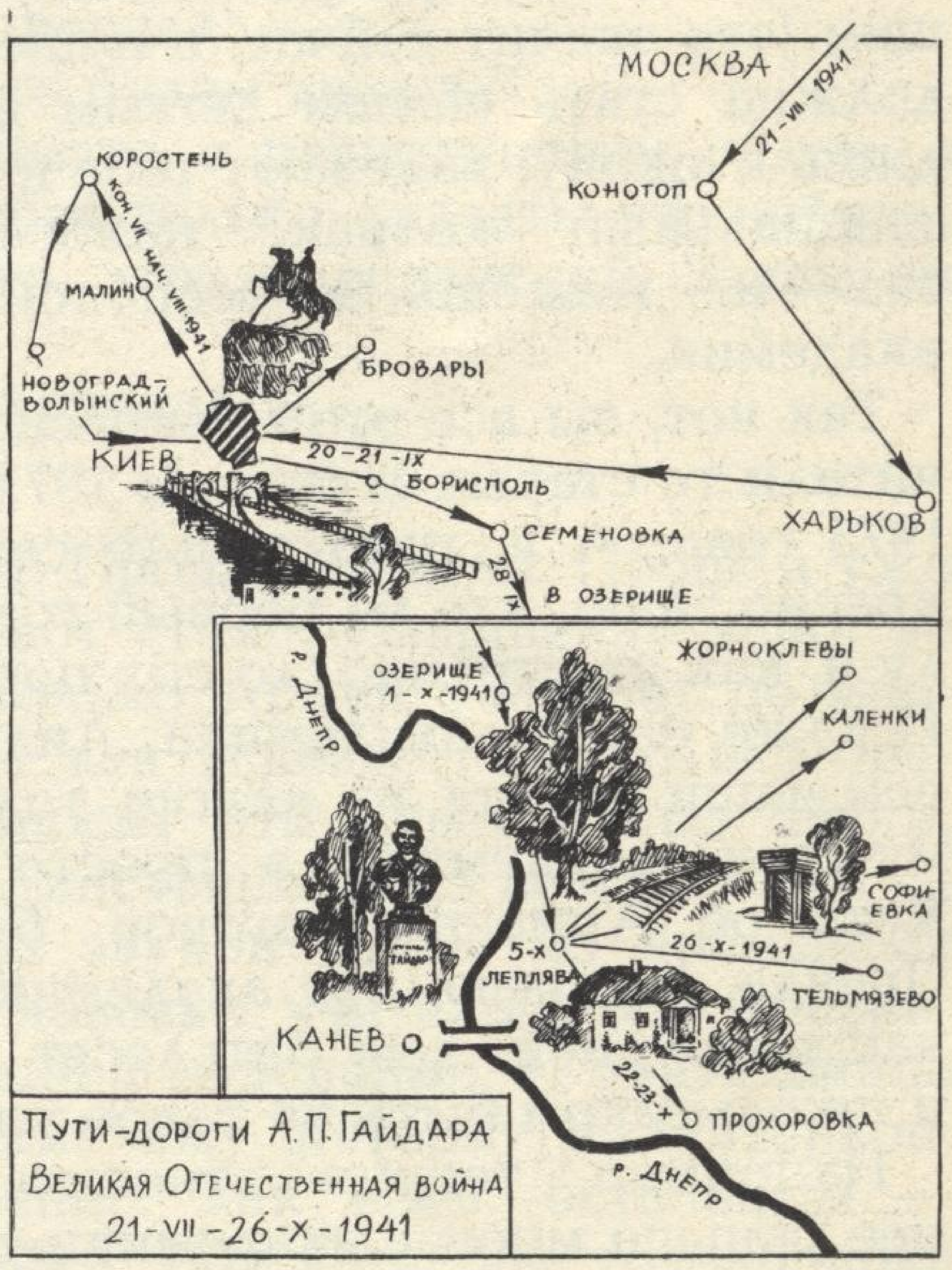
В это время мне попалась книга А. П. Гайдара «Школа». Она мне понравилась. Я стал читать другие книги Гайдара, прочитал, как он работал над своими произведениями, и мне стало стыдно за свое безволие, за двойки. Я стал оставаться после уроков, дома занимался допоздна. Друзья звали меня, но я не выходил, твердо решил закалить свой характер и избавиться от двоек.

Скоро в классном журнале у меня появились тройки, а потом и четверки. А. П. Гайдара я мысленно считаю теперь своим товарищем.

Миша Алеев, г. Бор, Горьковская обл.

НАЙДИ • ЭТИ • КНИГИ

Путеводитель «Пути-дороги А. П. Гайдара» (В годы революции и Великой Отечественной войны) опубликован в виде приложения к книге А. Аренштейн «Комсомолка Оля и декабрист Раевский» (Рассказы о красных следопытах). «Молодая гвардия», Москва. 1972.



Вот карта-схема, которая поможет выбрать маршрут твоему тимуровскому отряду.

Карен СИМОНЯН

МАР-СИ-АН-СКИЙ ЯЗЫК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунки Ю. ФОМЕНКО.

Может быть, вам попадалась старинная научная фантастика или научно-популярные журналы, выходившие лет так пятьдесят назад. Если приходилось их читать, то вы, конечно, прекрасно знаете, что в будущем (это значит сейчас, в наше время) учеба должна стать самым легким делом. Приходишь в школу, надевают тебе на голову такой специальный колпак, нажимают кнопку, раз — и... можешь не беспокоиться: ты уже академик.

Так вот, вы все это прекрасно знаете, если читали те старые журналы 1972 или, скажем, 1975 года. А я, представьте себе, тоже прекрасно знаю, что не первый год хожу в школу и, как ни странно, до сих пор не академик. И даже не пол-академика. Лилит и Армен и все наши ребята из класса тоже пока почему-то не академики, а просто школьники... Хотя об Армене разговор будет особый. Правда, я думаю, что академиком стать сейчас потрудней, чем пятьдесят лет назад, да и школьником быть не такое уж легкое дело.

Например, теория относительности. Про нее раньше многие академики-то не слыхали. А нам приходится ее учить!

Или вот марсианский язык. Пятьдесят лет назад про него знать не знали... Да что пять-

десят лет — еще в прошлом году в программе его не было. Верней, был, но для желающих, а желающих-то и не было, по крайней мере в нашем классе. Все еще удивлялись: почему это?

А первого сентября мы узнали, что марсианский теперь — обязательный предмет. И все сразу стало ясно: та же теория относительности показалась нам задачкой из первого класса рядом с новым предметом.

Введение, общетеоретическую часть и сжатый исторический обзор мы прослушали с интересом. К сожалению, на это ушло не больше десяти минут первого урока... Но когда мы поняли, что ни один человек в классе не способен правильно произнести марсианское «а», мы спешно созвали Чрезвычайный совет около раздевалки.

Ну, а чем кончается в таких случаях наш Чрезвычайный совет? Большинство говорит:

— Учили мы раньше теорию относительности? Не учили. А теперь учим. И ничего. А кой-кто и так скажет:

— Учили мы раньше теорию относительности? Нет. Не учили. И теперь не учим. И — ничего...

Когда вопрос о марсианском языке был исчерпан таким вот образом и все удалились, мы остались втроем: Лилит, Армен и я. Мы посмотрели друг на друга, и Лилит спросила:

— Мы-то как будем?!

Дело в том, что мы трое не могли так вот, с чистой душой, сказать про себя «мы не учим» или, наоборот, «мы учим». Учиться-то мы учились, но всегда старались выучивать как можно меньше. Если так можно выразиться, старались не стараться. Сил и времени это отнимает, между прочим, ой-ой-ой... Больше, наверно, чем у самых старательных отличников. Не одни мы, я думаю, такие, просто мы это про себя знаем — дружим мы давно, и секретов друг от друга у нас нет. Потому Лилит и спросила:

— Мы-то что будем делать?!.

Армен засвистел с равнодушным видом, а я сказал, чтобы только сказать что-нибудь:

— Да ну его, этот марсианский. Зачем он нужен?

Тем дело и кончилось...

Прошли дни. Прошли недели. Прошли уже и месяцы. И вот стало совершенно ясно: во всем классе только Армен успевает по марсианскому. Да как успевает! Не только правильно произносит эти невероятные звуки, не только — единственный из всего класса — складывает из звуков слова, но временами начинает беседовать с учительницей! Уверенно, как настоящий марсианин. И учительница уверенно ставит ему пятерку за пятеркой. Так же уверенно, как всем остальным — двойки и тройки. Вот четверок только пока что ни у кого не было.

И в один прекрасный день мы с Лилит загнали Армена в угол — и в переносном и в

самом прямом смысле слова. Загнали и не выпускаем.

А между прочим, Армен опаздывал на матч по авиаболу.

— Хоть опоздаю, хоть совсем не попаду, но билет не отдам, поняли? — прошипел он.

— Билет свой можешь оставить себе,— сказал я сквозь зубы.— Поговорим о марсианском!

Армен понял, что дело нешуточное, и стал прикидываться.

— По-марсиански? — переспросил он.— Но вы же все равно не поймете...

— И свои марсианские способности тоже оставь себе,— перебил я.— Оставь и держи крепче, а то отнимем!

— Крепче держи, Арменчик,— подтвердила Лилит.

— Зубришь, да? — страшным голосом спросил я.

— Папа познакомил Арменчика с марсианской ЭВМ,— предположила Лилит.

— Да нет, просто ему на голову надели колпак и нажали кнопку,— издевался я.

— Арменчику достали волшебные таблетки мудрости. Он пьет по полтаблетки три раза в день после еды...

— И по стаканчику живой воды утром и на ночь, перед сном...

Мы уже чувствовали, что зарапортовались. Главное, мы сами не знали, чего, собственно, хотим от бедного Армена, который ошеломленно смотрел то на меня, то на Лилит. Ну, допустим, он зубрит, наше-то какое дело? Ну, предположим, занимается с репетитором — опять-таки нам-то что?..

Однако Армен вдруг неожиданно сник, словно чего-то испугался, и забормотал, запинаясь:

— Ребята, ну что вы... Я же не для чего-нибудь... Я же не хотел... Не думал даже... Раз так вышло... Я и вам могу дать...

— Чего-чего? — перебил, не понимая, я.— Что ты можешь дать?

— Ну, таблетки...

— Та-бле-тки?..— переспросили мы с Лилит в один голос, как будто «таблетки» было марсианское слово.

Армен чуть не плакал:

— Ну, мне дедушка дал... Ну, честное же слово!.. Вы знаете моего дедушку, да? Ну и вот!.. Что ж, вы не понимаете, что ли?!.

Дедушку Армена мы, конечно, знали. Его все знают — он настоящий академик, знаменитый биопсихолог. Но дальше-то что? Некоторое время мы все трое растерянно смотрели друг на дружку. Первой, как обычно, нашлась Лилит:

— Арменчик, пойдем в наш скверик, давай по порядку, хорошо?..

И мы с Арменом, забывшим про свой авиабол, пошли в сквер наискосок от школы и сели на скамейку. На ней мы в свободное время и на большой перемене всегда списываем друг у друга домашние задания. Если говорить честно, списываем чаще всего у Армена. Реже всего — у меня. Но это неважно. Гораздо важней то, что Армен нам рассказал!

Всего, что Армен рассказал, я пересказать не сумею. Понимаете, Армену рассказал его дедушка. Дедушка — академик, Армен не академик, и Армен не все понял. Армен и сам так говорит. Дальше Армен рассказал это все нам с Лилит. Армен не академик, а я даже не Армен, и из того, что рассказал Армен, я тоже не все понял. Я не знаю, академик вы или не академик, но боюсь, что если я еще теперь возьмусь вам все снова рассказывать, вы совсем ничего не поймете. Лучше уж рассказывать я ничего не буду, а скажу совсем коротко.

Есть, оказывается, такая специальная наука — мнемология. Пятьдесят лет назад даже и слова такого не было, хоть слово это и не марсианское, а не то греческое, не то латинское. Значит, оно — наука о памяти. Но вот что интересно: слова не было, а наука о памяти, оказывается, как раз тогда и начиналась лет пятьдесят — шестьдесят назад.

Именно тогда — не помню точно, где-то в начале второй половины XX века — ученые проделали один опыт. Сначала взяли морского червя, планарию, и научили его отличать свет от темноты. Потом отрезали у этого обученного червя хвост — а хвост у него, если отрезать, всегда вырастает новый — и дали этот хвост обученного червя съесть другому, необученному. И необученный червь, который раньше и светлого от темного отличить не мог, когда съел кусочек обученного червяка, стал такой же умный, как тот, которого он съел! Тоже стал понимать разницу между светом и темнотой, как будто его самого этому учили.

— В общем,— говорил Армен голосом дедушки-академика,— память — это информация. Информация может быть закодирована в молекулах белка. А молекула белка в наши дни легко может быть синтезирована...

— Оййй!!! — вдруг взвизгнула Лилит, да так, что мы все подскочили, а Армен осекся на полуслове.

— Ой, Армен, ты что же, значит, ешь этих... этих... (Лилит никак не могла выговорить слово «червей»).

Армен удивился, потом засмеялся, потом обиделся.

— Еще чего?.. Зачем мне их есть? Что я, свет от темноты не отличу?

Что верно, то верно. Свет от темноты Армен отличает, как никто. После девяти вечера с ним за уроки лучше не садиться — Армен отключается, клюет носом, и на следующий день списывать задание нам с Лилит не у кого.

— И правда, надо же, как я не сообразила.— Лилит уже вошла в норму.— Арменчик ведь у нас такой успевающий, такой умный, куда умней самого умного червяка. Правда, Арменчик?

— Уж насчет света и темноты Армен разбирается. Ученье — свет, неученье — тьма,— поддержал я.— Короче, Армену есть никого не надо. А вот Армена бы кусочек попробовать!.. И хоть сейчас в марсианскую школу поступай. Лилит, как ты считаешь?

— И правда, мальчики,— спохватилась Лилит,— все это интересно, только ты давай лучше, Арменчик, прямо про самое-самое интересное, хорошо?..

И Армен рассказал про самое-самое интересное.

Оказывается, таблетки мудрости уже есть. Называются они, конечно, не таблетки мудрости, а по-другому, вернее, пока еще никак не называются. Их только недавно изобрели в институте мнемотехнических проблем, в общем, в том институте, где работает дедушка Армена.

Но главное, таблетки такие есть, и Армену дали («доверили»,— сказал Армен) испытать, как они действуют. «Доверили» Армену десять таблеток, четыре он уже съел («Уже слопал!..»—огорчилась Лилит. «Уже испытал!»— объяснил Армен). Таблетки не противные, но это, в общем, неважно — в месяц принимают всего две штуки, потом перерыв, потом опять можно принимать. Армен честно признался, что он не первый испытывает такие таблетки.

— Только дедушка сказал,— тут Армен слегка понизил голос,— дедушка сказал так: «Имей в виду, Армен, что наш с тобой опыт будет иметь особую специфику!» Я спрашивал: «Какую особую?» А дедушка смеется: «Потом узнаешь...» А специфика эта бывает разная... Я в словаре смотрел. А дедушка сейчас на Юпитере... Вы что думаете, я жадный стал, да? Специфика...

Армен хотел еще что-то сказать, но только махнул рукой.

— Где они, таблетки эти? — спросил я.

— Дома...

Мы с Лилит немножко подумали и решили, что если мы съедим по три оставшиеся («Испытаем»,— не забыла поправить Лилит), это для всех будет только лучше — и для Армена, и для дедушки, и для специфики.

— Арменчик, мы просто должны помочь вам с дедушкой провести опыт, понимаешь? — втолковывала Лилит. Армен только кивал головой.

— Слушай, а как они будут действовать?— спросил я Армена на другой день, когда он вручал мне мои таблетки.

— Вообще-то дедушка мне не стал рассказывать. Он говорит: «Сам узнаешь».

— Ну и что?

— Ну и ничего! Откроешь марсианский, посмотришь, полистаешь, и у тебя такое чувство, как будто ты все это знал раньше, только чуть забыл, а теперь сразу вспомнил, понимаешь?

— Понимаешь, понимаешь...— передразнил я Армена,— один ты у нас все понимаешь. В свое время мы продолжим наш разговор на марсианском, коллега!

(Еще вчера я придумал, что скажу так Армену. Жаль только, что мы разговаривали с глазу на глаз, без Лилит.)

Шло время — недели и даже месяцы, а марсианский подвигался туго. Я раскрывал учебник, листал, упорно перелистывал, просматривал, закрывал, опять открывал, но ни разу не было у меня такого чувства, что я все это знал раньше, а теперь сразу вспомнил. Кончилось это контрольной, а контрольная кончилась плохо... Я перестал просматривать, стал прочитывать. Кое-что начало получаться, я обрадовался, но быстро сообразил: то же самое было и раньше без всяких таблеток. Стало обидно. Дело, как говорит мой папа, пошло уже на принцип. Я засел за учебник, принялся заучивать наизусть — словом, стал зубрить. Все время уходило на этот марсианский!

Дошло до того, что я залез в учебник математической лингвистики для старших классов, выписал и даже сам составил кое-какие уравнения и схемы структурных связей марсианского языка. Вывел даже две формулы (полторы, как сказала наша математичка: ей отдала мои таблицы «марсианка»).

У самой «марсианки» по языку я после всех трудов получил только четверку, так что за полугодие выходила типичная «крепкая тройка».

У Лилит дела были не лучше. Она призналась мне, что с горя даже написала большую повесть про нашу школу и про марсианский язык, пока сидела за учебником.

С Арменом, естественно, мы опять поссорились. Лилит сказала, что он дал нам, наверно, обыкновенный амидопирин. На это Армен страшно обиделся и заявил, что есть такие люди, которым не впрок ни волшебные таблетки, ни даже живая вода и которых, стало быть, спасет один только колпак да кнопка! С Юпитера прибывал дедушка Армена, и мы решили, что Армен ему все расскажет.

В понедельник на нашей скамейке должен был состояться крупный разговор. Но тут с бухты-барахты меня вдруг погнали на математическую олимпиаду. Сроду со мной такого не случалось, четверочки по алгебре мне всегда вот как хватало. Я сначала не поверил, потом хотел отказаться, разговор затянулся, в общем, когда я прибежал к скамейке, Лилит с Арменом давным-давно уже были там. И вид у них...

Это меня и удивило: вид у них был самый веселый. Оба вскочили мне навстречу.

— Ну, говорил ты деду?! — С ходу, не отдышавшись, накинулся я на Армена.

— Говорил!..— Армен прямо сиял.

— А он что?

— Смеется!..

— ?..

— Арменчик, можно я ему скажу? — перебила Лилит.— Ашот, ты ничего за собой не замечаешь? Ну, необычного чего-нибудь, чего раньше не было?.. Ты подумай, Ашот.

Я пожал плечами:

— Да вроде бы...

— Ну, скажи, что ты делаешь последнее время? — улыбаясь, спросил Армен.

— Только и делаю, что марсианский учу. И она тоже.— Я кивнул на Лилит.

— Так. Ну, а еще-то что-нибудь ты делаешь, учишь?

— Еще?.. Да ты можешь толком сказать?

— Толком?.. Пожалуйста: не учишь ты. Понял? Не у-чишь. Только марсианский. А теперь скажи, отметки у тебя какие?..

И тут до меня дошло. В самом деле! Я же почти не занимался ничем, кроме марсианского. И — ничего! Откроешь учебник, просмотришь — вроде что-то вспомнил, что-то знаешь. Не то чтобы блестяще, но ведь четыре балла — мне больше не надо... Стоп! А математика? Олимпиада?..

— А ты читал, что Лилит написала? Какую повесть! Вещь! Это не я говорю, это дедушка говорит.— Армен на всякий случай отодвинулся от Лилит подальше. Но Лилит не прореагировала, и я так этому удивился, что даже не сразу обиделся: дедушка-то, оказывается, повесть уже читал, а я о ней только слышал.

— Ты лучше расскажи опять все по порядку, Арменчик,— попросила Лилит.

И Армен рассказал. Каких только слов он не произносил! Врожденная предрасположенность... Активная память... Пассивная память... Избирательность... Направление... Стимулирование... Объективное выявление... Эти я запомнил (если не перевираю, конечно), но таких слов было гораздо больше. Я слушал, слушал, потом не выдержал.

— Армен, прости, пожалуйста, ты сам-то все понимаешь, что говоришь?

Но Армен не смутился:

— Дедушка говорит, что настоящий лингвист — это тот, кто правильно употребляет слова, которые не всегда сам понимает! — И Армен как ни в чем не бывало продолжал лекцию.

Оказывается, он, Армен, прирожденный лингвист, то есть ученый-языковед. Поэтому ему нипочем марсианский. Я, по-видимому (это Армен сказал «по-видимому»), по складу ума математик. А Лилит — скорей художественная натура, это всегда сложный случай (Лилит слегка покраснела и отвернулась), а сложную предрасположенность направленно стимулировать особенно трудно.

— Армен, слушай,— взмолился я,— пускай ты лингвист, но я не лингвист. Если я не понимаю слов, я ничего не понимаю. Говори такие слова, которые ты понимаешь и все понимают, ладно?

— Ладно,— сказал Армен и вздохнул.— Я постараюсь.

В общем, выходило, что у любого человека есть способности. И очень-очень большие, «непредставимо большие» — так говорит дедушка Армена.

Но раз так, значит, дело не в таблетках. А в тебе самом. Это ты умный, а не какие-то там дурацкие таблетки. Однако ум твой до поры до времени как бы спрятан, как бы в подполье скрывается. А таблетки-то как раз его и вытаскивают на свет божий...

Вы спросите: а как же быть тем, у кого таких таблеток нету? Я думаю, самому стараться, пробовать, искать — учить все уроки подряд. Глядишь, что-нибудь и проклюнется! И, главное, тут надо помнить: ты не зря стараешься, не впустую, ты свои собственные огромные способности для себя добываешь.

Вот как мы, например, трое: взяли и добыли!.. Что-что вы говорите? Таблетки?

Да в том-то и дело! Нам дедушка Армена потом признался: это были самые простые таблетки, неволшебные.

Амидопирин!

Перевел с армянского В. ВСЕВОЛОДОВ.

Что случилось с нашей планетой? Кто это взял и сдвинул с привычного места материки, да так, что переполошились все обитатели Земли?

Приглашаем тебя принять участие в знаменитой географической игре — игре, позволившей ученым сделать большие открытия...

Планета чудес

А. ГАНГНУС

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Кто не завидовал героям Жюля Верна, открывающим таинственные острова, или великим путешественникам, которые шли по не изведанной еще тогда нашей планете! Сейчас, кажется, все на Земле уже открыто, и чудесные приключения ждут нас только на других планетах...

А между тем никогда еще науки о Земле не переживали таких бурных драматических событий, как сейчас. Чудеса, о которых ты прочтешь на этих страницах, горячо обсуждаются геологами, геофизиками, географами. Одни ученые горячо защищают новые гипотезы, другие — не соглашаются с ними. Многие из этих гипотез еще не вошли ни в школьные, ни даже в институтские учебники!

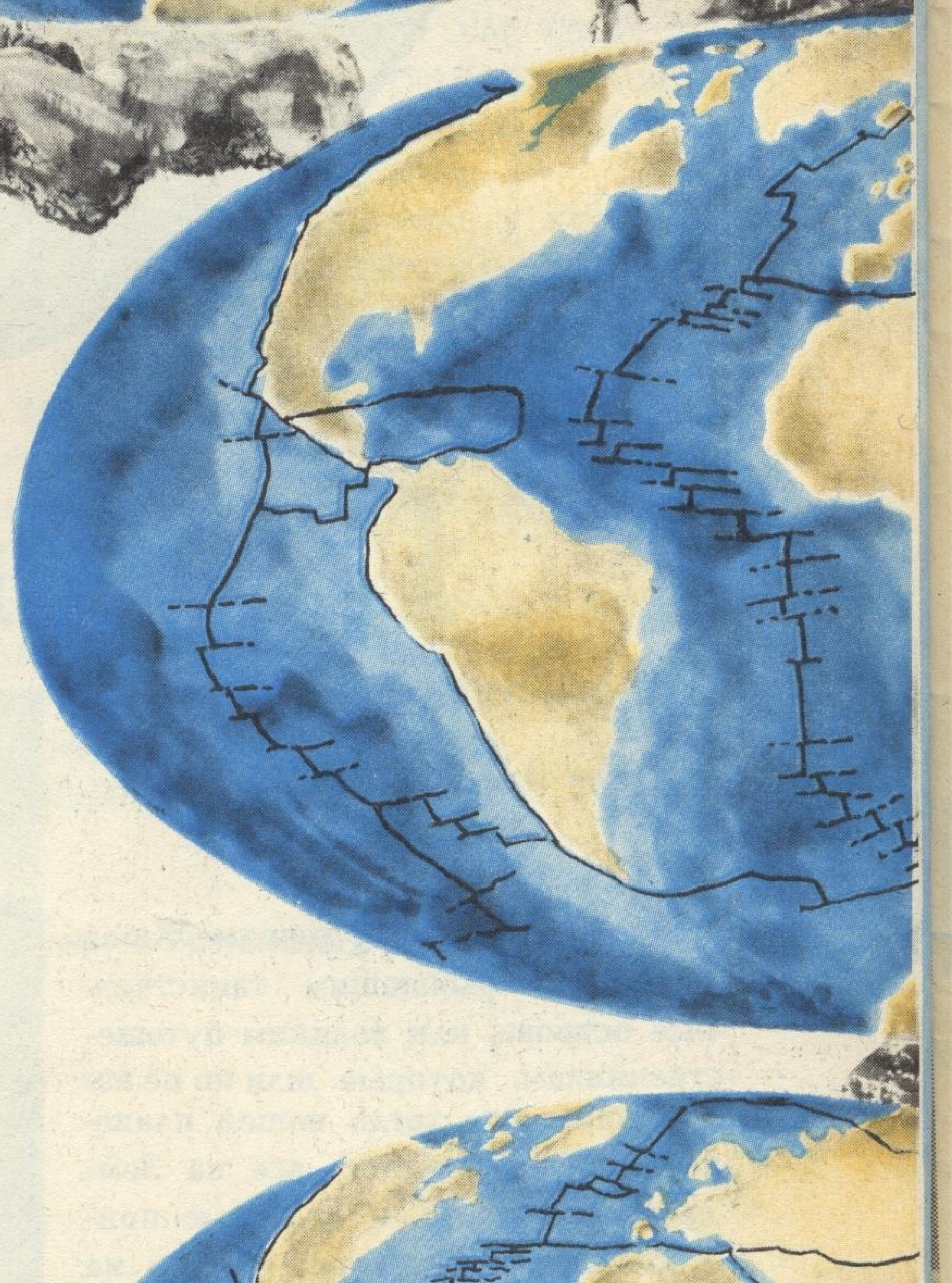
ЧУДО ПЕРВОЕ

Другая география

Нет ли у тебя старой, потрепанной географической карты мира? Такой, чтобы выбросить не жалко? Хорошо. Значит, можно заняться интересной игрой. Вырежем все материки по контуру. Теперь на голубой бумаге — это у нас будет Мировой океан — расположим их по-другому.

Возьмем, например, Африку и сдвинем ее на юг, к самому Южному полюсу. Что получится? Материк, расположенный у полюса, вместо джунглей будет покрыт льдами. Льды на нашей карте покроют и Австралию и Южную Америку, если мы их тоже придвинем к Южному полюсу.

Ну и что ж, скажешь ты, это же только игра. Но вот что стран-



Меняется лик нашей планеты. Нынешние материки — осколки древних континентов Лавразии и Гондваны, которые тоже когда-то составляли единую сушу.

но: геологи давно установили, что триста миллионов лет назад Африку, Южную Америку, Австралию и Индию действительно покрывали мощные льды, такие, как теперь в Антарктиде! А еще раньше, когда льдов не было, животные и растения во всех этих местах водились одни и те же: ящеры и похожие на огромных тритонов земноводные.

Выходит, наша с тобой карта совсем не игра, а действующая модель древней Земли? Вот именно! Шестьдесят лет назад такое предположение сделал отважный полярник, немецкий геофизик Альфред Вегенер. Его небольшая книга «Происхождение материков и океанов» произвела, как говорили, впечатление «разорвавшейся в геологии бомбы».

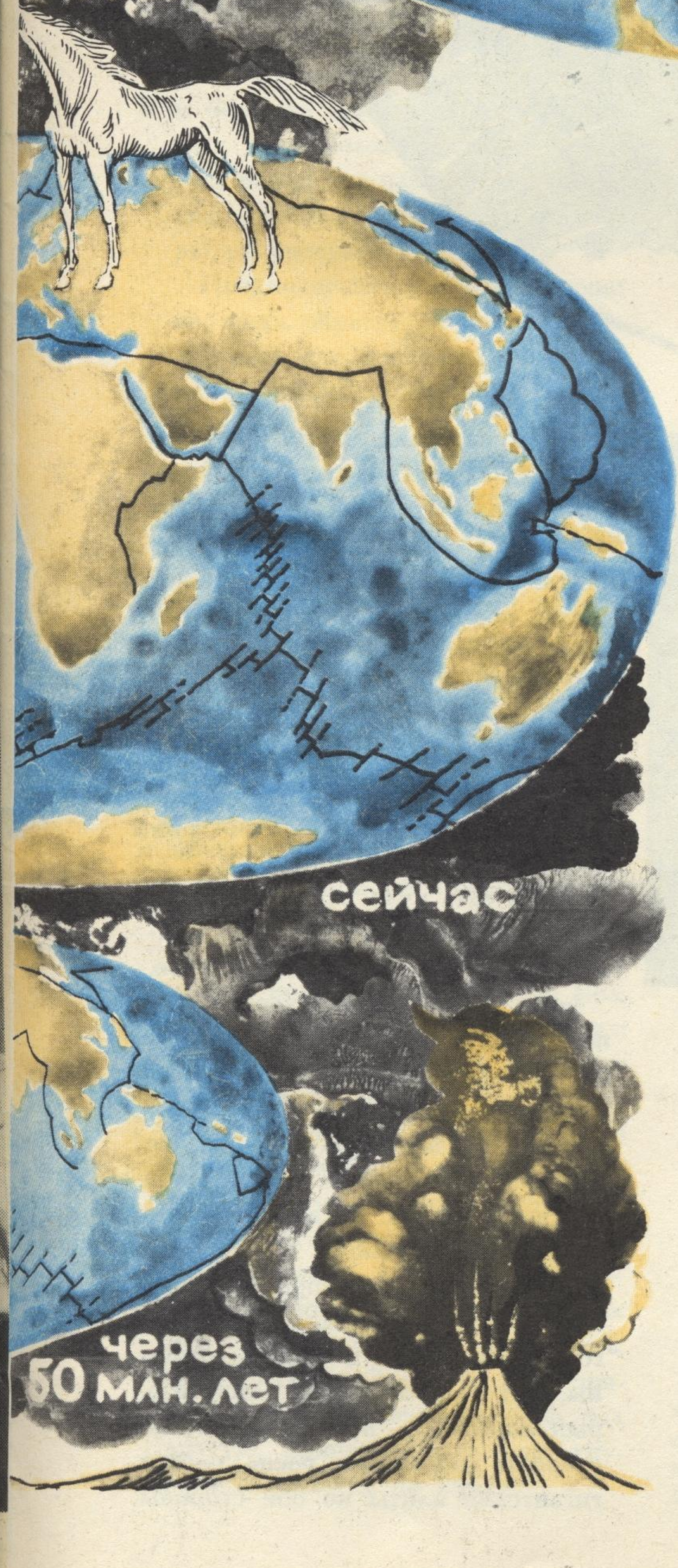
Теперь вслед за Вегенером сделай на своей карте еще несколько открытий. Приложи Африку к Южной Америке. Они соединятся почти без зазоров! Если еще немного поупражняться и особенно если двигать вырезанные материки не на плоской карте, а на глобусе, тебе, может быть, удастся так же ладно пригнать друг к другу и соединить в один все четыре южных материка: Антарктиду, Австралию, Южную Америку и Африку. Между Африкой и Австралией клином войдет Индия. Этот большой материк, существовавший когда-то в южном полушарии, геологи назвали Гондваной. Он раскололся 200 миллионов лет назад, и осколки его поплыли в разные стороны. Особенно далекое плавание совершила Индия. Отколовшись от Гондваны, она переплыла весь Индийский океан и, перейдя в северное полушарие, стала частью Азии.

ЧУДО ВТОРОЕ
Твердое течет

Но после нескольких лет славы гипотеза Вегенера стала вызывать разочарование. Первыми Вегенера опровергли океанологи.

— Смотрите,— говорили они,— мы можем проследить русла рек, уходящих с материков в глубины океанов. Выходит, дно океана — это затопленные материки. А если бы материки были движущимися осколками древнего большого континента и океаны между ними возникли лишь недавно, все выглядело бы иначе. Тогда дно океана должно по строению сильно отличаться от материков.

Черные линии на картах — границы гигантских плит, медленно и неуклонно разносящих материки. Теперь ученые могут предвидеть географию будущего: последняя карта рассказывает о планете завтрашнего дня. Посмотри — Атлантический океан стал еще шире, а Африка раскололась.



Потом Вегенера сурово осудили геофизики.

— У Вегенера материки плавают, как шлак на расплавленной жидкой массе земных недр,— говорили они.— Мы проверили и точно знаем: Земля в целом тверда и упруга, как стальной шар. Она проводит колебания от землетрясений не как жидкое, а как твердое тело. Тогда как же двигаются материки? Твердое по твердому? Этого не может быть!

Это были сильные возражения. Теорию плывущих материков сдали в музей истории геологии.

Шло время.

В последние десятилетия океанологи вооружились хорошей современной техникой. Они вышли в океан исследовать строение земной коры на больших глубинах. Они хотели найти там могучие толщи ила, принесенного с материков за сотни миллионов лет геологической истории.

Результат был ошеломляющим. Вместо километров — метры, а то и сантиметры мягких осадков. Кое-где драги беспомощно царапали голое скальное дно. Значит, у океанов не было сотен миллионов лет геологической истории! Они молодые! Мало того, земная кора под океаном резко отличалась от коры материков. Она была проще по строению, в десять раз тоньше, и, главное, она везде оказалась «свеженькой», гораздо моложе коры материков. А русла рек и хребты протянулись с материка в океан лишь на очень небольшой глубине—100—200 метров...

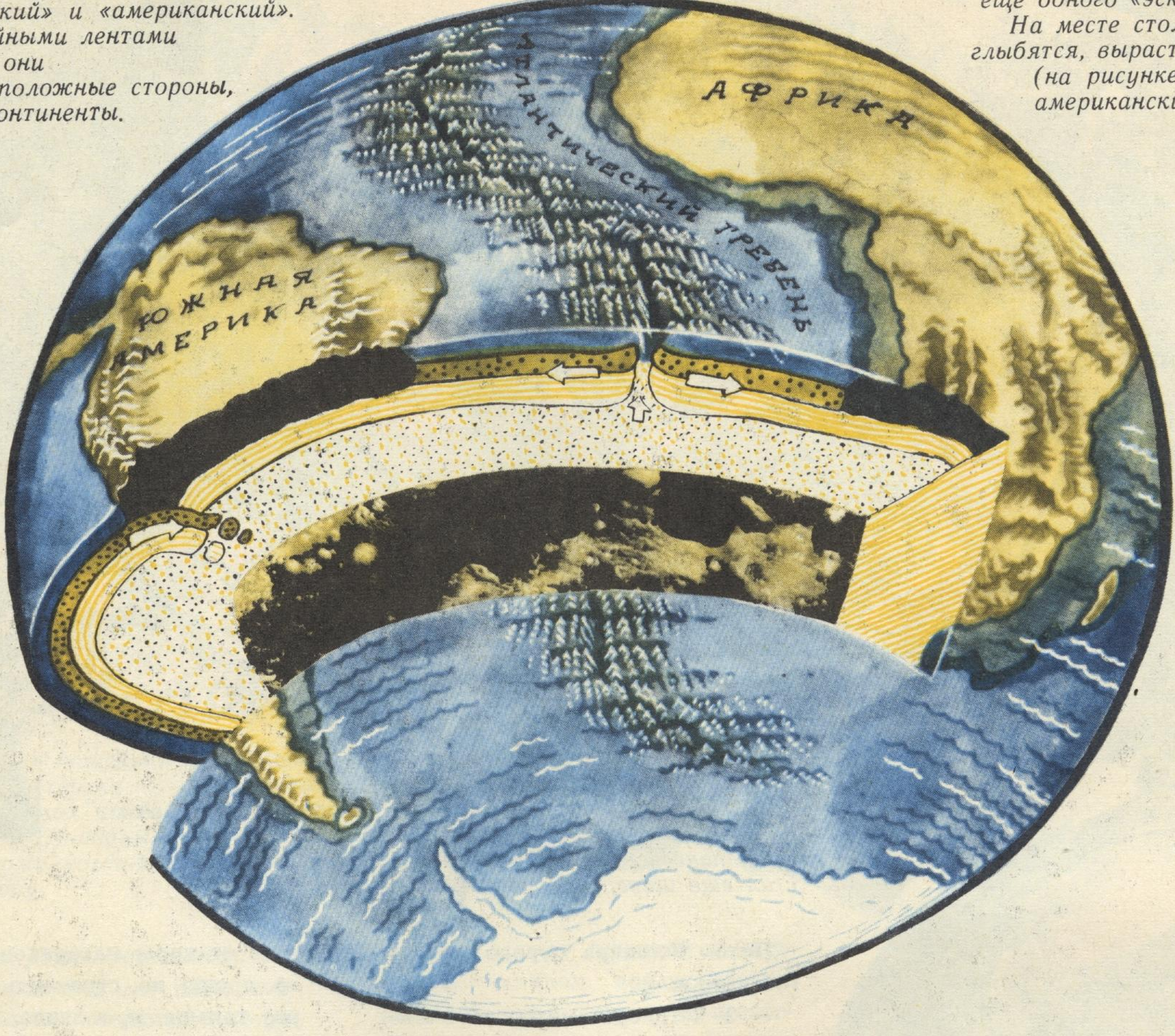
Геофизики спохватились. Они стали проверять свои прежние расчеты. И не зря.

Оказалось, Землю нельзя сравнивать со стальным шаром: уж очень она сложно устроена. Некоторые слои в ее недрах, как выяснилось, вовсе не твердые. Они либо жидкие (например, внешняя часть тяжелого земного ядра), либо вязкие, пластичные. Пластичной, пожалуй, можно считать всю Землю в целом, если... не торопиться!

Это чудо ты тоже можешь увидеть своими глазами. Возьми кусок вара. Он тверд и хрупок. Стукнуть молотком — разобьется. А можно не спешить. Положить пласт вара на край стола, чтобы он свисал над полом. Через несколько дней пластина плавно изогнется и растянется: вар течет. Но если ты надавишь, «поторопишь» вар,— пластина сломается, как хрупкое стекло.

В районе Атлантического хребта выходят на поверхность два «эскалатора» — «африканский» и «американский». Многослойными лентами движутся они в противоположные стороны, разнося континенты.

«Эскалаторы» заворачивают вновь в глубины Земли, столкнувшись со встречной лентой еще одного «эскалатора». На месте столкновения глыбятся, вырастают горы (на рисунке — южно-американские Анды).



Вот как, по мнению ученых, устроены «эскалаторы» нашей планеты — те гигантские плиты, что несут на себе и материки и океаны.

И твердое и жидкое сразу! Примерно так ведут себя и недра Земли, сжатые огромным давлением, разогретые. При быстрых воздействиях (удары землетрясений, упругие волны от взрывов) Земля ведет себя как твердое тело: возникают трещины, разломы. При медленном движении вещество Земли течет, перемешивается. Сантиметры, миллиметры в год. А куда спешить? У планеты в запасе миллиарды лет!

Если же «фильм» по истории Земли прокрутить ускоренно — а это и делают в своем воображении геологи,— вся планета как бы зашевелится. Закипят, заволнуются недра, каменные течения, круговороты обозначатся во всей толще Земли, материки, подхваченные течениями, начнут ломаться, двигаться, сталкиваться. Так, водовороты в весенний паводок влекут, сталкивают, разламывают льдины.

ЧУДО ТРЕТЬЕ
Расширение без расширения

Как видишь, в последнее время ученые узнали много нового, поразительного о нашей Земле. Чтобы объяснить новые факты, геологи и геофизики предлагают смелые, необыкновенно интересные гипотезы!

Вероятно, говорят многие ученые, не материки плывут в океанах, как считал Вегенер, а под ними движутся толстые, стокилометровой толщины плиты. Эти плиты несут на себе и тонкую молодую кору океанов и более толстую старую кору материков.

Откуда и куда движутся плиты? И как они вообще могут двигаться, если, казалось бы, двигаться некуда? Ведь они покрывают всю Землю без зазоров, плотно уложенной мозаикой!

Это и есть чудо нашей планеты. Чтобы ты разобрался в нем, приглашаю тебя на эскалатор метро.

Бесконечная лента тянется из-под пола. Представь себе, что тут же начинается и движется в противоположную сторону второй эскалатор. Представь к тому же, что каждый эскалатор не поднимается лестницей вверх, а так и идет по полу, горизонтально.

Станем на эскалаторы одновременно, ты — на один, я — на другой, и покатимся в разные стороны. Вот так, по новой гипотезе, растекается в противоположные стороны дно океана, расползаются гигантские плиты по обе стороны

от срединных океанических хребтов, обнаруженных во всех океанах в последние годы.

Пока «эскалаторы» не унесли нас слишком далеко друг от друга, представь себе, что ты и я—это материки на расползающихся плитах Атлантического океана. Ты Африка, я Америка. Мы вошли на «эскалаторы», взявшись за руки, мы только что были вместе, единым материком Гондваной. Теперь, через миллионы лет, мы разные материки, мы разошлись далеко в стороны. У тебя складывается своя жизнь, со слонами и бегемотами, у меня своя, с тапирами и ленивцами.

Ученые уже исследовали «эскалаторные ленты»—дно океана—в обе стороны от срединных хребтов. Измерения говорят, что да, в середине, там, где «лента» только что появилась из земных недр, дно океана очень молодое. Чем ближе к берегам, тем оно старше. У самых же берегов возраст каменных пород дна равен возрасту океана — расширившейся за миллионы лет трещины.

Предполагают, что такая трещина, щель, образуется рано или поздно там, где расходятся две плиты. Возникла трещина — родился океан.

Видимо, в каждом океане — своя пара расходящихся плит и каждый океан, стало быть, расширяется. Может быть, тогда и вся Земля расширяется? Да, некоторые ученые так и думают. Но даже если расширение планеты в целом и есть, оно не может быть большим. Куда же тогда девать излишки все время нарождающейся в щели между «эскалаторами» земной поверхности?

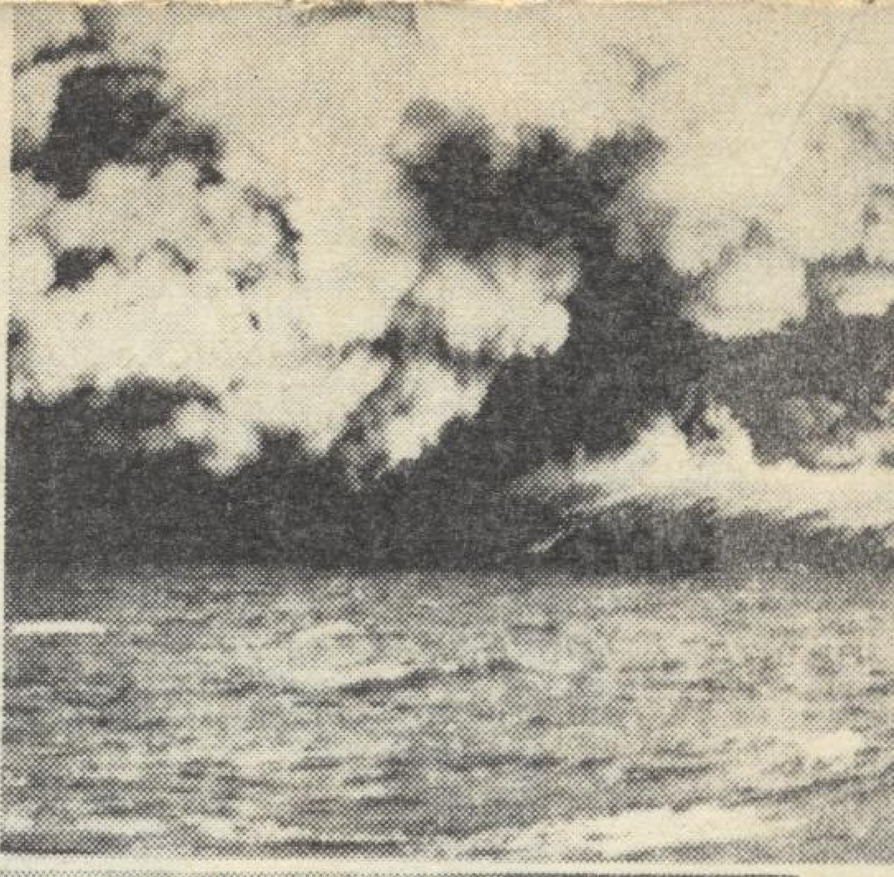
Нам с тобой не придется долго теряться в догадках. «Эскалатор» не бесконечен. Его лента выходит из-под пола и туда же, под пол, уходит. Лента заворачивает вниз! Остается только найти на Земле эти места, подходя к которым плиты изгибаются и уходят снова в недра Земли. Гигантскими поясами окружают они океаны — то в виде горных цепей, то ожерельями вулканических островов. Пересекают материки: Европу и Азию. Это Альпы, Кавказ, Тянь-Шань, Памир, Тибет. Здесь, в этих поясах, плиты подъезжают одна под другую, приподнимают одна другую, сминаются по краям.

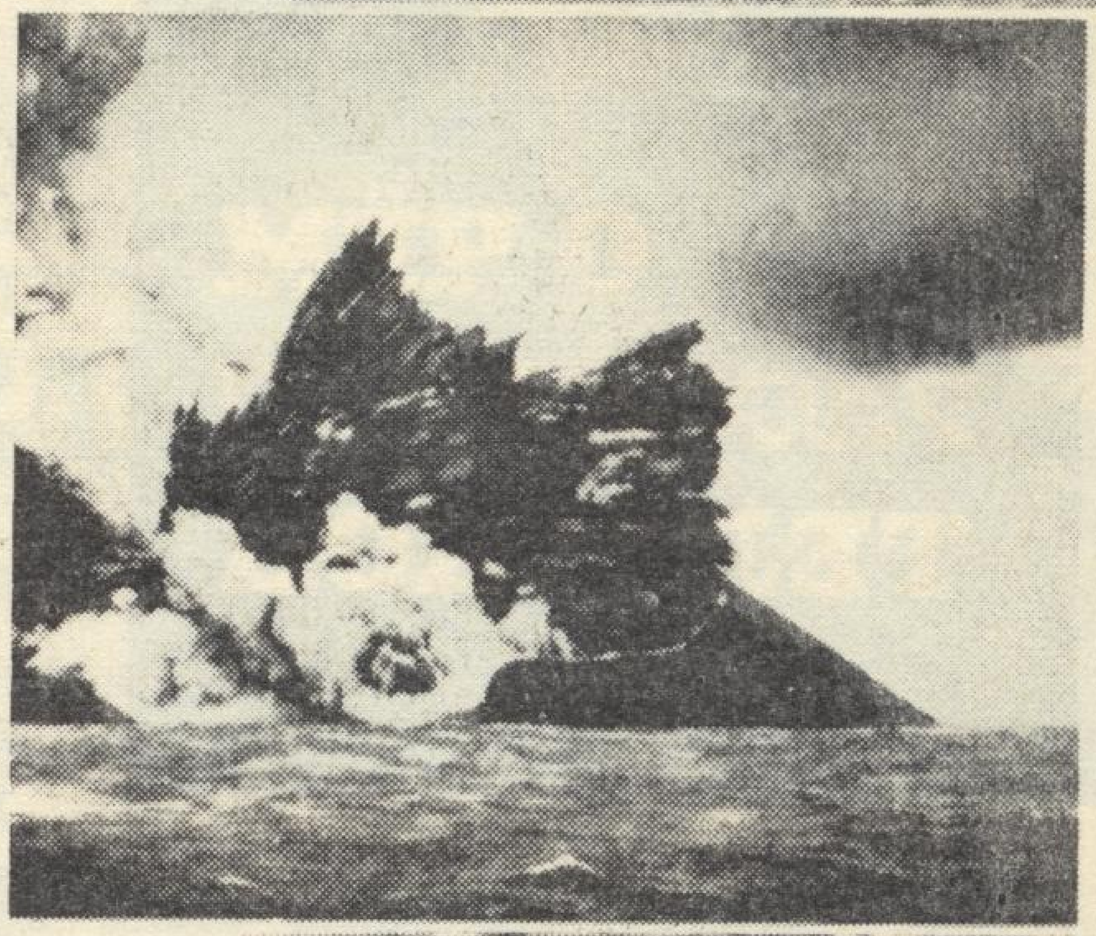
А материки? Их не может завлечь внутрь Земли заворачивающаяся туда лента-плита? Нет! Материки слишком толсты и легки, они не могут ни утонуть в мантии Земли, ни протиснуться туда вместе с лентой «эскалатора». Они всегда остаются наверху. Как пассажиры метро, они могут переходить с «эскалатора» на «эскалатор». Потому-то они и путешествуют, сталкиваются друг с другом, соединяются и через миллионы лет снова дробятся.

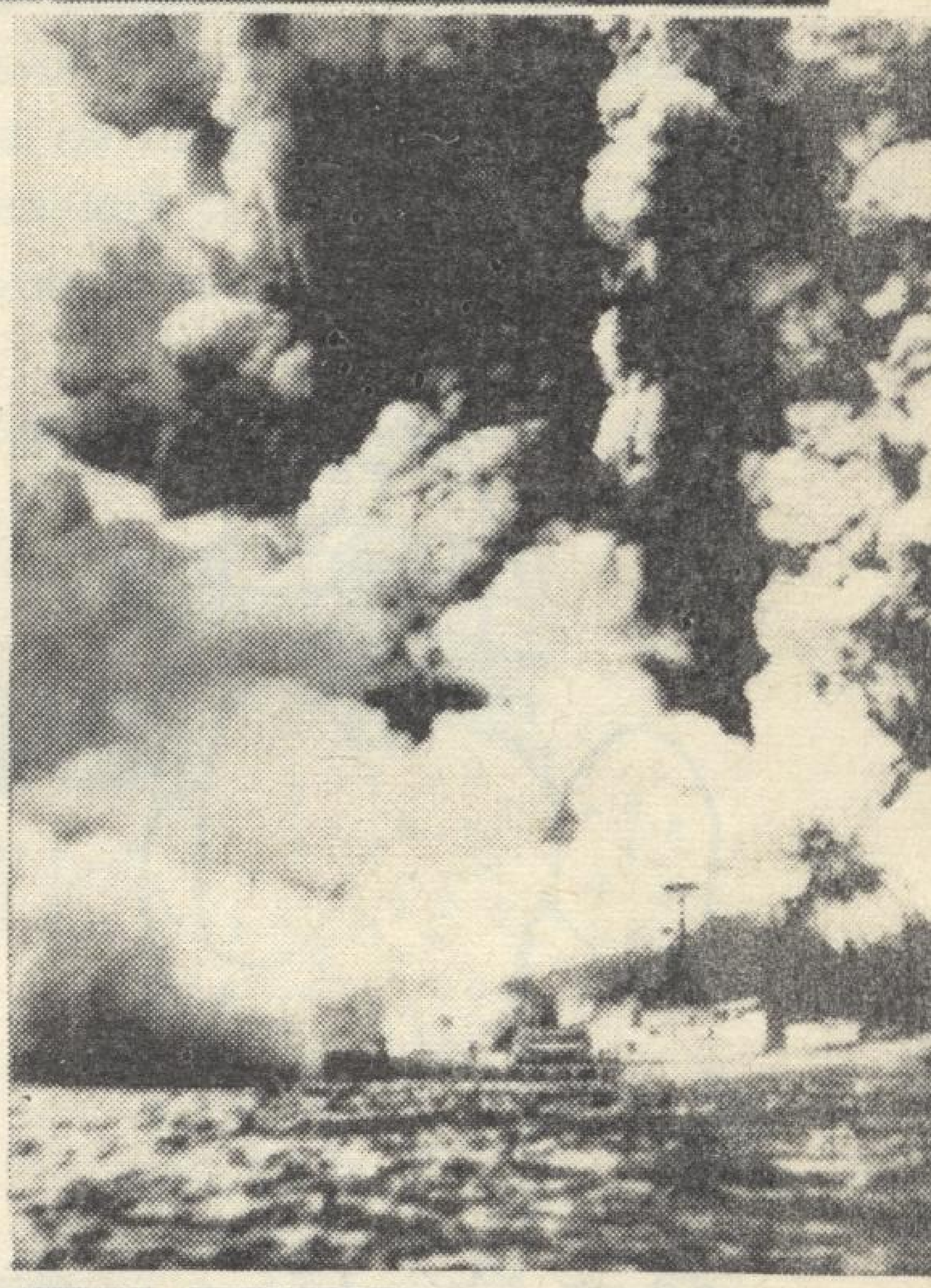
Так было с Гондваной, распавшейся на пять больших кусков. С древним северным материком Лавразией (разыщи его на рисунке). Так много раз было на Земле. Так и будет!

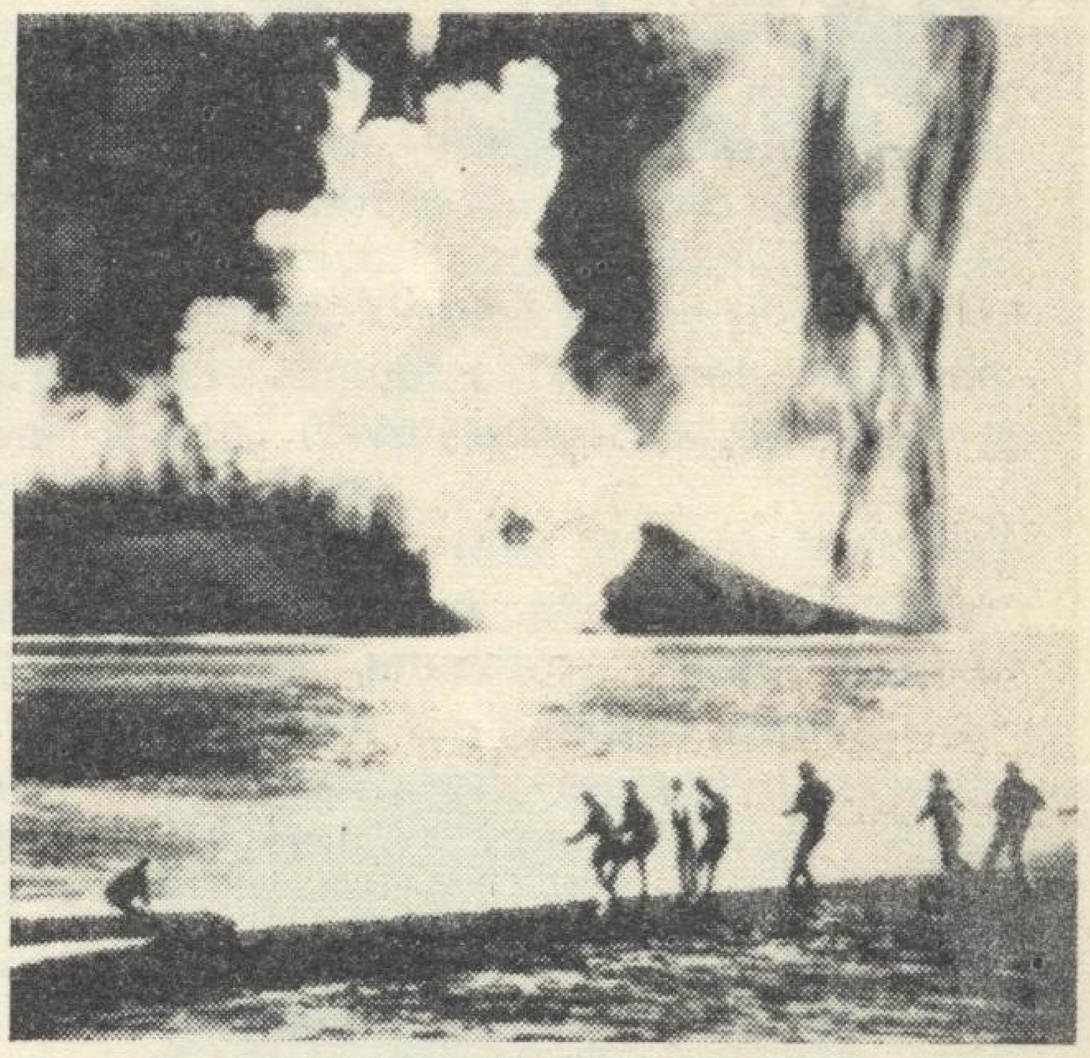
Зная, как движутся плиты, можно предсказывать будущее. Двадцать миллионов лет назад, сравнительно недавно, на Земле появилась новая трещина. Там, где начали движение два новых «эскалатора», образовалась щель — возникло Красное море. Его берега и сейчас расходятся — это установлено измерениями. Возможно, узкое маленькое Красное море — будущий огромный океан. С такой же узкой щели начинался когда-то и Атлантический океан! Америка (особенно Северная), увлекаемая своей плитой, медленно, но верно стремится с «эскалатора» Атлантики перейти на огромный Тихоокеанский «эскалатор», который еще не несет на себе ни одного континента. Если это случится, Америка двинется по Тихоокеанскому «эскалатору» к берегам Азии, к Дальнему Востоку. Древний Тихий океан, и так уже потесненный, тогда, видимо, закроется, самым большим станет Атлантический.

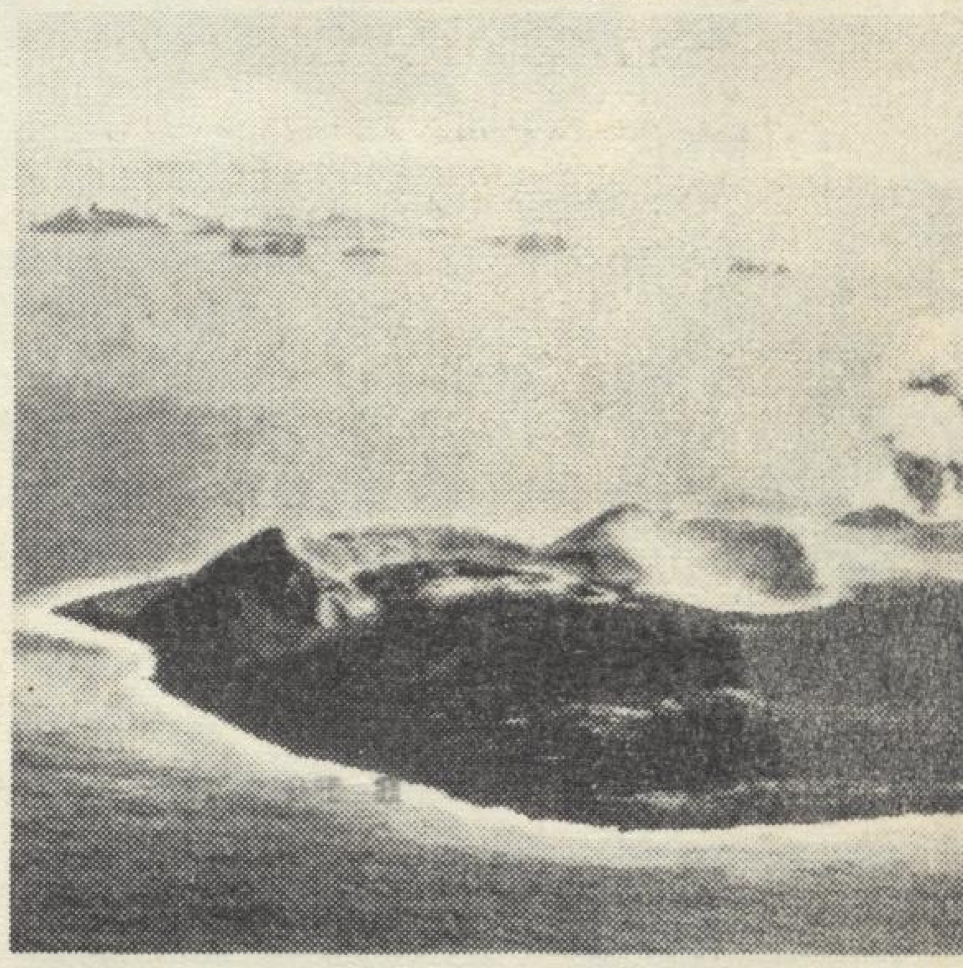
Конечно, во всей этой картине, нарисованной сторонниками одной из самых интересных гипотез, еще много спорного и неясного. Но это и чудесно: значит, продолжается время великих открытчй! И если ты станешь геологом или геофизиком, ты тоже будешь участвовать в открытии нашей удивительной и до сих пор еще во многом загадочной планеты.











Жизнь Земли — не только медленные изменения в течение долгих миллионов лет. Иногда на глазах человека возникают новые острова. На наших снимках — рождение вулканического исландского острова Суртсей в 1963 году.

Государственному издательству «Детская литература», Ордена Трудового Красного Знамени, Лауреату премии Ленинского комсомола,— 40 лет.

Три миллиарда книг

Все вы знаете, что в Москве существует специальное издательство для детей, которое называется «Детская литература». Оно расположено в обыкновенном доме на площади Дзержинского. Издательство это знаменито по нескольким причинам. Во-первых, оно самое большое детское издательство в мире. Во-вторых, оно выпускает увлекательные книги для детей всех возрастов, начиная с самых маленьких. Многие мамы и папы тоже, забросив свои важные дела, с удовольствием читают детские книги.

И все это совсем не странно, потому что всякая осмысленная жизнь связана с книгой. Книга рассказывает нам об удивительных открытиях и мирах, о замечательных людях, она воспитывает в нас высокие и благородные чувства, учит презирать низкие чувства и бороться с ними.

Алексей Максимович Горький неоднократно писал, что он всем лучшим в себе, всеми своими знаниями обязан книгам.

Вот что такое книги!

Александр Сергеевич Пушкин составил перечень своих стихов для детей. Среди них он назвал стихотворение «Бесы». Помните:

«Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!»

Пушкину возразили, что это стихотворение слишком сложное, дети в нем ничего не поймут. Пушкин ответил, что стихи надо принимать сердцем, а не головой.

Великий физик Альберт Эйнштейн как-то признался, что в его открытиях Достоевский больше помог ему, чем все ученые.

Вот что такое литература!

Немного истории.

Говорят, было время — всего лет сорок назад,— когда издательства «Детская литература» не существовало. В это трудно поверить: вы все, и ваши родители, да и некоторые бабушки и дедушки тоже читали книги, выпущенные этим издательством.

Оно было организовано по инициативе Алексея Максимовича Горького, при самом деятельном участии Самуила Яковлевича Маршака. Это было первое в мире издательство для детей.

Поначалу книжки его были скромны: небольшие тиражи, десять — пятнадцать тысяч, не самая лучшая бумага, скромные рисунки.

Но дело было начато!

Теперь тиражи издательства выросли в десять — двадцать и даже в сотни раз — они стали миллионными. За сорок лет для вас издано почти три миллиарда книг.

Вместе с издательством, при самом деятельном его участии росла и советская детская литература.

Если только перечислить знаменитые книги, которые выпустило издательство за сорок лет, то не хватит страниц этого журнала.

...Тихи коридоры издательства, сидят в комнатах строгие редакторы, читают рукописи, смотрят рисунки... Идет напряженная работа.

Когда-то сюда приходил Гайдар, одетый в полувоенный костюм, Маршак и Чуковский, Житков и Бажов, Фраерман и Кассиль. Возвратившись из очередного путешествия, приезжали Паустовский, Бианки, Пришвин. Приходили художники Лебедев,

Васнецов, Чарушин, приносили большие папки, открывали их и показывали свои изумительные рисунки...

И теперь если бы вы захотели познакомиться с авторами ваших любимых книг или с теми, кто иллюстрирует эти книги, то вы всех их могли бы встретить в доме номер один в Малом Черкасском переулке, где помещается Государственное издательство «Детская литература».

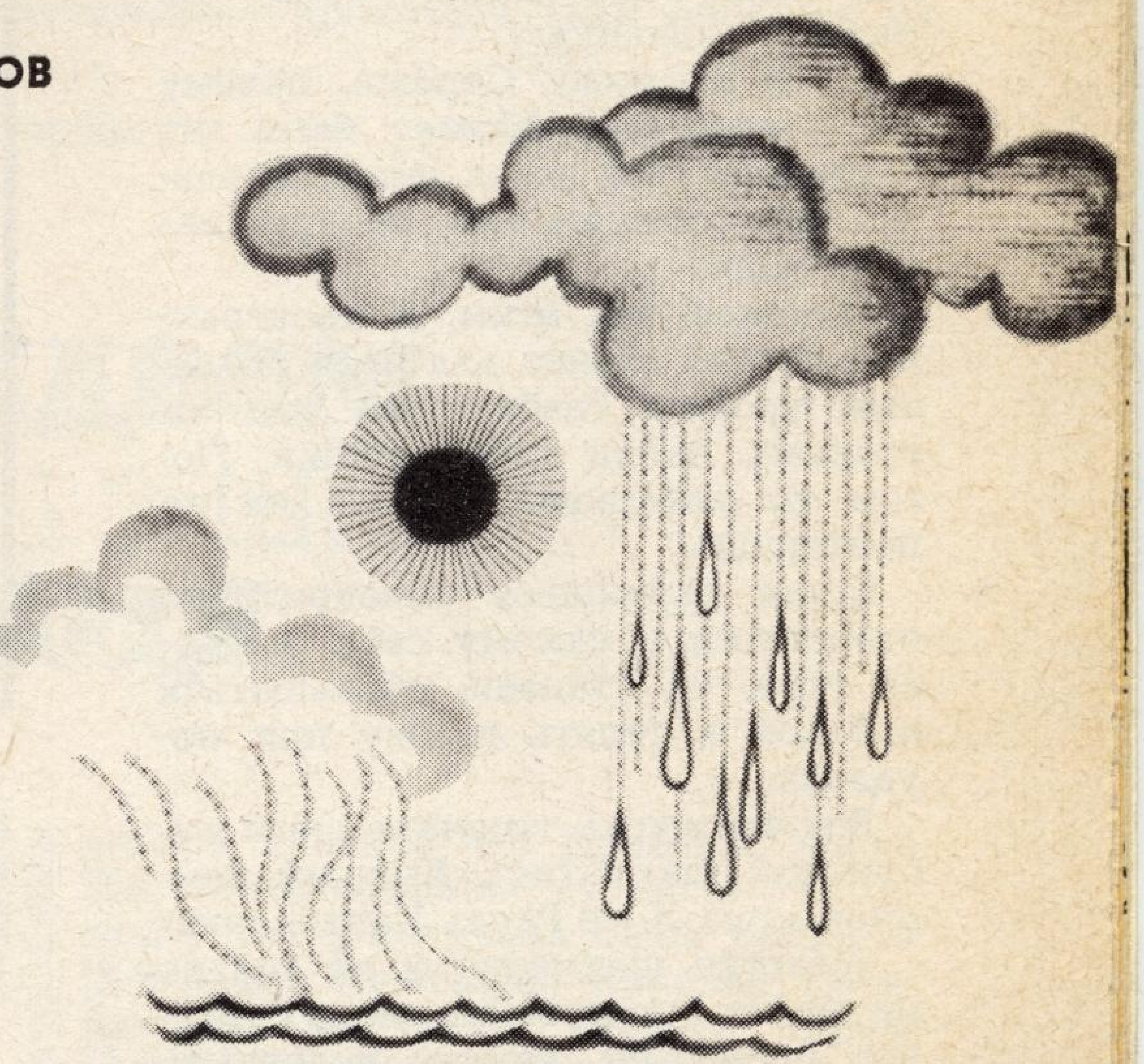
Но есть человек, который помнит все, что происходило в издательстве за все эти сорок лет, который первый держал в руках известные теперь на весь мир книги: «Тимур и его команда», «Доктор Айболит», «Белеет парус одинокий», «Дикая собака Динго», «Кондуит и Швамбрания», «Дядя Степа» и «Два капитана». Человек этот — директор издательства Константин Федотович Пискунов, посвятивший всю свою жизнь литературе для детей.

Да и все, кто работает в этом издательстве, старожилы и новички, отдают все свои силы и способности созданию детской литературы.

Тихи коридоры издательства... Идет напряженная работа. И по-прежнему гостеприимно распахиваются двери перед талантливыми писателями, перед теми, имена которых знает вся страна, и перед теми, которых еще никто не знает. Они приносят в издательство свои новые стихи и повести о нашем бурном, стремительном двадцатом веке.

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ

На все сто тысяч «почему?»



Вот и пролетело лето. Наступил новый учебный год. Новые предметы. Новые учебники. Вы подниметесь еще на одну ступеньку, ведущую в Страну Знаний. У вас возникает множество вопросов, сто тысяч «почему?». Почему солнце летом жарче греет? Будет ли на Земле похолодание и оледенение? Почему море соленое? Сколько видов животных на Земле? Бывают ли бездонные озера? Правда ли, что по растительности можно узнать о залежах нефти? Почему все планеты изображают круглыми? Почему воробей прыгает, а ходить не может? Откуда взялось слово «грамматика»?

На эти и многие другие вопросы вы найдете ответ в книгах, которые вышли в издательстве «Детская литература».

Книга Льва Успенского «Слово о словах» выдержала не одно издание и каждый раз расходилась мгновенно. От нее трудно оторваться — так увлекательно рассказывает автор о языке.

«Занимательная физика», «Занимательная арифметика», «Занимательная механика», «Занимательная геометрия», «Занимательная астрономия», «Живая математика», «Физика на каждом шагу», «Фокусы и развлечения» — эти названия сами говорят за себя. Их автор — Яков Исидорович Перельман, — один из замечательных популяризаторов науки. Недавно вышел сборник «Занимательные задачи и опыты», в него вошли материалы из разных книг Я. И. Перельмана.

И еще несколько книг:

«О чем рассказал телескоп» П. Клушанцева, **«Виновато солнце»** Ф. Зигеля, **«Почему так бывает?»** Марты Гумилевской, **«Планета океан»** М. Поступальской, **«Воздух, которым мы дышим»** Е. Мара, **«Земля под облаками»** Н. Сладкова, **«Единицы, нужные всем»** С. Кордюковой.

Эти книги помогут вам учиться с увлечением, а учение с увлечением — что может быть лучше!

В стране Шаха — владыки черных и белых полей

«НЕ ЛЮБЛЮ ПРОИГРЫВАТЬ!..»

Письмо это пришло из Иркутска. «Был у нас в школе турнир,— пишет шестиклассник Сережа (Сережа просил Пешкина не называть его фамилии),— я тоже записался. Я шахматы люблю. Потом проиграл зевками три партии и перестал ходить на турнир. Ребята со мной поссорились, но я не люблю проигрывать. Научусь играть так, чтобы проигрывать реже, тогда буду участвовать в турнирах. Как ты думаешь, Пешкин, правильно мое решение?»

Ну, что тебе сказать, Сережа? Никто не любит проигрывать.

Но как относиться к своему поражению? Некоторые ребята стараются тотчас забыть о нем, скорее выкинуть из головы. Спросишь у такого любителя, почему он проиграл, и услышишь в ответ: «Голова болела», «Не в настроении был» или просто, как ты пишешь: «Зевнул».

А ты подумал, Сережа, почему ты «прозевал»? Может быть, не случайно? Или играл невнимательно, или спешил, не продумывал свои ходы.

Подумай над этим, и проигранная партия станет для тебя полезным уроком. Разбери ее по косточкам, найди свои ошибки. Потом ты наверняка больше их не повторишь.

Когда научишься самокритично относиться к самому себе, к своей игре, не станешь обольщаться победой и терять голову при неудачах.

Вот что писал замечательный кубинский шахматист, бывший чемпион мира Хосе Рауль Капабланка:

«Многие шахматисты не только не любят проигрывать, но и считают проигрыш чем-то позорным. Это ложный взгляд. Те, кто хочет совершенствоваться, должны смотреть на свои проигрыши, как на уроки, и учиться по ним, чего избегать в будущем».

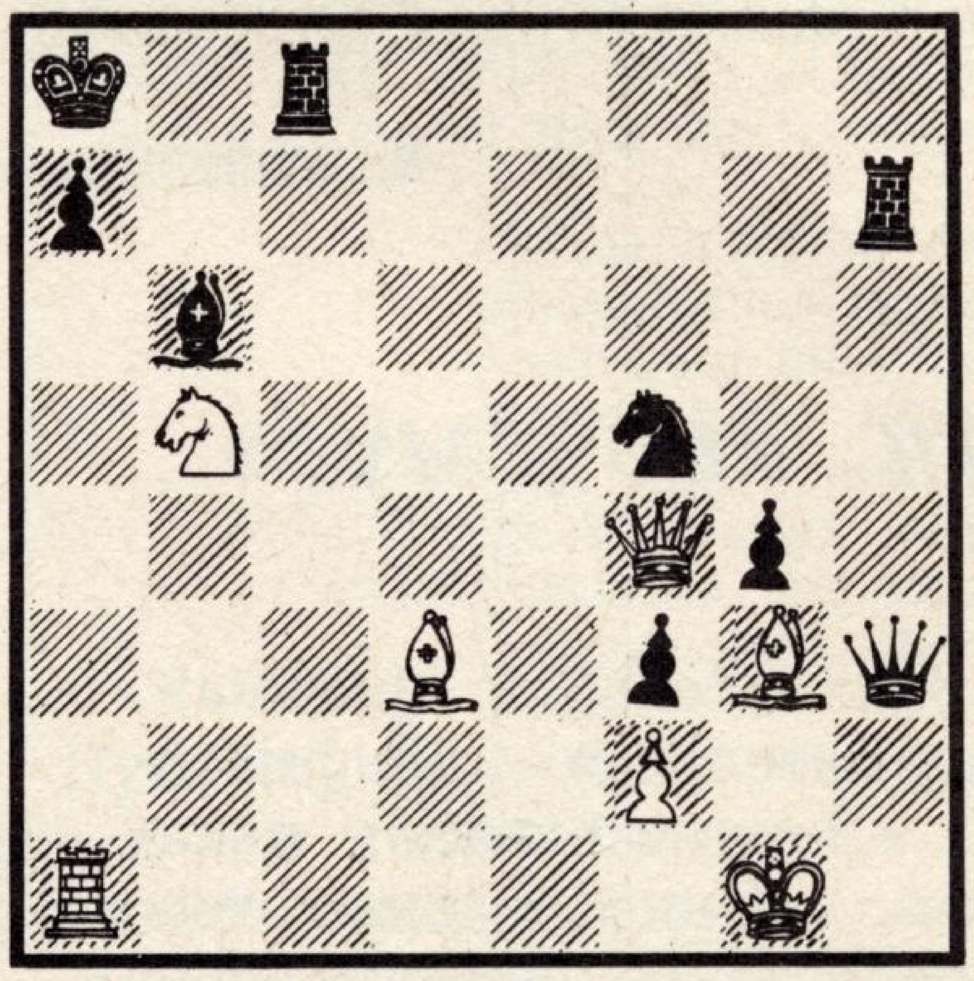
Ты пишешь, Сережа, что любишь шахматы и хочешь научиться хорошо играть. Так имей в виду: турнирная борьба — самая лучшая школа.

Ты напрасно выбыл из турнира. Советуем тебе и всем ребятам обязательно принять участие в соревнованиях клуба «Белая ладья», упорно бороться в каждой партии и не бояться проигрыша.

РАЗОБЛАЧЕННЫЕ СЕКРЕТЫ

Давно это было. В 1737 году в Париже вышла небольшая книга талантливого сирийского мастера Филипа Стаммы под названием «Разоблаченные секреты шахматной игры». В книгу вошло сто остроумных позиций, автор книги хотел показать, как при помощи неожиданных комбинаций можно не только выйти из трудного положения, но и добиться победы.

Вот одна из комбинаций Филипа Стаммы. Называется она «Спасение от угрожающего мата».

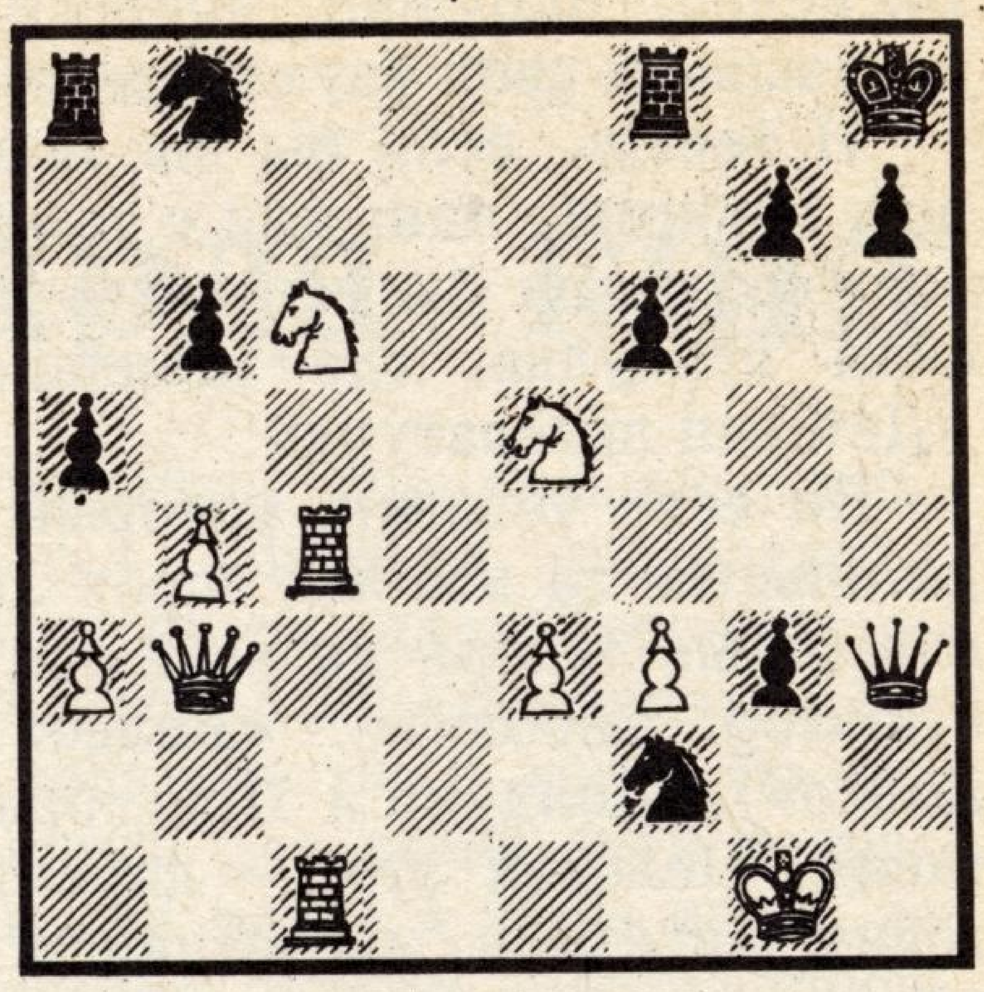


Как предупредить мат на h1 или g2? Белые находят красивую возможность сокрушительной контратаки и сами делают спертый мат в четыре хода!

КОНКУРС ПЕШКИНА

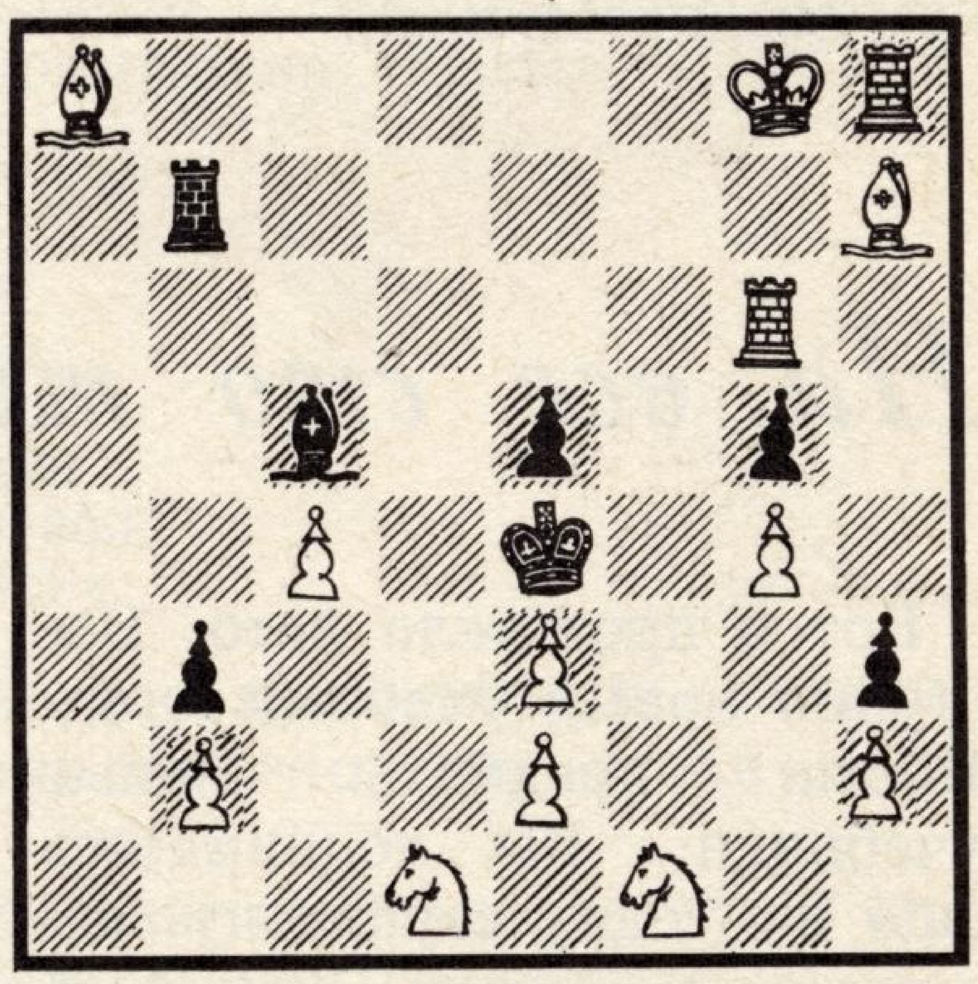
Одну из комбинаций Стаммы Пешкин включил в свой конкурс. Она завершает заочное соревнование.

Найдите, как здесь белые добиваются победы.



УДИВИТЕЛЬНАЯ ЗАДАЧА

Белые начинают и... не делают мат в один ход. Эту задачу составил немецкий шахматист К. Фабель, автор многих шахматных композиций.

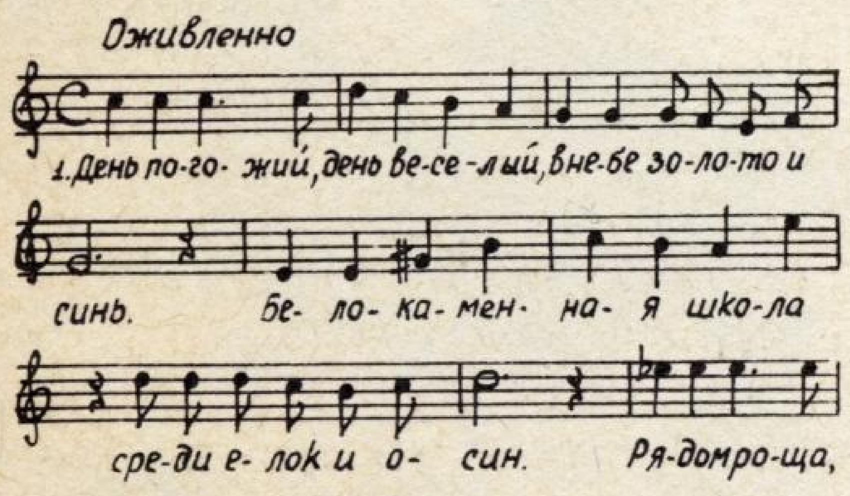
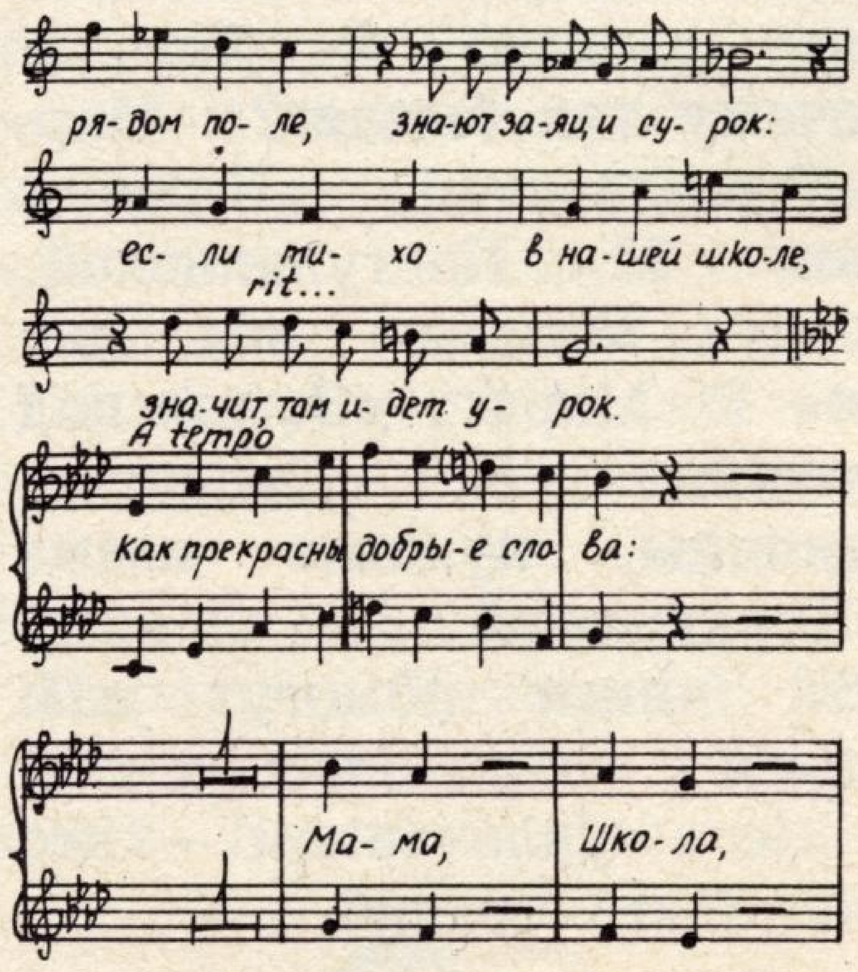
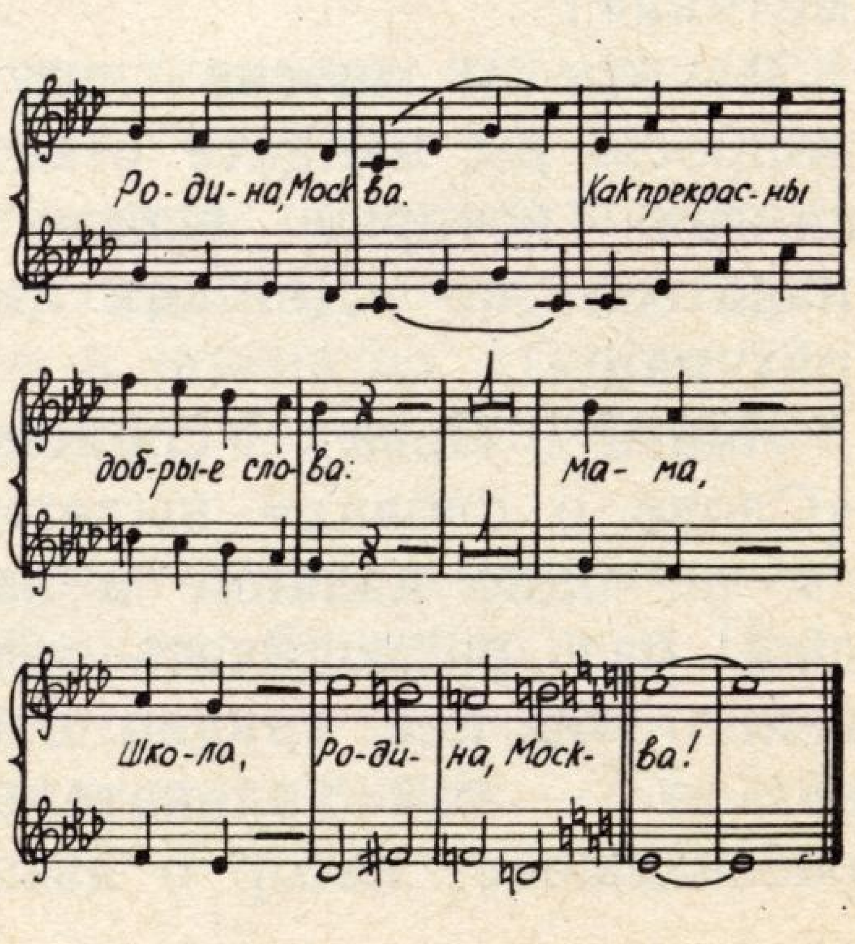
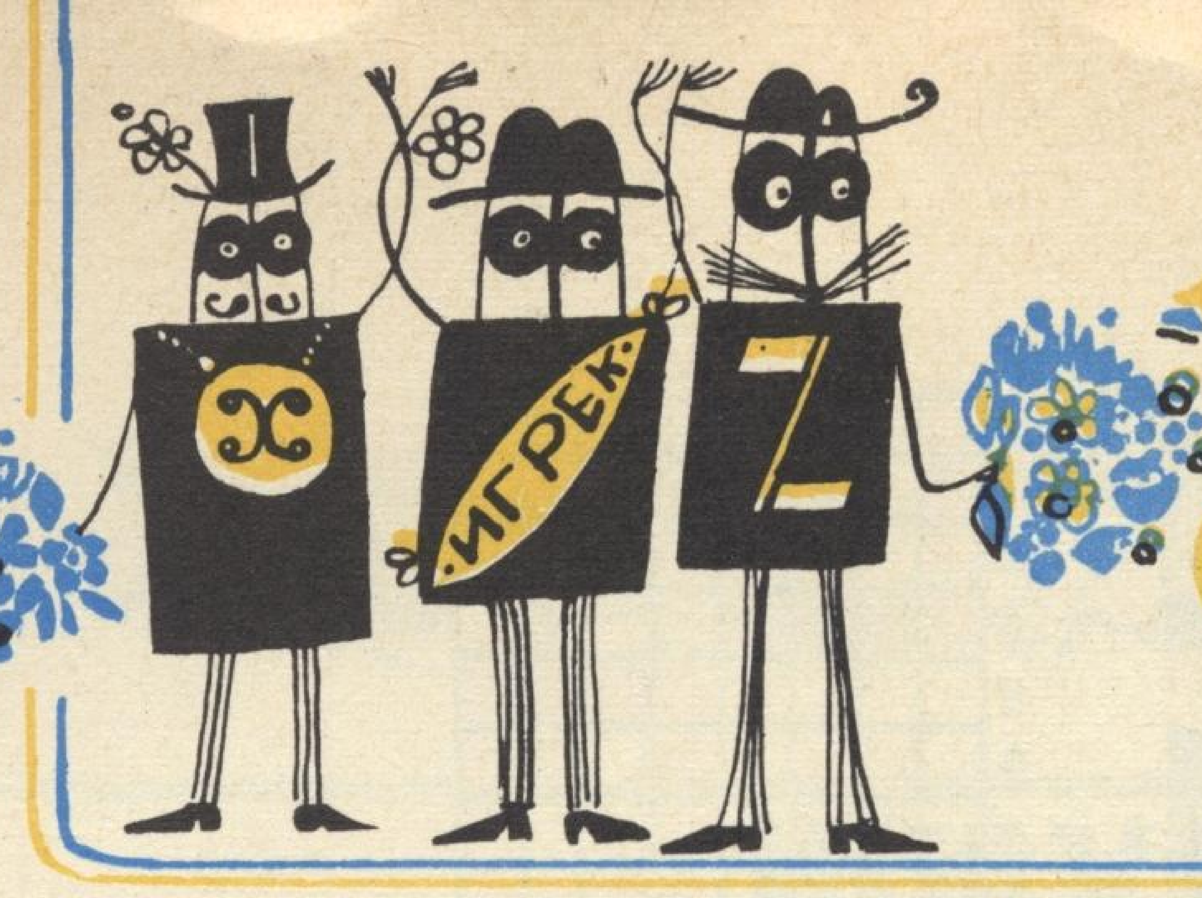


Найдите такой единственный ход белых, при котором черному королю не объявляется сразу мат. Это шуточная задача, об этом говорит присутствие двух белопольных слонов.

Вы помните, в № 9 шахматист XV века длинно и не очень понятно учил другого разыгрывать партию?

И вот как лаконично и ясно передает его советы современная нотация:

1. e2 — e4 e7 — e5 2. Kg1 — f3 f7 — f6 3. Kf3 : e5 f6 : e5 4. Фd1 — h5 g7 — g6 5. Фh5 : 5 +

Слова этой песни, которую написали к началу учебного года поэт Владимир Приходько и композитор Борис Власов, ты найдешь на последней странице обложки



РАЗГОВОР ПОСЛЕ ОЛИМПИАДЫ

СЛОВО • ИКСУ, ИГРЕКУ, ЗЕТУ •

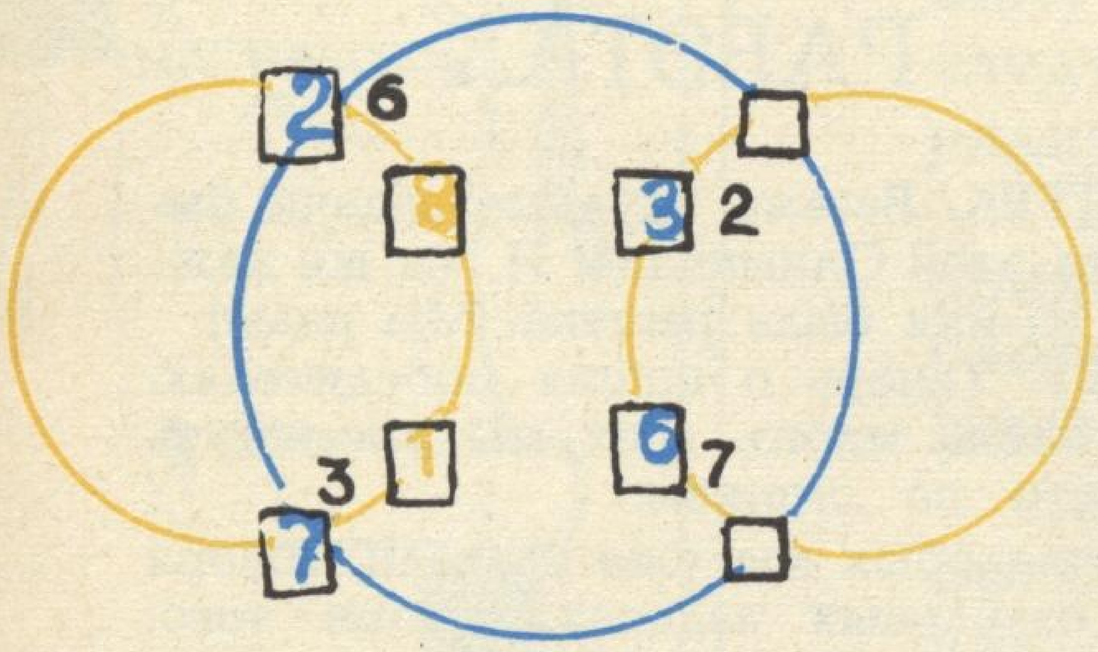
„МНЕ НРАВЯТСЯ ТРУДНЫЕ ЗАДАЧИ!

ЗЕТ. Этими словами начала свое письмо Людмила Пожарская из Ныгды, Иркутской области. Дальше она продолжает: **«Нравится сидеть над ними, но зато какая радость, когда решишь!»**

Нам было приятно узнать, что IV Олимпиада стала радостным событием для очень многих ребят: более двух тысяч читателей сумели стать ее участниками. **«После Олимпиады можно как бы посмотреть на себя со стороны и определить: можешь ли ты решать такие задачи, есть ли у тебя смекалка? И если у тебя чего-либо не хватает, нужно постараться этому научиться»,**— добавляет Таня Лебедева из Чистоозерного, Новосибирской области.

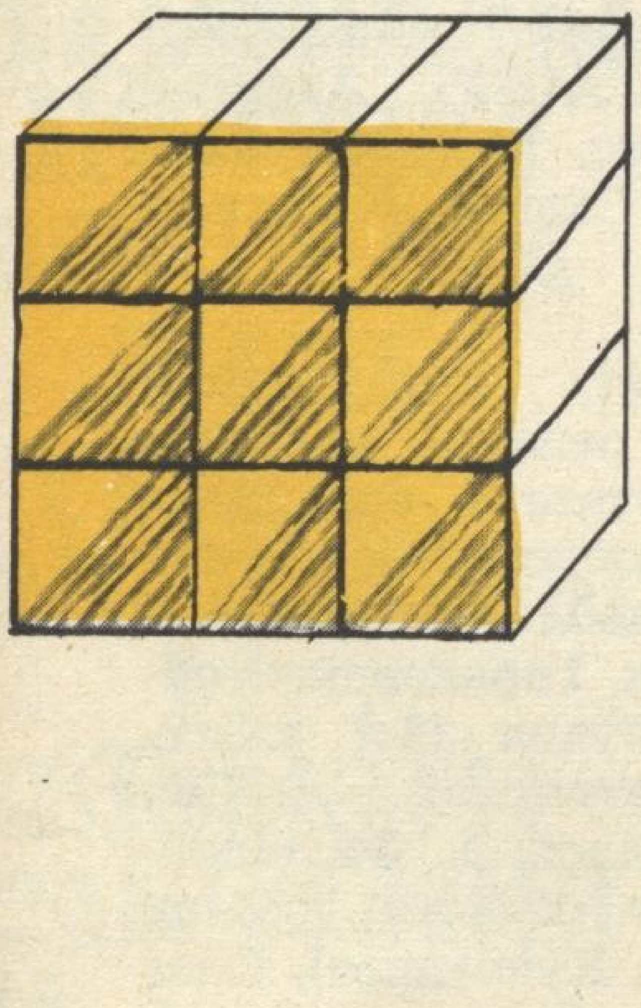
Вот и мы тоже решили посмотреть со стороны на ваши успехи и неудачи, поделиться своими впечатлениями.

ОБСУЖДАЕМ ВАШИ РЕШЕНИЯ



ИКС. О задаче **«Математический возраст».** Многим она не удалась. У одних возраст ученика 4 года, у других — 25 лет! Видали вы когда-нибудь таких школьников?!

ИГРЕК. Три тысячи ребят ломали голову, как бы получше организовать побег королевской семьи (задача из книги Льюиса Кэррола). Но, видно, кое-кто просто не знал, что такое блок. Вот он — посмотрите. Одна корзина вверху, вторая внизу. Конечно, невозможно сделать так, как предлагал кое-кто: подтянуть одновременно обе корзины вверх. В одну посадить детей, в другую — королеву с грузом. И отпустить! Что получится? Корзины полетят вниз, долетят до середины башни. Удар! Всем придется несладко, какой уж тут **«Дерзкий побег!»...**

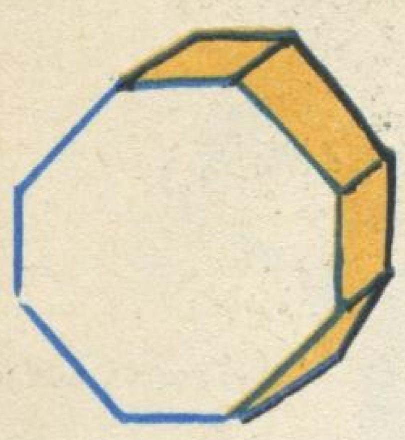
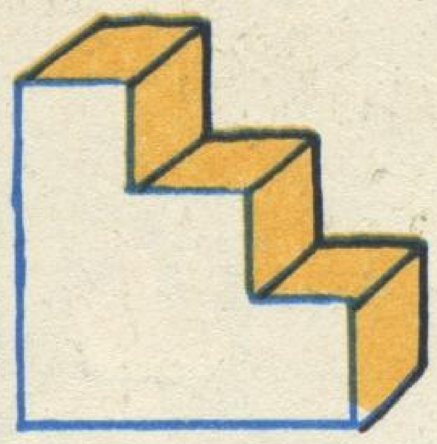
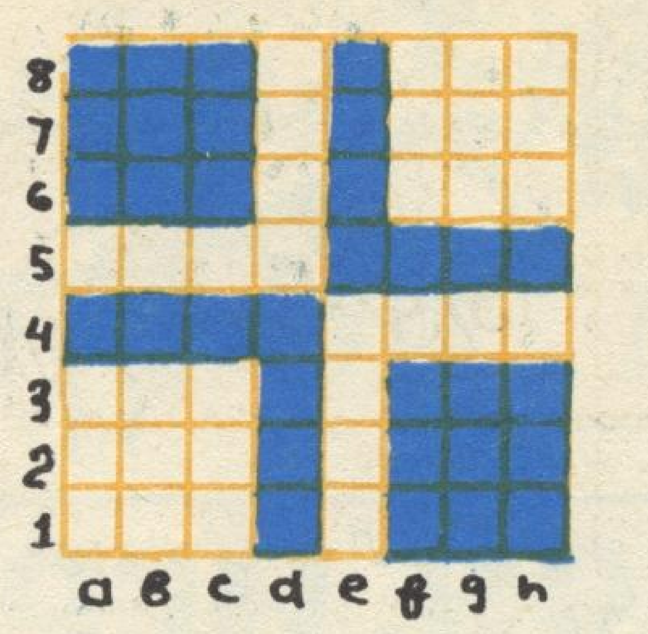
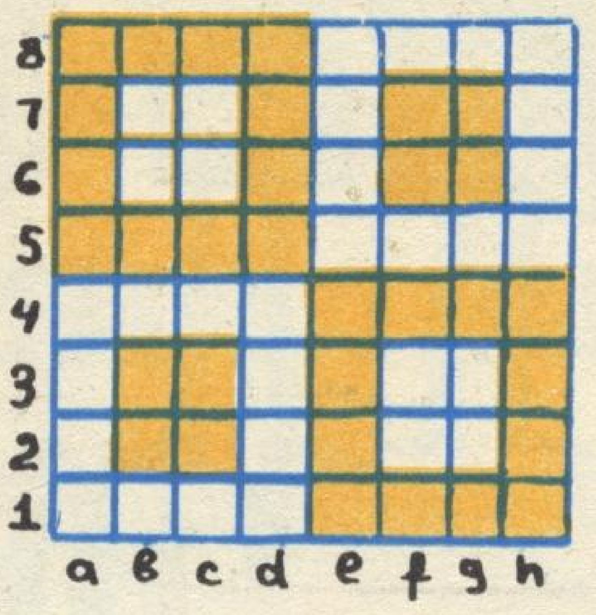
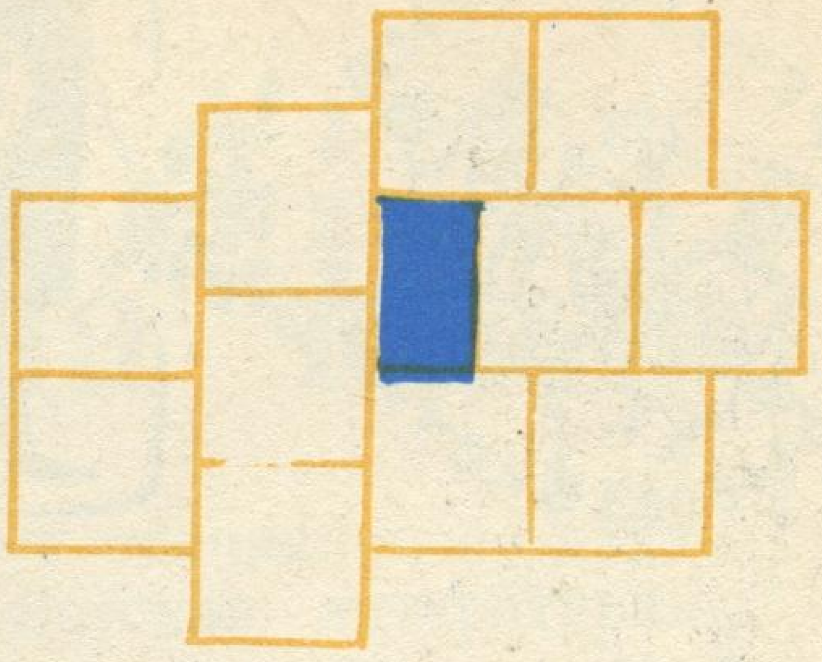


ЗЕТ. Чтобы **«Расставить цифры»,** надо было использовать все восемь чисел — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8. Кое-кто повторял одни и те же числа, например, в нескольких квадратиках ставил 2. Если бы это разрешалось, ответ найти было бы просто: ставить везде одно и то же число.

Число возможных расстановок огромно — 768. **Михаил Алехин из Оренбургской области** только в одном письме прислал 640 решений. Число 768 математическим путем (это большой успех!) получили **Саша Разборов (3-й класс, Люберцы), Николай Самарин (6-й класс, пос. Пушма, Кировской области), Олег Ууэмаа (7-й класс, Огре, Латвийская ССР), Лева Певзнер (3-й класс, Комсомольск-на-Амуре)** и другие ребята.

Ян Рачинский (8-й класс, Москва) дал замечательное решение — более короткое и изящное, чем наше: **«...Сумма цифр на каждой окружности — 18. Восьмерка может занимать любой из восьми квадратиков. Тогда на двух окружностях, которым принадлежит этот квадратик, сумма цифр в остальных трех квадратиках равна 10. Во втором квадратике, принадлежащем тем же двум окружностям, не может быть 7, так как тройка ($18 - (7 + 8) = 3$) раскладывается на слагаемые только одним способом ($1 + 2 = 3$), а сумма двух цифр, равная 3, должна быть на двух окружностях; не может быть 6, так как 4 раскладывается тоже одним способом ($1 + 3 = 4$); не может быть 4, ибо из двух способов разложения ($6 = 1 + 5 = 2 + 4$) второй не годится—четверка уже использована. Остаются такие возможности — 1, 2, 3, 5».** Затем Ян перечисляет 48 возможных сочетаний чисел на рассматриваемых окружностях. **«Остаются два свобод-**

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

СЛОВО • ИКСУ, ИГРЕКУ, ЗЕТУ • СЛОВО

ных квадратика, в которые можно поместить числа двумя способами». (Надо, конечно, доказать, что получившаяся расстановка соответствует условию задачи.) Поскольку восьмерка может стоять в восьми местах, то всего есть $48 \times 2 \times 8 = 768$ вариантов.

ИГРЕК. Хочу продолжить рассуждения Яна. Не обязательно выписывать все 48 сочетаний. Будем решать более обобщенно, цифры обозначим буквами. Если вне рассмотренных квадратиков на одной окружности стоят А и В, а на второй — С и Д, то $А + В = С + Д$. Из одного такого равенства можно получить еще семь: $В + А = С + Д$, $А + В = Д + С$, $В + А = Д + С$ и четыре, отличающихся от перечисленных заменой левой части на правую, а правой — на левую: $С + Д = А + В$ и так далее. Каждому равенству соответствует расстановка чисел на этих двух окружностях (на рисунке голубые цифры соответствуют равенству $А + В = С + Д$, черные — $Д + С = А + В$). Достаточно разобрать случай, когда А меньше В, С меньше Д, А меньше С. Если во втором квадратике стоит 1, есть три возможности: $2 + 7 = 3 + 6$, $2 + 7 = 4 + 5$, $3 + 6 = 4 + 5$, если 2, то $1 + 7 = 3 + 5$, если 3, то $1 + 6 = 2 + 5$, если 5, то $1 + 4 = 2 + 3$. Всего 6 вариантов, из каждого получается еще 7, а всего $6 \times 8 = 48$. Вот и все!

ЗЕТ. Некоторые ребята огорчили нас своим невниманием. В **«Загадочных рисунках»** тело сбоку совсем не такое, как сверху или спереди. Ребята часто рисовали его в виде хорошо увязанной коробки с тортом — это неверно.

Ответов может быть очень много. На рисунках — два из них. Начертите вид сбоку первого из тел (его прислала **Лида Лексина, 8-й класс, поселок Тума, Рязанской области**).

ИКС. В задаче **«В гостях у Пешкина»** тоже может быть несколько ответов. Вот некоторые способы расставить 32 ладьи, присланные **Аней Певзнер** и **Владимиром Лиманкиным (7-й класс, Комсомольск-на-Амуре)**. Труднее доказать, что 31 ладью расставить не удастся. Аня и Владимир с этим справились, и еще **Алик Набутовский (5-й класс, Новосибирск), Михаил Миглин (4-й класс, Обнинск)** и другие ребята.

ИГРЕК. «Как попасть в корабль». На доске 10×10 это можно сделать по-разному. Можно раскрасить доску, как шахматную, и бить по белым полям. Или по черным. Или по вертикалям через одну. Или по горизонталям. С задачей а) справились многие, с задачей б) далеко не все. Назовем некоторых: **Владимир Осипов (6-й класс, Новосиль, Орловской области), Валера Александров и Саша Никитенко (пос. Мина, Красноярского края), Саша Махоткин (5-й класс, Цементный завод, Ульяновской области), Галя Тимченко (7-й класс, Дютьково, Московской области).**

ЗЕТ. Большая разница — найти какое-нибудь решение или же доказать, что лучших, чем оно, нет. Пункт б) именно этого и требует. А между тем как рассуждают некоторые? Выписывают план стрельбы и говорят: если убрать любой выстрел, то можно поставить на его место корабль, который не будет поражен. Конечно, это так. Но ведь планов много, и они не получаются друг из друга перестановкой одного-двух ударов.

Например, для стрельбы по доске 19×10 в шахматном порядке требуется 95 выстрелов. Если не сделать хотя бы одного из них, то нельзя гарантировать попадание. Казалось бы, оптимальный план? Но на самом деле минимум — 90 ударов! Стрелять по 2, 4, 6,..., 18 линиям.

ИКС. В задаче **«Друзья и братья»** больше половины участников стали разбирать родственные отношения двоюродных и троюродных братьев. Хотя об этом даже не упоминалось в условии. Опять невнимание!

ИГРЕК. В **«Упрямых квадратах»** четко сказано — «участок границы». Значит, не точка, а отрезок является общей частью сторон двух квадратов, одинаково окрашенных. Однако многие имели в виду точку!

Кроме нашего решения (в № 4), ребята придумали другие. Хорошо поработали: **Оля Шарапова (5-й класс, Ташкент), Петр Перелыгин (4-й класс, д. Оловянниково, Орловской области), Женя Новиков (6-й класс, пос. Ключевой, Кемеровской области), Сергей и Юрий Циммерман (8-й и 5-й классы, Липецк), Юлия Рахвальская (5-й класс, Киев), Дмитрий Шатилов (4-й класс, Новосибирск).**

ИКС. Но больше всего меня поразили ребята, которые квадрат не считают прямоугольником (в задаче **«Разрежьте квадрат»**). Это надо же! Ведь существует определение, по которому «квадрат — это прямоугольник с равными сторонами».

ИГРЕК. Решая **«Наш кроссворд»**, многие ограничивались первым найденным ответом. Но легко понять, что если поменять местами пары цифр, зашифрованные буквами ТР и ВО, то получится новое решение.

ЗЕТ. Хочу в заключение поздравить тех, кто научился с нашей помощью работать с ЭВМ. Они справились с самой трудной частью работы программиста — научились находить ошибки в программе **(«Задача для старых читателей»).**

О ЛУЧШИХ РАБОТАХ

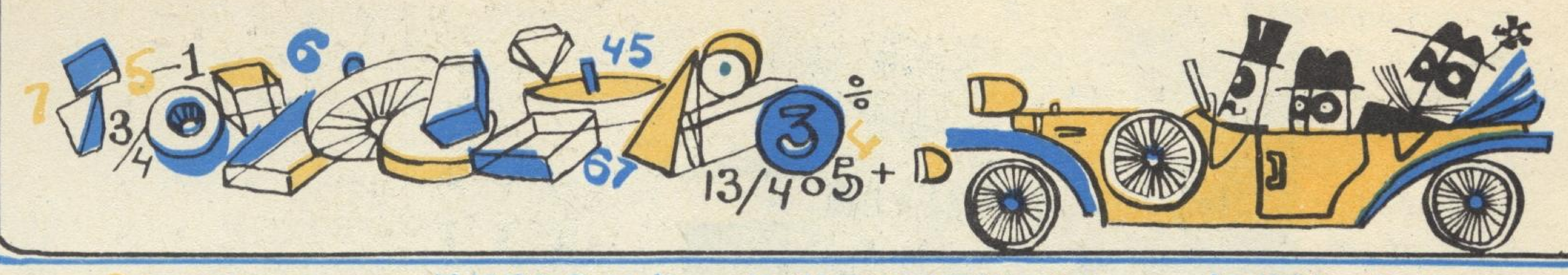
ИГРЕК. Весьма трудные задачи были на этой Олимпиаде. И все же каждая из них была решена. Мы рады!

ЗЕТ. Теперь о наших победителях. Их очень много, всех мы упомянуть просто не сможем.

Некоторых мы уже назвали, говоря об отдельных задачах. Кроме того, нам понравились работы **ленинградцев Саши Мирлина (4-й класс) и семиклассников Михаила Чеповецкого и Игоря Цукермана**, наших старых знакомых. **ЭТО ЛУЧШИЕ РАБОТЫ ОЛИМПИАДЫ. МОЛОДЦЫ!**

Хорошо поработали **Марина Лисовенко (6-й класс, Иркутск), Зинур Шарифуллин (7-й класс, село Ермекеево, Башкирская АССР), Алексей Позаненко (4-й класс, Москва), Олег Киршон (5-й класс, Сквира, Киевской области)...**

ИКС. Список ребят, у которых все присланные задачи решены правильно, огромный. Напечатать его целиком нет возможности. Вот лишь небольшая часть: **Люба Владимирова (6-й класс, Кулебаки, Горьковской области), Валерий Кабулов (4-й класс, Сунжа, Северо-Осетинской АССР), Оля Бучнева (4-й класс, д. Филошенка, Новосибирской области), Марк Грейскоп (3-й класс, Куйбышев), Олег Ювашев (6-й класс, Ростов-на-Дону), Рауф Измайлов (4-й класс, Баку), Алла Фрайман (5-й класс, Могилев).**



СЛОВО ИКСА, ИГРЕКА, ЗЕТА

СОВЕТЫ ВЕТЕРАНОВ

ЗЕТ. Те, кто уже не раз участвовал в наших Олимпиадах, получили в прошлом году Анкету Трех Неизвестных. Ребята ответили на наши вопросы, и мы узнали много интересного о ветеранах Олимпиад.

Большинство ветеранов (почти три четверти!) активно занимаются в математических кружках и факультативах. Остальные очень хотят заниматься, но пока не везде есть кружки. Почти все участвуют в Олимпиадах, кстати, не только математических. И спортом занимаются наши ветераны, и в советах дружин работают, и в походы успевают ходить. Решают много задач из журналов «Пионер», «Квант», из книг. Решения наиболее трудных задач записывают (у бакинца Саши Григоряна записаны решения 680 задач!). Так что наши ветераны — народ серьезный.

ИКС. Почти всем нравится, что математикой в «Пионере» занимаются Неизвестные — Икс, Игрек, Зет. Спасибо от всех нас!

ИГРЕК. Победительница трех Олимпиад «Пионера» Аня Ластовецкая (8-й класс, Алма-Ата) рассказывает о себе: **«Люблю уединение, потому что иногда рассуждаю вслух. Если задача с первого раза не получается (примерно в течение часа — полутора), я принимаюсь за следующую задачу или за другие дела. При решении часто включаю радио и решаю под музыку.**

Все не решенные за первый присест задачи потом решаю где придется и на чем придется (в последнее время я стала носить с собой блокнот): и во время прогулок и даже во время игры в баскетбол (внезапное озарение, но чаще всего ложное).

А однажды, хотите верьте, хотите нет, ответ одной задачи мне приснился ночью. Это была задача второй Олимпиады «Удивительное число». Мне четко приснилось число 2 100 010 006 (я до сих пор его помню), но все нули почему-то были с ножками. К счастью, я немедленно проснулась, вскочила и записала ответ. Потом постаралась уснуть, чтобы приснились ответы и на другие задачи, но больше такого чуда не было»...

Все победители IV олимпиады получат наградной лист трёх неизвестных и математические книги.

Каждому участнику олимпиады ответим

СКОРО V ОЛИМПИАДА

ЗЕТ. До пятой Олимпиады осталось не так уж много времени. Скоро мы начнем подготовительные занятия — будем тренировать смекалку и настойчивость. И, конечно, будет много новых задач. Желаю успешной работы!

Выступления Неизвестных записал А. ОРЛОВ.

НЕИЗВЕСТНЫЕ XYZ МОСКВИЧАМ

В ОКТЯБРЕ НАЧИНАЕТСЯ УЧЕБНЫЙ ГОД В ВЕЧЕРНЕЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ ДЛЯ 6—8-х КЛАССОВ ПРИ МОСКОВСКОМ МАТЕМАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ. КАК ТУДА ПОПАСТЬ МОСКОВСКОМУ ШКОЛЬНИКУ? ПОЗВОНИТЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ СЕНТЯБРЯ ПО ТЕЛЕФОНАМ: 291-85-72, 139-35-29.

Десять минут ЗДОРОВЬЯ

Н. ГОРДЕЕВ

Я с детства мечтал стать актером. Но увлекался и спортом, особенно любил гимнастику. Время шло, театральные мои мечты стали потихоньку сбываться. Я начал учиться в радиотеатре рабочей молодежи. Стипендия моя была, сказать по правде, невелика. И вот однажды меня пригласили в физкультурную редакцию. «Хочешь,— спрашивают,— делать утреннюю зарядку для всей страны?» Я согласился, и меня взяли на «роль» гимнаста, который выполнял бы упражнения под команды инструктора. Шел тогда 1934 год.

Это была нелегкая работа! Кажется-то: ну что уж такого сложного — делать зарядку. Но главная загвоздка состояла в том, что первый урок начинался в пять тридцать утра. Представляете, во сколько я должен был вставать?! И это продолжалось не день, не два, даже не месяц, а целые годы! Тот, кто думает, что это — простое дело, пусть попробует сам!

Однако новая работа странным образом пришлась мне по душе. К тому же я заметил, что стал чувствовать себя значительно бодрее. Я «железно» вставал в одно и то же время. Это заставило меня и ложиться в одно и то же время: позже ляжешь, потом ходишь день, как вареная курица. А вовремя ложиться и вставать для нашего сердца, кровеносных сосудов, мозга — дело огромной важности...

Я стал работать с удвоенным и утроенным старанием. И вот однажды мне объявили: «С завтрашнего дня будешь заменять заболевшего преподавателя». Случилось это примерно через полгода после начала моей радиогимнастической практики. Надо ли говорить, как я был горд и как волновался перед первым уроком!

И вот я впервые перед микрофоном радиозарядки. Десять минут проходят как во сне. Каждый мой звук «отработан»... А мне говорят: «Да нет, ты не говорил, ты кричал! Так не годится»... Признаюсь, немало занятий прошло, пока я добился четкости произношения в сочетании с мягкостью, доверительностью интонации. Пока речь моя стала дружить с музыкальным аккомпанементом, стала разговором на музыке. Очень помогли мне в этом занятия в Театрально-музыкальном училище имени Глазунова.

Шли годы, я успел отслужить в армии, прошел войну. В 1945 году вновь вернулся к любимому делу. И с тех пор руковожу утренней зарядкой для ребят, для взрослых, производственной гимнастикой. Уже после войны, будучи весьма взрослым человеком, я окончил вечернее отделение института физкультуры.

Кое-кто скажет: «Подумаешь, какие сложности — десять минут конечностями подрыгать! Стоит из-за этого целых два института кончать?» А я думаю: стоит! Каждый новый год работы все более и более убеждает меня в целительной, чудодейственной силе зарядки. Тот, кто регулярно занимался зарядкой хотя бы в течение месяца, поймет, о чем я говорю.

Мы разрабатываем простейшие, доступные любому комплексы упражнений.

Первое упражнение у нас всегда потягивание. Иной скажет: «Ну и упражнение, оно ничего и не развивает-то!» Но вот сделаешь ты его несколько раз, а вместе несколько глубоких вдохов и полных выдохов — распрямляется позвоночник, просыпаются внутренние органы. Четыре-пять приседаний — ровнее и четче стучит сердце. Упражнение на внимательность активизирует мозг. Прыжки, бег усиливают дыхание и кровообращение, тренируют выносливость... И неважно, что нагрузки, кажется, невелики. Они как раз такие, какие нужно. Не удивляйся потом, что ты легко взбегаешь на седьмой этаж, даже и не запыхавшись почти. Дело здесь не в молодости и не в особой твоей спортивной одаренности, а в регулярных занятиях радиозарядкой... Ну, а если ты пыхтишь, как паровоз, уже после третьего этажа, могу об заклад биться: ты ленишься делать утреннюю гимнастику... Что ж, пожинайте плоды своей лени, маленькие старички!

Еще два слова хочется сказать мне о водных процедурах. Они обязательны, ребята!.. Нет, «обязательны» — это какое-то не то слово. Они прекрасны! По-моему, нет большего удовольствия, чем после гимнастики принять душ или облиться прохладной водой, а затем растереться жестким полотенчиком! Зарядка пробуждает мышцы, внутренние органы. Водные процедуры будят кожу, делают ее более крепкой, эластичной, какую-то особую бодрость вливают в организм!

...Зарядка — необходимые десять минут здоровья. Ею занимаются все больше людей в нашей стране... Все больше, но далеко не все! Особенно мне жаль, что среди тех лентяев есть и пионеры!

Вот перед тобой комплекс. Тот самый, который мы начинаем передавать по радио с семнадцатого сентября.

А ну-ка наберись терпения и поделай зарядку хотя бы в течение одного этого месяца. О своих ощущениях, о своих мыслях, об отметках, которые ты будешь получать за этот период, напиши нам в «Пионер». Сам увидишь, какое задорное письмо у тебя получится!

Записал В. ЛАРИН.

Академия Домашних Волшебников

Было румяное сентябрьское утро. Румяное, как щечки Калинки. А щечки Калинки — это всякому известно! — румяные, как рязанские яблочки... Ах эти яблочки! Они лежали крутою горкой посреди стола и смотрели на Леку. А Лека смотрела на яблоки.

С кухни доносилось позвякивание разной посудной мелочи, а потом грозное и густое: «Бум-бум-бум!» Лека знала: так умеет сердиться только большая эмалированная кастрюля. А так сердить ее умеет только Марина. Но если кастрюля и Марина встретились вместе, значит, что-то будет вариться. Что же?.. Лека еще раз взглянула на румяные яблочки и вдруг догадалась: «Ура! Варенье будет!» Но кто, скажите на милость, умеет варить варенье лучше Калинки? Вот если бы Калиночка... И вдруг запели чудесные колокольчики: «Динь-дон-динь». Вот так утро, вот так утро сегодня — удивительное, счастливое воскресное утро! И даже Калинка прилетела!

— Ура! — закричала Лека, сладко потягиваясь.

— А ну-ка вставай скорее! — шутливо-строго сказала Калинка и притопнула красным своим сапожком.

— Не хочется, Калиночка...

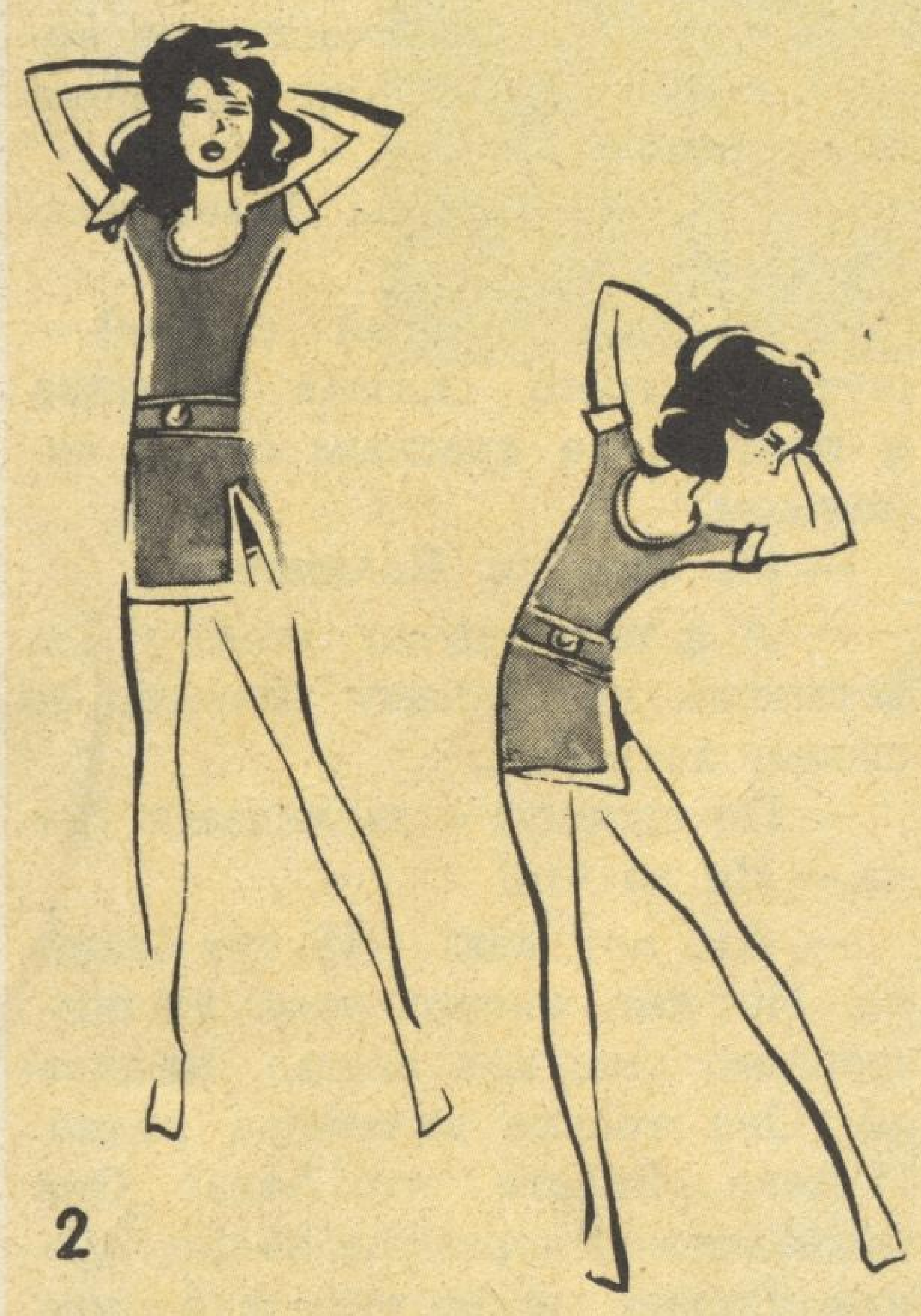
— А я тебе сейчас помогу! Ты встанешь по щучьему веленью, по своему хотенью!..

— По своему? — засмеялась Лека.— Ни за что!

— Ах, вот как! — И тут Калинка... Нет-нет, ничего очень уж волшебного она, как всегда, не делала. Она только включила радио. И Лека... Знаете, что Лека? Она буквально выпорхнула из-под одеяла, словно легкое перышко, подхваченное ветром... А почему? Потому что очень бодрый, и очень праздничный, и очень волшебный голос сказал: «Здравствуйте, ребята! Начинаем утреннюю гимнастику. Исходное положение — полуприсед, руки на коленях. А теперь подняли руки вверх, левую ногу назад, потянулись, вдохнули поглубже».

И Лека сделала это. А потом опять полуприсед, а потом опять прогнулась, но уже правую ногу отставила назад. И так сладко ей было тянуть руки к самому потолку!.. А волшебный тот голос уже весело приказывал делать второе упражнение: руки за голову, ногу в сторону — раз (вдох), наклон в сторону—два (выдох), выпрямиться — три (вдох), опустить руки, ногу приставить — четыре (выдох). А после все снова — в другую сторону (запомни: **всегда во**

1



2

Рисунки А. ГРИШИНА.

всех упражнениях сперва нужно левую ногу отставлять и в левую сторону наклониться, Лека это помнила и ни разу не ошиблась).

— Ну как? Нравится?— спросила Калинка.

— Еще бы!—воскликнула Лека.

Но разговаривать было некогда — начиналось уже третье упражнение. Раз — присела на носках, выдох. Два — выпрямилась, вдох. Три — наклонилась вперед, отвела руки подальше назад, выдох (между прочим, если кому что непонятно, пусть рассматривает наши картинки). Четыре — выпрямилась, вдох.

Четвертое упражнение показалось Леке, пожалуй, самым трудным. Надо было лечь на коврик, закинуть ноги за голову, да так, чтоб носки достали до полу (выдох), а потом вернуться в исходное положение (вдох). «Пусть трудно! Ничего! — думала Лека.— Зато вот я сделаю зарядку, и меня угостят свежим вареньицем. Недаром же Марина разговаривала с большой кастрюлей, недаром улыбались мне рязанские яблочки, недаром и Калиночка прилетела!»

Для того, чтобы начать пятое упражнение, Леке не понадобилось даже вставать. Она только со спины перевернулась на живот. Нужно было разогнуть руки, отжаться (вдох). Ноги при этом остаются лежать на полу, поясница прогнута. Потом вернуться в исходное положение (выдох).

Шестое упражнение было самым веселым. Надо взмахнуть ногой в сторону, руки в стороны—назад (вдох) и вернуться в исходное положение (выдох). Седьмым упражнением были прыжки. Ноги вместе, руки на поясе. А после этого: «Шагом марш!» — Лека отправилась в ванную. Потому что ничего нет лучше на свете, как принять душ после хорошей зарядочки...

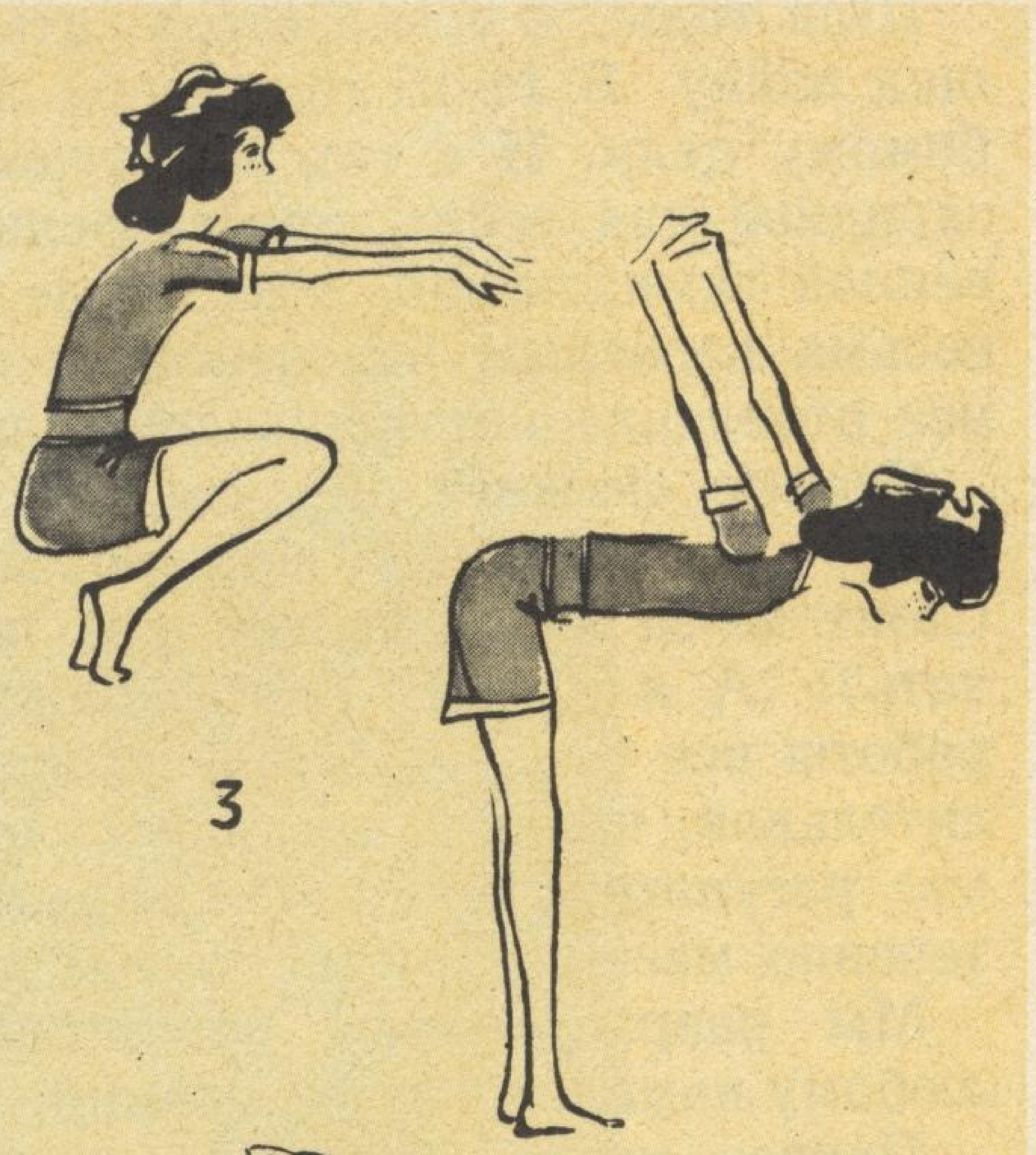
Вот и все на сегодня про Леку, Марину и Калинку. Все и про утреннюю зарядку. Включи утром в положенное время радио, и ты услышишь бодрый, веселый, волшебный голос — голос Николая Лаврентьевича Гордеева. Смелее начинай зарядку вместе с Лекой, вместе с ребятами всей страны! Желаем удачи! До свидания!..

Как до свидания? А варенье?! Ах да, варенье. Варенье получилось. И превкусное! Марина, Лека, Алеша, мама, папа и, кажется, даже Чубчик пьют с ним чай.

А как же мы? А нам?

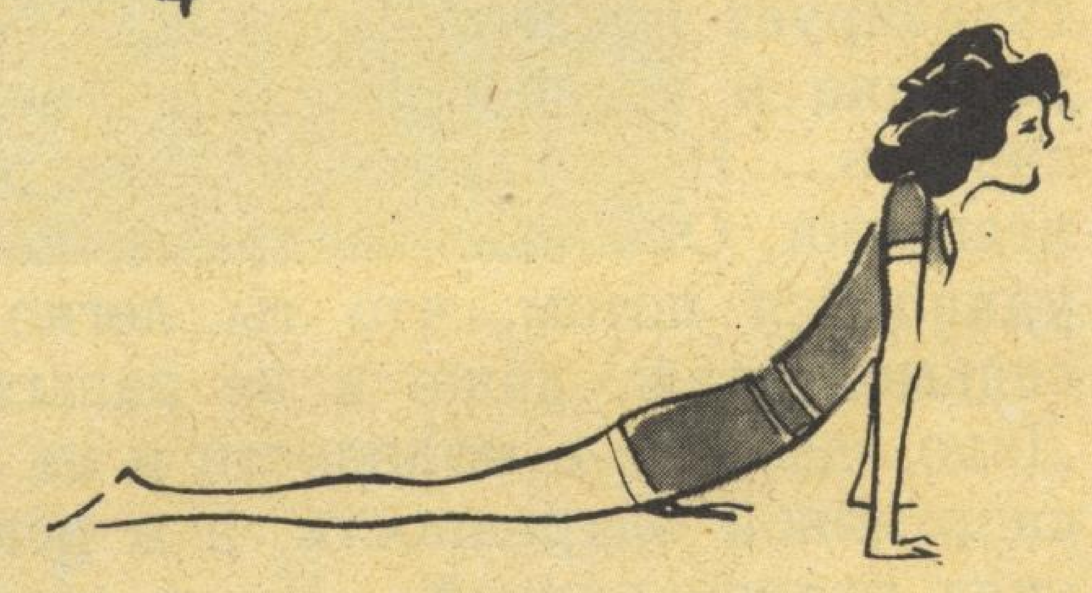
А вам — Калинкин рецепт: помыть яблоки, нарезать их дольками, вычищая середку. Дать долькам полчасика подвялиться. А в это время поставить на медленный огонек сироп — на 1 кг сахару полтора стакана воды. Как только сироп закипит, залить им яблочные дольки и поставить кастрюлю... на окошко. В течение часа 3—4 раза встряхнуть яблоки. Вечером вскипятить будущее варенье еще раз. Потом вскипятить на следующее утро. И в четвертый раз— на следующий вечер. Теперь варенье готово... Что-то вы сказали? Долговато?

А зато какое вареньице получилось! Ах!..

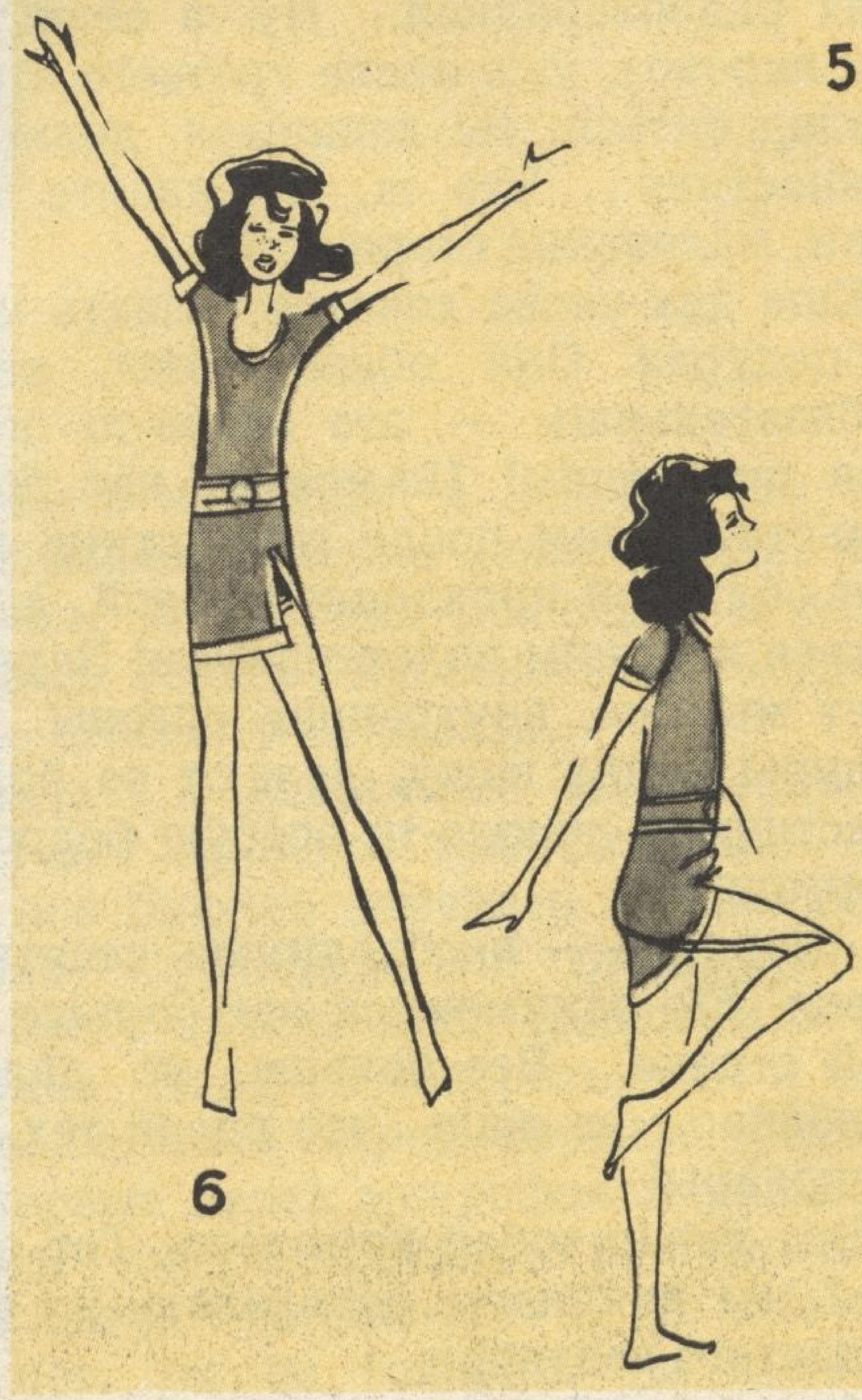


3

4



5



6

ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ

Е. И. САВОНЬКО,
кандидат психологических наук

Вспомни, случалось с тобой такое: поссорился с товарищем, вы обидели друг друга, «на всю жизнь разругались». В разгаре ссоры ты почувствовал, что неправ, и тут же прогнал эту мысль... И потом изо всех сил старался уверить себя, что во всем виноват твой друг. Антон Семенович Макаренко говорил: «...словно на резину какую-то наталкиваешься, когда надо к себе критически отнестись, к себе предъявить какое-то требование, себя самого победить».

С какой легкостью порой мы говорим о другом: «Он поступил неправильно». Или: «Он подлиза, воображала, трус». Но вот о тебе сказали: «Подлиза. Вечно около Аллы Михайловны крутишься: «Давайте помогу, можно, я для вас что-нибудь сделаю?» А ты и не думал вовсе подлизываться, тебе хорошо рядом с Аллой Михайловной, поговорить с ней хочется. Разве такое объяснишь ребятам?..

Очень легко сказать о себе: «Я умею играть на гитаре». Знаешь, что не очень хорошо играешь, но так и подмывает подхвалить себя. Хочется получше выглядеть в глазах товарищей? Или ты и в самом деле хотел научиться хорошо играть, да лень одолела, а теперь желаемое выдаешь за действительное.

Видишь, как все не просто. В самом себе многое непонятно. Одна девочка рассказывала: «Наговорила маме грубостей. Как начала — и пошло, и пошло, не могу остановиться... Не знаю, что со мной случилось...»

Кто виноват в том, что мама не всегда понимает тебя?

Почему не складываются отношения с товарищами?

Можно ли переделать характер?

У «Пионера» почта огромная, и во многих письмах вопросы. Ребятам хочется «посмотреть на себя со стороны». Я бы даже сказала, «изнутри», потому что «со стороны» — это глазами других людей, а «изнутри» — своими собственными глазами.

Желание понять себя, научиться разбираться в своих чувствах и настроениях, в своих отношениях с людьми, научиться управлять своими поступками, воспитать характер, волю нам понятно. Мы уверены, что все это просто необходимо каждому человеку.

Можно ли научиться самому познать себя? Можно. Поможет нам наука, которая называется «психология» («психе» — по-гречески душа, «логос» — наука, то есть наука, изучающая человеческую душу, внутренний мир человека).

Предупреждаю, дело это сложное. Может быть, даже кто-то скажет: «Охота тебе в себе копаться, лучше в футбол поиграть...» Или: «Вырастешь, тогда разберешься, рано еще голову себе забивать всякими сложностями...»

Я убеждена, что не рано: человек не может по-настоящему повзрослеть, если не научится думать, оценивать свои поступки, воспитывать самого себя.

Давай попробуем начать. Я перечислю несколько черт характера, положительных и отрицательных. Думаю, тут наши с тобой оценки совпадут. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ: добрый, смелый, честный, умный, хороший товарищ, ловкий, веселый, справедливый (согласен, что это привлекательные качества?). А теперь ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ: ябеда, подлиза, трус, жадный, воображала, эгоист, плохой товарищ. Напиши в столбик все положительные качества, начни с тех, которые считаешь самыми важными. Потом, тоже в столбик,— все отрицательные качества, начав с тех, которые тебе больше всего неприятны. Это — первое задание. А теперь задание второе. Подумай и снова напиши, какие положительные и отрицательные качества есть у тебя.

Может быть, это не сразу у тебя получится. Постарайся все-таки довести эту работу до конца. Расскажи нам в письме, какие у тебя возникли трудности, какие случаи вспоминал, размышляя о своем характере.

Ждем твоих писем, вопросов, предложений!

Наташа КОЛЕДОВА сама постеснялась нам написать, и стихи в «Кораблик» прислала Наташина мама. А нам стихи понравились. Наташе 12 лет, она из Новосибирска.

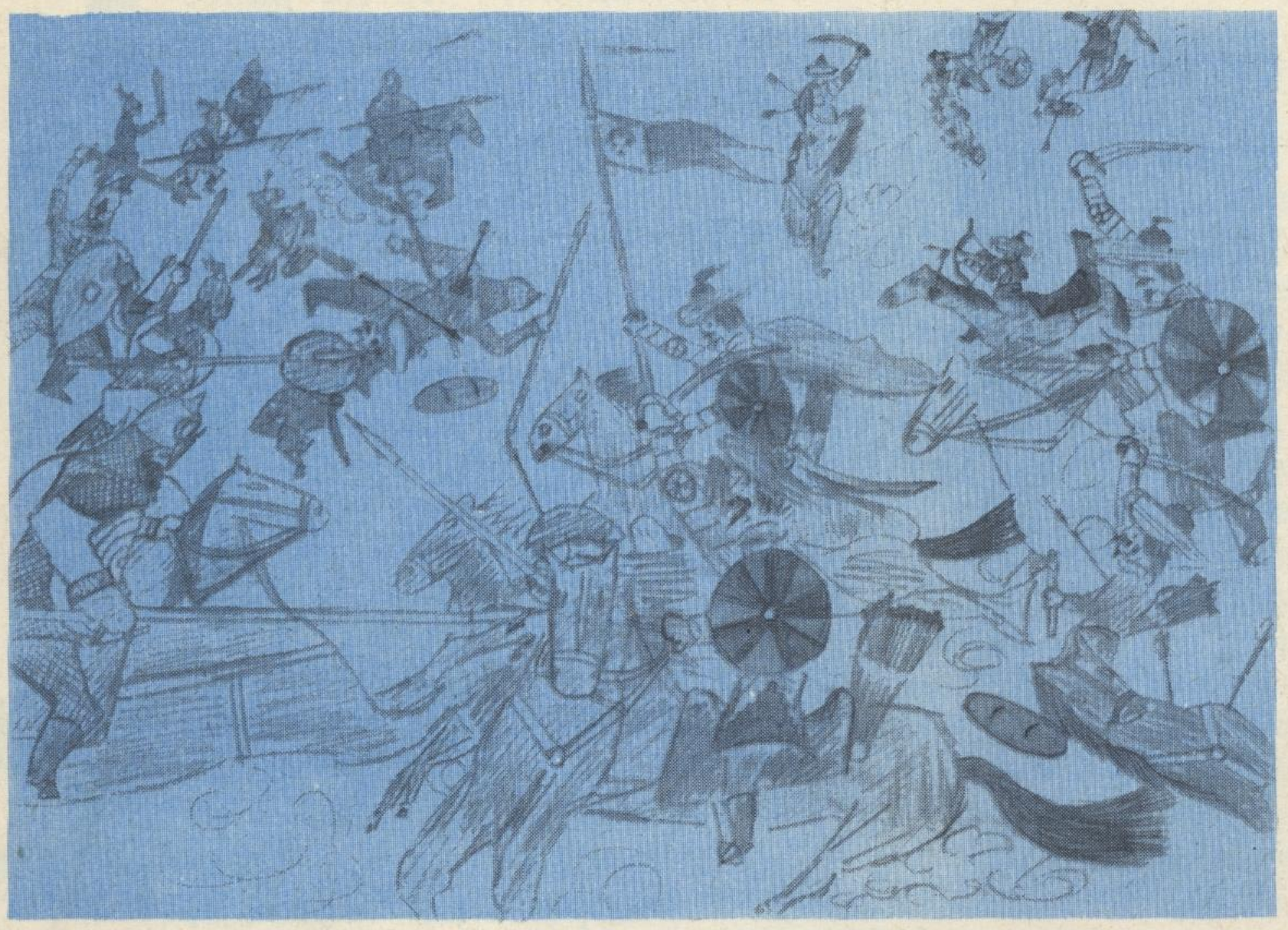
Первые шаги

Только что родился
жеребенок,
Черным глазиком моргнул
И, шатаясь, встал на
ножки,
Как спросонья.
К маме мордочку он
потянул...
Мама — шаг,
И он — шажок,
Мама — два,
А он — прыжок!
Так пошли они гулять
Дальше, дальше в поле.

Стихотворение **Станислава БЕРГА** из Иркутска. Сколько ему лет, Станислав написать забыл.

Чайки и хлеб

Я сижу и болтаю ногами,
Бросаю чайкам корочки хлеба.
Подо мною гладь моря,
Надо мною синь неба.
В небо синее взвиться?
Это будет, пожалуй, занятно:
Улететь на край света,
Чтобы после вернуться обратно.



Стихи **Толи ФИСЕНКО** из Липецка не раз уже печатались в «Кораблике». А вот новые Толины стихи.

Лесной пожар

Огненные змеи
По ветру летят,
На огни пожарищ
Свысока глядят.

Задушили солнце
Черные туманы,
Поползли по лесу,
Оставляя раны.

Перед ураганом

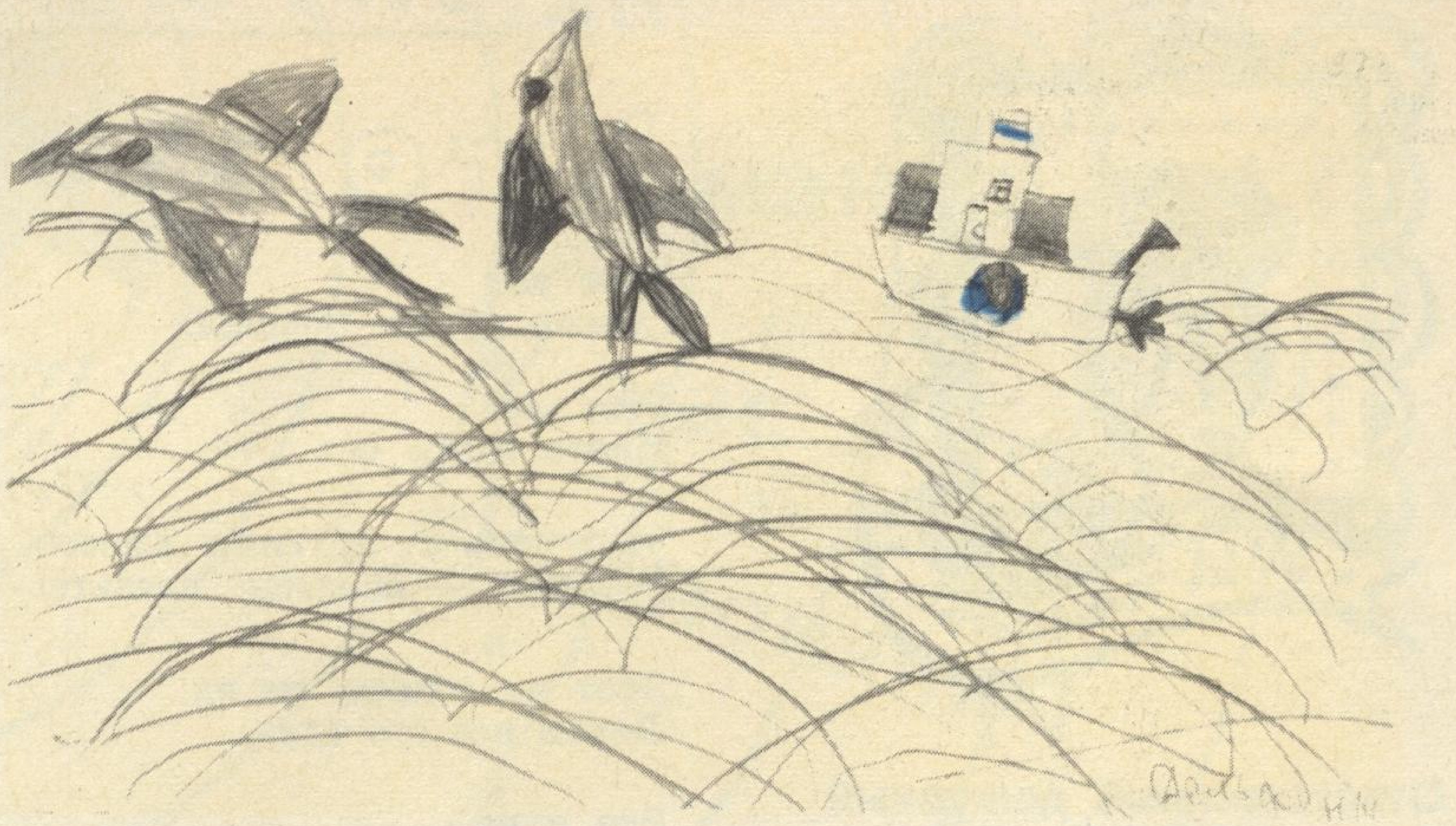
Разбивая крылом волну,
Птица криком рвет тишину.
Обгоняя вечерний мрак,
Уплывает домой рыбак.
Волны
неба черней
и туч,
Что лежат на вершинах круч.
Ветер гонит барашков стада,
И белей молока вода.

В своем письме, которое редакция получила весной, **Марина МАЦЕНКО** (она живет в Алма-Ате) рассказала, что ей одиннадцатый год, что она отличница и скоро станет пионеркой.

Избушка

Эта избушка
была, как старушка:
Согнулась и набок легла.
И ставней окошко
прикрылось немножко,
Как будто избушка спала.
А трактор
с избушкой
хотел подружить.
А трактор
избушку
хотел разбудить.
Пришел как-то
трактор
к ней в гости,
Рассыпались старые кости.

Из стихотворений **Оли САВЕНКОВОЙ** (ей 12 лет, живет она в городе Красный Сулин, Ростовской области) мы выбрали одно.



Лето

Летом солнышко блестит
Над лугами, речкою.
Пастушок с кнутом бежит
За своей овечкою.
На поляне у реки
Уточки гуляют.
А ребята рвут цветы
И ласточек пугают.

Иногда просят художника нарисовать слона или машину, а он отвечает: «Не-е-т, я слона рисовать не умею, и пожарную машину тоже».
Если рисуешь, умей рисовать все. Ты — художник!
АНДРЕЙ ДЕНИСОВ может нарисовать любое сражение, хотя бы оно было двести лет назад! Бородино? Пожалуйста! Куликовскую битву? Отчего нет...
«Золотая осень» **НАТАШИ КРЮКОВОЙ** — настоящая золотая, немного печальная осень, а **ОЛЯ КАПИТОНОВА** рисует и осень, и лето, и зиму, и дома, и лошадей, и лыжника тоже.
ЗОРИК ГРУШНИЦКИЙ совершенно уверен, что дельфины — народец веселый, играть любят не меньше, чем дети, а «Лев» **МАШИ ПОНЕВЕЖСКОЙ**, тот самый лев, которого Маша увидела в зоопарке,— он спит и видит сон про далекую Африку.

Катя **СИДОРИНА** живет в Воронежской области, в городе Георгиу-Деж, перешла в восьмой класс.

Другу

Слышишь? Что-то стучит легонько:
Это дождь набирает силу.
Мы пойдем с тобою тихонько
В край, где все необычно красиво.
Мы не сядем с тобою в автобус,
Будут два рюкзака за плечами,
Будут рядом лишь ты, и твой голос,
И тропинка, идущая с нами.
Доберемся до горной вершины.
Высоко!
А хотелось бы выше...

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Что это?

Этот гол
Сквозь сукно прошел.

*

Этот лес
Много пыли ест.

*

Этот пень с другими вместе
Говорит: — Повыше влезьте!

*

Этот яд совсем не яд.
Летом все его едят.

*

Эта луна
Соком полна.

*

Это лев, но он, однако,
Стал домашним, как собака.

Карату грозит двойка

В мешочке лежат счетные шарики двух цветов: красные и белые. Какое наименьшее число шариков надо достать, чтобы из них можно было сложить десять пар шариков одинакового цвета? (Сами пары, конечно, могут быть и красные и белые. Разумеется, заглядывать в мешочек не разрешается!)

Такую задачу задали на дом щенку Карату. Бедняжка никак не может найти решения. Он совсем измучился и надеется на вашу помощь.

Игры Лупы и Пинцета

Аргиропелекусы клюют

В десяти километрах от устья реки Заир в Атлантическом океане есть место, где в тихую погоду перед закатом солнца отлично клюют аргиропелекусы — рыбешки не больше ерша. Ловить их — одно удовольствие! Стаи этих рыбок держатся на глубине... двух тысяч метров!

Рассчитайте, сколько аргиропелекусов смогли бы вы поймать за час с борта лодки на одну удочку.

ПИНЦЕТ

Ответы на задачи из № 8 будут напечатаны в № 10.

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ ЭДУАРДУ УСПЕНСКОМУ

Когда детская редакция Всесоюзного радио предложила нам придумать новую передачу для ребят, мы даже не представляли, насколько наша жизнь усложнится. Мы — это **народный артист РСФСР Николай Владимирович Литвинов** (в дальнейшем в тексте он обозначается буквой Л.), ведущие передачи — **Александр Лившиц** (он выступает под цифрой **1**) и **Александр Левенбук** (цифра **2**) и я — **писатель Эдуард Успенский** (то есть **Э. У.**).

Дело в том, что все мы учились в школе давным-давно и все школьное забыли. А случилось именно так, что передача получила школьно-ученический уклон. В одной из первых передач мы сообщили ребятам, что во Франции вышла книжка одного учителя под названием «Вперед, бездельники!». Там были собраны смешные ответы французских школьников на уроках. И мы сказали нашим радиослушателям: «Давайте докажем, что наши двоечники не хуже французских. Пишите, что у вас есть смешного на уроках». И к нам посыпались письма.

Когда одного мальчика на уроке попросили назвать домашнее животное, он сказал «слон».

— Ну почему слон? — удивилась учительница.— Давай я тебе немножко подскажу. Кто живет у бабушки, ласковый такой, с усами?

И ученик ответил:

— Дедушка.

В своих письмах ребята стали просить нас разучить с ними какое-то правило, формулу. И мы стали пробовать делать это. Мы взяли в руки учебники и стали изучать глаголы первого и второго спряжений, правило умножения дроби на дробь, правописание окончаний прилагательных и глаголов. Но «Радионяня» — это не только правила и формулы, пересказанные в песенках. Это еще и серьезные, взрослые люди, рассказывающие о своем детстве. Это «Медаль за улыбку» — награда взрослым людям: врачам, учителям, актерам,— которые развеселили ребят и помогли им. Это ответы ученых на вопросы ребят. И многое-многое другое. Одно только объединяет эти разные разделы и темы — юмор.

А теперь пора слушать, вернее, читать, передачу.

Мы рады вас приветствовать,
Товарищи ребята!
Конечно, если дома вы,
А не ушли куда-то.
И просим вас немедленно
Оставить все дела.
«Радионяня»
Сегодня к вам пришла.

КОГДА Я БЫЛ МАЛЬЧИШКОЙ

1. Сегодня об этом рассказывает экс-чемпион мира по шахматам Михаил Таль.

Мне не удалось раскопать какую-нибудь запоминающуюся историю той поры, когда я был мальчишкой, и я расскажу вам историю, как я учил мальчишек.

После окончания института я работал в школе преподавателем русского языка и литературы. Когда я впервые вошел в класс, первым делом мне бросилась в глаза шахматная доска с расставленными фигурами, которая стояла на подоконнике. Соперники еще на перемене начали сражение, но прозвенел звонок, и партия была отложена. Позиция на доске была очень интересная. Видно было, что ход белых и что они могут, красиво пожертвовав ладью, объявить мат в четыре хода. Я подумал: «На перемене я им обязательно покажу: это очень интересная комбинация».

Начался урок. Я вызвал одну девочку к доске, попросил ее написать предложение. В одном слове девочка ошиблась. Я поворачиваюсь лицом к классу, смотрю на шахматную доску и . о ужас! Позиция совершенно изменилась. Уже ни о каком мате не может быть и речи, теперь большой перевес у черных. Все ясно: за эти несколько секунд партнеры обменялись четырьмя-пятью ходами. Можно было легко догадаться, какой мальчик играл белыми.

— Скажи, пожалуйста, на доске все правильно написано? — спросил я его.

— Да, вроде все правильно.

— А почему ты так думаешь?

— А она отличница, она всегда правильно пишет.

— Что вы сейчас делали? — спросил я как можно строже.

— Мы в шахматы не играли.

Пришлось мне взять дневники обоих соперников. После урока я сказал:

— Давайте договоримся: в шахматы на уроках не играть.— И я вернул им дневники.

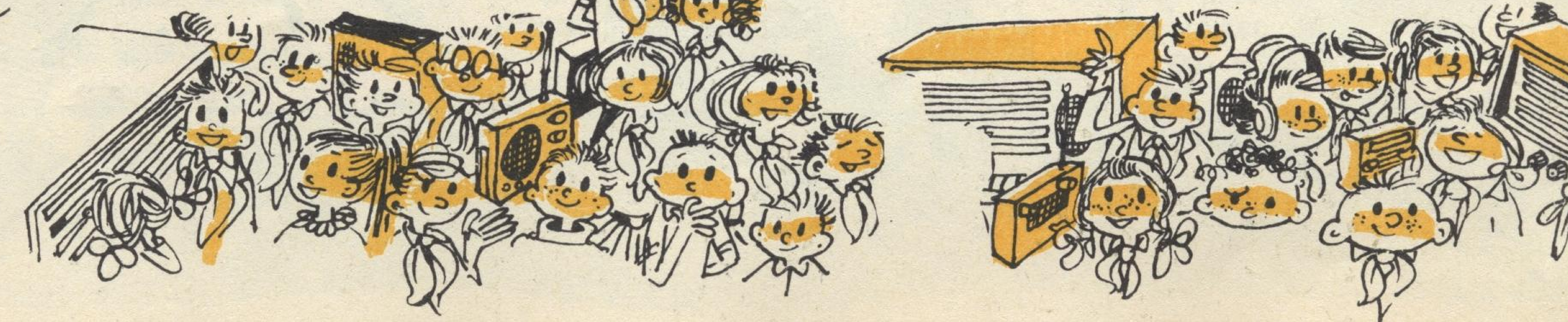
Мальчик, который играл черными, взял дневник без лишних слов. А его соперник остался стоять перед столом, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну, что такое?

— Можно у вас автограф взять?

Должен сознаться, что мне за свою жизнь приходилось давать много автографов, но чтобы ученик просил у учителя автограф в дневнике — такого ни в ту пору, когда я был мальчишкой, ни в более позднее время я не встречал. Я написал в дневнике: «Не нашел мата в 4 хода на уроке русского языка».

1, 2. Спасибо. «Радионяня» и все радиослушатели желают вам побед.



Прозвища

Л. Вот что, дорогие мои ведущие. У меня к вам одно очень важное дело. Но сначала ответьте мне на один вопрос. Как вас называли в детстве?

2. И вспоминать не хочется.

Л. Я понимаю, что не хочется, но надо.

1. Меня звали САША-МАЛАША - ВСЕ - РАСТЕРЯША.

2. А меня — ЛЕВЕНБУК СЪЕЛ БАМБУК.

1. А зачем это вам, Николай Владимирович?

Л. Прочтите-ка вот это письмо.

2. «У нас в классе у всех есть прозвища: кого зовут Бублик, кого Ватрушка. Одну девочку зовут Пышка, одного мальчика Батон...»

Л. Не класс, а просто булочная!

2. «...И всем это очень обидно. Но все делают вид, что так и надо. Нельзя ли все это разоблачить в песенке?»

1. Конечно, можно. Я уже и частушку придумал.

Л. Какую?

1. Звали мальчика Антон.
А теперь зовут Батон.
Ой, булки мои!
Ой, пышечки!
До чего ж неостроумные
мальчишечки!

2. Так и я сочинить могу. Подумаешь!

Звали девочку Танюшка,
А теперь зовут Ватрушка.
Ой, булочки!
Ой, пирожные!
До чего же вы, девчонки,
невозможные!

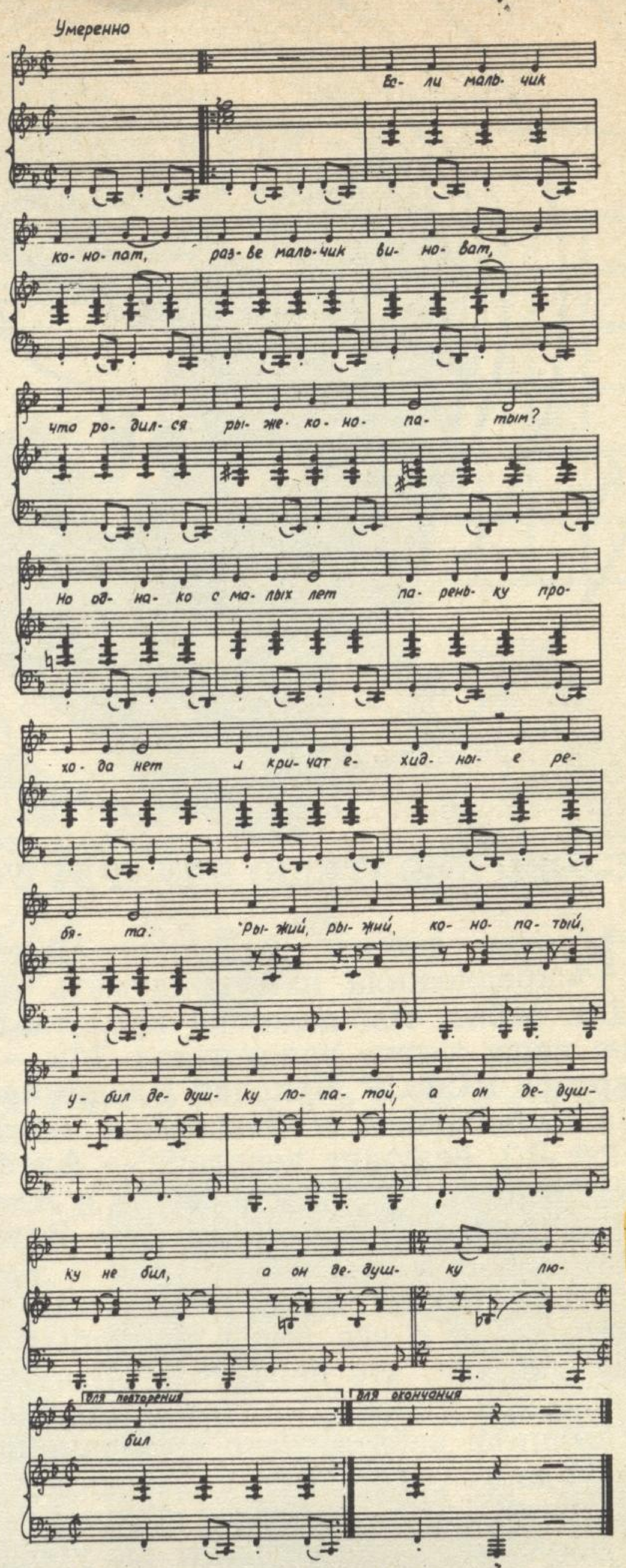
Л. Нет, друзья мои, так не годится. Вместо того, чтобы бороться с прозвищами, вы сами предлагаете: Антон-Батон, Танюшка-Ватрушка. Антоны и Танюшки вам за это спасибо не скажут. Когда я спросил вас про ваши прозвища, вам даже вспоминать их не хотелось. Правильно, Саша-Малаша?

1. Еще как не хотелось!

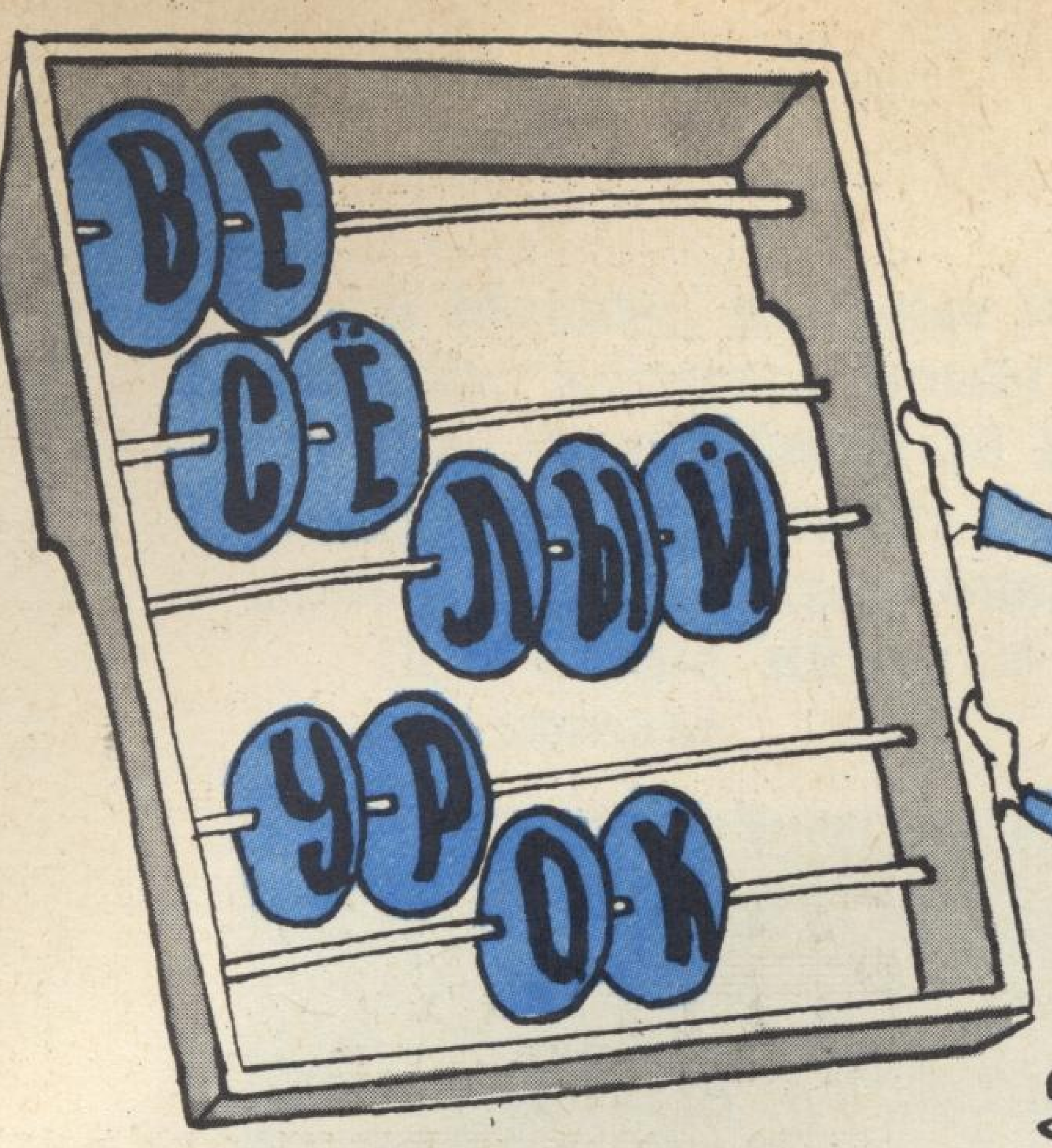
Л. А как обидно бывает курносым? Они, может, в будущем будут академиками или известными артистами, а их Курносыми зовут. Несерьезно это!

2. А как трудно приходится тем, у кого большие уши, как у нашего композитора Бориса Савельева! Или рыжим... Таким, как Эдуард Успенский! Вот что таким делать, Николай Владимирович?

Л. Ничего не делать. Не реагировать на прозвища и дразнилки. Я бы даже сказал, что к ним надо относиться с юмором. Как в песенке про рыжего мальчика.



Если парень конопат,
Разве парень виноват,
Что родился рыже-конопатым?
Но, однако, с малых лет
Пареньку прохода нет,
И кричат ехидные ребята:
— Рыжий, рыжий, конопатый,
Убил дедушку лопатой!
— А я дедушку не бил,
А я дедушку любил.
Мальчик к деду, ну а дед
Говорит ему в ответ:
— У меня ведь тоже
конопушки.
Только выйду я во двор,
Самому мне до сих пор
Все кричат ехидные старушки:



— Рыжий, рыжий,
конопатый,
Убил дедушку лопатой!
— А я дедушку не бил,
А я дедушку любил.
В небе солнышко горит
И мальчишке говорит:
— Я ведь тоже рыжим уродилось.
Я ведь, если захочу,
Всех подряд раззолочу,
Ну-ка, посмотри, что получилось:
Рыжи, рыжи, конопаты
И мальчишки и ребята,
Рыжий папа, рыжий дед,
Рыжим стал весь белый свет.
«Рыжий, рыжий,
конопатый,
Убил дедушку лопатой!»
Если каждый конопат,
Где на всех достать
лопат?

1, 2. Начинается «Веселый урок»!

Л. Ну, товарищи ведущие, что у нас сегодня по расписанию?

1. Это в школе бывает расписание... А у нас веселый урок. Он бывает не по расписанию, а по желанию ребят.

Л. Так что у нас сегодня по желанию ребят?

2. Многие ребята просят разучить с ними правило нахождения корней квадратного уравнения.

Л. Мы с удовольствием разучим с ними это правило. Только объясните мне, пожалуйста, что такое квадратное уравнение? И чем оно отличается от круглого? Или, например, от прямоугольного?

1. Квадратным уравнением называется уравнение, где неизвестное берется в квадрате, то есть во второй степени. Вот вам пример квадратного уравнения: $X^2+PX+q=0$.

Л. Ну и как же отыскать эти корни? Как они выглядят?

1. Очень просто.

$$x_{1,2} = -\frac{p}{2} \pm \sqrt{\left(\frac{p}{2}\right)^2 - q}.$$

Л. Но это же чрезвычайно трудно запомнить!

2. Верно, Николай Владимирович. И вот Таня Лишванова из Иркутской области прислала нам специальное запоминательное стихотворение про эти корни.

Л. Немедленно дайте мне это стихотворение, чтобы я уже на всю жизнь запомнил, что там пополам, что там в квадрате и что там из чего извлекается.

1. Пожалуйста!

Р со знаком взяв обратным,
На два мы его разделим
И от корня аккуратно
Знаком минус — плюс
отделим.

А под корнем, очень кстати,
Половина Р в квадрате.
Минус q. И вот решенье,
То есть корни уравненья.

Л. Но это же совсем другое дело!

А под корнем, очень кстати,
Половина Р в квадрате!

Это же и петь можно.

2. Между прочим, из города Ижевска нам и в самом деле прислали песню про эти корни.

1. Николай Владимирович, согласитесь, что раз ребята для себя придумывают такие песенки, то мы просто обязаны их тоже сочинять.

2. Поэтому мы и заказали авторам нашей «Радионяни» Эдуарду Успенскому и композитору Борису Савельеву такую песню:

Чтобы решить уравненье,
Корни его отыскать,
Нужно немного терпенья,
Ручку, перо и тетрадь.

Минус напишем сначала,
Рядом с ним Р пополам,
Плюс—минус знак радикала,
С детства знакомого нам.

Л. Друзья мои! Я, конечно, в детстве знакомился со знаком радикала. Но сейчас совершенно забыл, что это такое.

2. Это такой знак, который обозначает, что из числа будут извлекать корень квадратный, кубичный или любой другой степени.

Л. Все. Теперь я вспомнил. Но вернемся к песенке.

Ну, а под корнем, приятель,
Сводится все к пустяку:
Р пополам и в квадрате
Минус несчастное q.

Л. Почему несчастное q?

1. Потому что из-за этого q вся путаница. Без него все было бы гораздо проще.

Л. Ну и что? Если вам какая-то буква или предмет усложняет жизнь, значит, его несчастным называть? Например, если вы никак не можете запомнить теорему Пифагора, вы должны говорить: «Квадрат несчастной гипотенузы равен сумме квадратов несчастных катетов»? Так, что ли? Нет, нет, и не уговаривайте меня, я на это не пойду.

1, 2. Согласны, Николай Владимирович.

Ну а под корнем, приятель,
Сводится все к пустяку:
Р пополам и в квадрате
Минус прекрасное q.

Л. Ну вот, это совсем другое дело.

1, 2. Веселый урок окончен.

Хотим, чтобы всегда вам
с нами
Было интересно.
А как добиться этого —
Пока что неизвестно.
Быть может, вы подскажете,
Как верные друзья?
Ведь это только в школе
Подсказывать нельзя.

Э. У. Ну вот и все. Еще раз звучит песенка «Радионяни», и с вами прощаются народный артист РСФСР, наш директор и радиоволшебник, сказочник Николай Владимирович Литвинов, ведущие передачу, композиторы, авторы, режиссеры, редакторы и вся детская редакция Всесоюзного радио. Наш адрес:

МОСКВА, РАДИО,
«РАДИОНЯНЯ».

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

САМИ О СЕБЕ

ОЧКИ

У меня есть хороший друг Слава. Он учится в нашей школе, только в другом классе. Иногда у нас с ним не все ладилось, были ссоры, но они скоро забывались.

И вот врач выписал мне очки. Первый раз я надела очки и вышла, как всегда, с подругой Нелли во двор. Во дворе играл Славка с мальчишками. Тут произошло что-то ужасное. Слава стал стесняться меня. Когда мы играли, он смеялся над моими очками, а потом вдруг при всех мальчишках обозвал меня. Я ушла.

Мне еще не верится, что он так поступил. Он всегда был добрым. И все это произошло из-за очков. Разве можно выбирать друга по одежде или по тому, носит он очки или нет? Славке тоже могли выписать очки...

Лена, г. Пермь.

СОДЕРЖАНИЕ

Мне нравятся такие ребята, которые...— Академик М. И. Кондаков. Рисунки А. Борисова . . . 1
Пятилетка, год третий — решающий... Фотографии М. Скурихиной . . . 2
Первая получка.— Рассказ Ю. Качаева. Рисунки А. Жучковой . . . 3
Ты, я, наш отряд. Фотографии Г. Бибика. Рисунки А. Вовиковой, А. Гришина . . . 8
Горцы у Ленина. Родной язык. Если ты кунак. Всадник, пришпорь скакуна. Стихи Р. Гамзатова. Рисунки И. Урманче . . . 14
Поэт страны гор.— Л. Антопольский . . . 17
Всегда в строю.— А. Иванченко . . . 20
Слушайте все! — Рассказ Л. Матвеевой. Рисунки Б. Гуревича . . . 22
Мальчишки. Мечтатель. Вдвоем. Речка моего детства. Прощание с другом. Бабушка Катя.— Стихи В. Берестова. Рисунки Б. Полянского . . . 28
Школа умелых хозяев
Генеральная уборка.—Фотографии В. Постникова . . . 30
Учебник твой и мой.— М. Невзорова. Рисунки А. Борисова . . . 31
Кусок хлеба.— А. Семиног. Рисунок Ю. Карповой . . . 32
От весны до осени.— Повесть Т. Поликарповой. Рисунки П. Багина . . . 34
Выше, дальше, быстрее . . . 49
Танки учатся.— С. Иванов. Фото Г. Куличенко 49
Боевой листок № 5 . . . 53
Марсианский язык.— Фантастический рассказ К. Симоняна. Перевел с армянского Н. Всеволодов. Рисунки Ю. Фоменко . . . 54
Планета чудес.— А. Гангнус. Рисунки Н. Доброхотовой . . . 59
Что нам читать? . . . 64
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович . . . 66
Встречи с Тремя Неизвестными.— А. Орлов. Рисунки И. Красулина . . . 67
Десять минут здоровья.— Н. Гордеев. Записал В. Ларин. Рисунки А. Гришина . . . 70
Академия домашних волшебников . . . 71
Познай самого себя.— Е. И. Савонько, кандидат психологических наук . . . 73
«Кораблик» . . . 74
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой. . 76
Внимание! Внимание! У нас в гостях «Радионяня»! — Э. Успенский. Рисунки Е. Шабельника . . . 77
Сами о себе . . . 80
На обложке: «Первое сентября. Парад». Рисунок Е. Шабельника.

Главный редактор С. А. ФУРИН.
РЕДКОЛЛЕГИЯ:
О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ (зам. главного редактора), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА (главный художник), Л. С. СИМОНОВА (зав. отделом школьно-пионерской жизни).

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

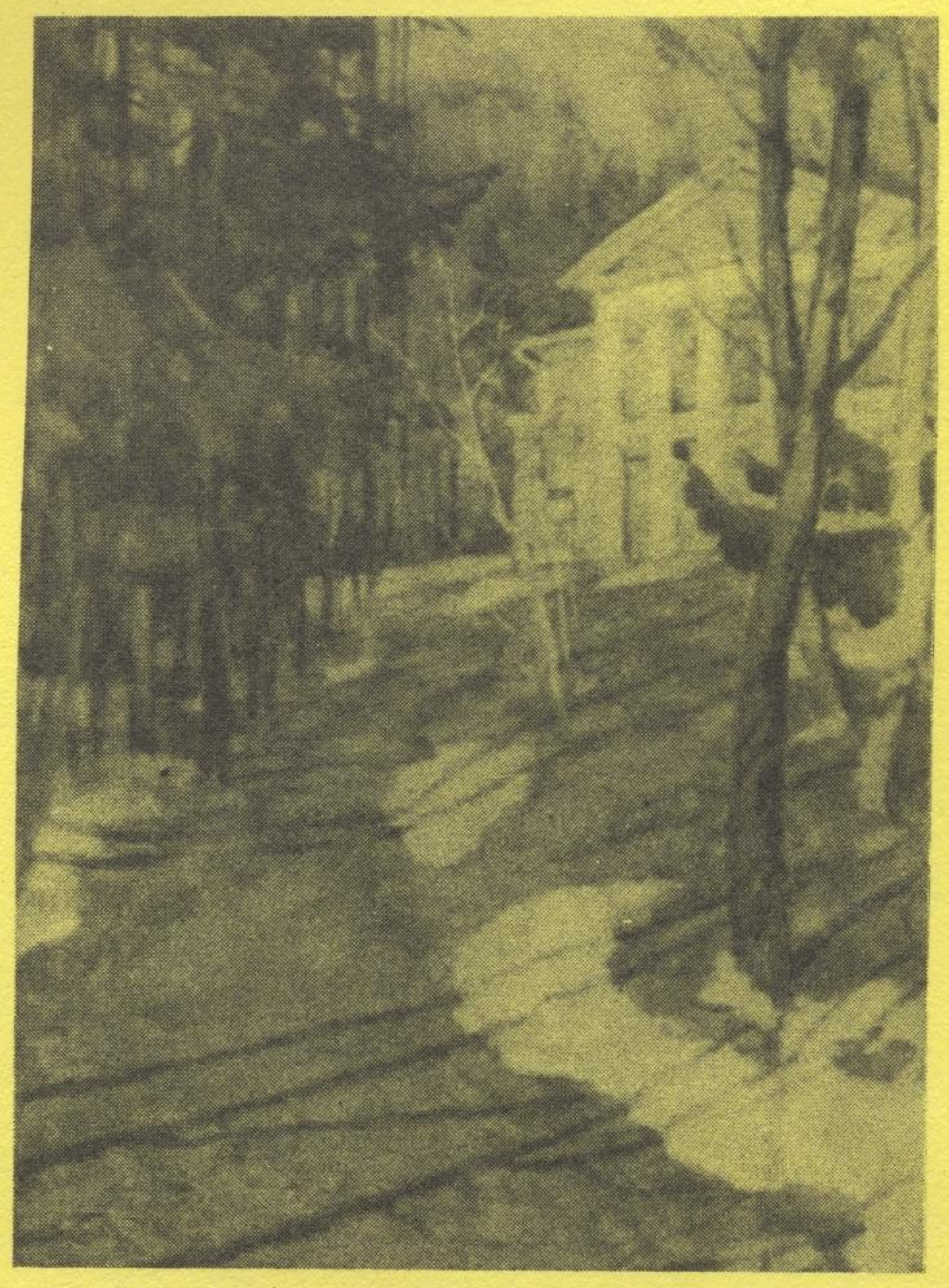
Технический редактор В. П. БОРИСОВА. Макет А. АСТРЕЦОВА.

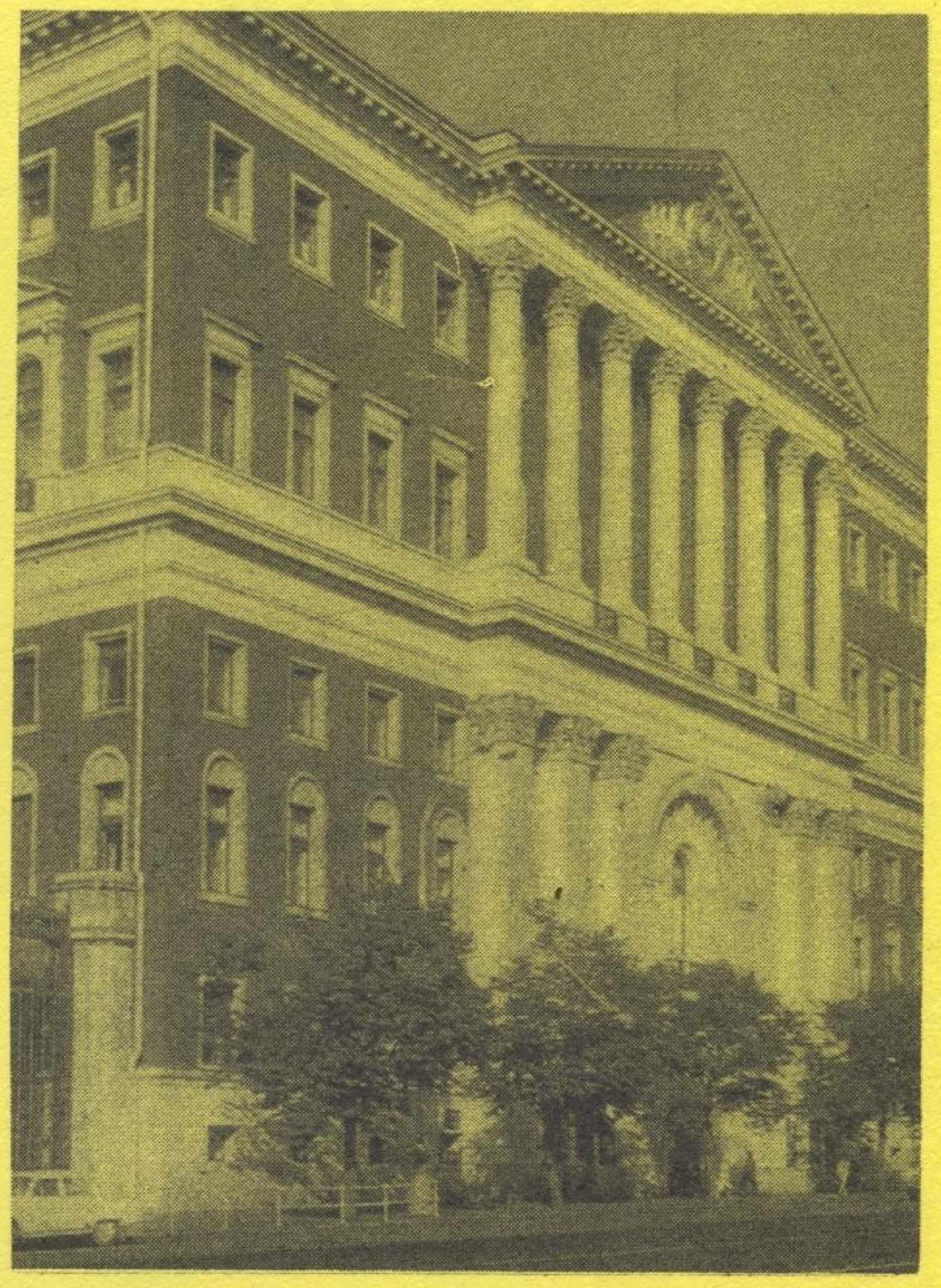
Сдано в набор 27/VI 1973 г. А 02627. Подписано к печати 1/VIII 1973 г. Формат 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1883. Заказ № 823.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В Москве, в «Доме политической книги» (магазин № 84), есть много книг, которые помогут вам больше узнать о Владимире Ильиче Ленине. Здесь богатый выбор открыток, рассказывающих о великом вожде. Они обогатят ваш Ленинский уголок или школьный музей, помогут оформить пионерскую комнату.

Вот какие книги и открытки вы можете выписать для своего отряда, школы.





Абрамов А. **Мавзолей Ленина.** «Московский рабочий», 1972 г. Цена 54 копейки.

Ленин и московские большевики. «Московский рабочий», 1969 г. Цена 1 р. 58 копеек.

Манучарьянц Ш. **В библиотеке Владимира Ильича.** Издание второе, дополненное. Политиздат, 1970 г. Цена 15 копеек.

Никитин П. Е. **По Ленинским местам.** Карта-схема с пояснительным текстом. Лениздат, 1970 г. Цена 29 копеек.

Павлов Г. Н., Розина А. Я. **Памятники Ильичу в Ленинграде.** Лениздат, 1970 г. Цена 37 копеек.

По залам Центрального музея В. И. Ленина. Краткий путеводитель. Политиздат, 1968 г. Цена 67 копеек.

Свиридов Н. и др. **На родине Ленина.** Политиздат, 1969 г. Цена 48 копеек.

Фотиева Л. А. **В. И. Ленин — руководитель и товарищ.** «Знание», 1970 г. Цена 12 копеек.

Фотиева Л. А. **Неиссякаемая энергия.** Политиздат, 1972 г. Цена 9 копеек.

Великий Октябрь. 18 цветных открыток. «Советский художник». 1970 г. Цена комплекта 57 копеек.

Дом-музей В. И. Ленина в Горках. 10 цветных открыток. «Изобразительное искусство», 1970 г. Цена комплекта 23 копейки.

Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле. 10 фотооткрыток. «Планета», 1969 г. Цена комплекта 80 копеек.

Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле. 13 цветных фотооткрыток. «Планета», 1970 г. Цена комплекта 44 копейки.

Ленинская гвардия планеты. 15 фотооткрыток. «Планета», 1970 г. Цена комплекта 17 копеек.

В. И. Ленин. 12 фотооткрыток. 1969 г. Цена комплекта 90 копеек.

В. И. Ленин. Произведения советских художников. 20 цветных репродукций книжного формата. «Советский художник», 1969 г. Цена комплекта 1 р. 03 копейки.

По Ленинским местам Москвы. 16 цветных фотооткрыток. «Советская Россия», 1969 г. Цена комплекта 89 копеек.

По Ленинским местам Подмосковья. 16 цветных фотооткрыток. «Советская Россия», 1970 г. Цена комплекта 53 копейки.

Центральный музей В. И. Ленина. 16 цветных открыток. «Советский художник», 1969 г. Цена комплекта 50 копеек.

Адрес магазина: Москва, К-9, проезд Художественного театра, дом 6. Телефон 292-51-14.

Москнига

БЕЛОКАМЕННАЯ ШКОЛА

Владимир ПРИХОДЬКО

Музыка Бориса ВЛАСОВА

Ноты этой песни напечатаны на стр. 66.

День погожий, день веселый.
Небо — золото и синь.
Белокаменная школа
Среди елок и осин.

Рядом — роща, рядом — поле.
Знают заяц и сурок:
Если тихо в нашей школе,
Значит, там идет урок.

Как прекрасны добрые
слова:
МАМА, ШКОЛА,
РОДИНА, МОСКВА.

Вот и кончились уроки!
И бегут вперегонки
По дорожке, по дороге
Туфельки и башмаки.

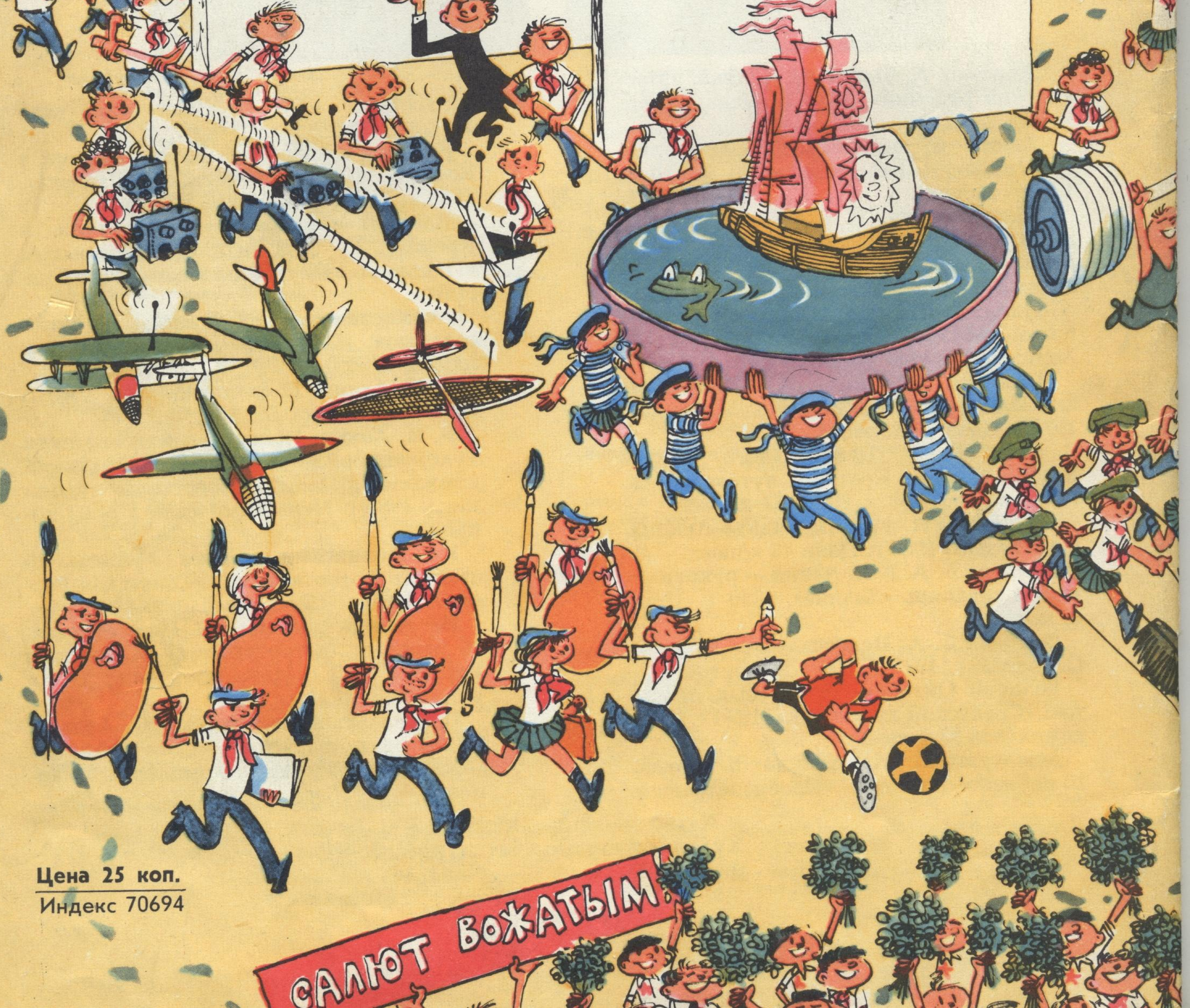
Роща близко, поле близко.
Солнце в небе голубом.
Сколько смеха, сколько визга,
Сколько радости кругом!

Как прекрасны светлые
слова:
МАМА, ШКОЛА,
РОДИНА, МОСКВА.

Но темнеют лес и поле.
Вдалеке горит закат.
Если тихо-тихо в школе,
Значит, в школе нет ребят.

Ветер листья не колышет.
На траве лежит роса.
Завтра школа вновь услышит
Молодые голоса.

Как прекрасны главные
слова:
МАМА, ШКОЛА,
РОДИНА, МОСКВА!



Цена 25 коп.
Индекс 70694